

ISSN 2073-6606
e-ISSN 2410-4531

TERRA ECONOMICUS

18
ТОМ

2020

3
номер

TERRA ECONOMICUS

До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций 16 января 2009 г.
Свидетельство о регистрации средств
массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

Учредитель: Южный федеральный университет

Редакционная коллегия

Главный редактор

Вольчик В.В., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*
volchik@sfedu.ru

Заместитель главного редактора

Кирдина-Чэндлер С.Г., кандидат экономических наук, доктор социологических наук,
Институт экономики РАН, Россия
kirdina777@gmail.com

Боровская М.А., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Бузгалин А.В., доктор экономических наук, *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия*

Валентинов В., PhD, *Лейбниц институт аграрного развития в странах с переходной экономикой (IAMO), Германия*

Клейнер Г.Б., доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, *Центральный экономико-математический институт РАН, Россия*

Курбатова М.В., доктор экономических наук, *Кемеровский государственный университет, Россия*

Латов Ю.В., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, *Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия*

Малкина М.Ю., доктор экономических наук, *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия*

Михалкина Е.В., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Нуреев Р.М., доктор экономических наук, *Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия*

Оганесян А.А., выпускающий редактор, кандидат экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

О'Хара Ф., доктор наук, *Исследовательская группа по глобальной политической экономике (GPERU), Австралия*

Расков Д.Е., кандидат экономических наук, *Санкт-Петербургский государственный университет, Россия*

Стриелковски В., технический редактор, PhD, *Пражская бизнес-школа, Чехия*

Ханин Г.И., доктор экономических наук, *Сибирский институт управления – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия*

Шевченко И.К., доктор экономических наук, *Южный федеральный университет, Россия*

Элман М.Дж., PhD, *Амстердамский университет, Нидерланды*

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/
e-mail: te@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

**Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958**

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vyacheslav Volchik, *Southern Federal University, Russia*
volchik@sfedu.ru

Deputy Editor

Svetlana Kirdina-Chandler, *Institute of Economics RAS, Russia*
kirdina777@gmail.com

Marina Borovskaya, *Southern Federal University, Russia*
Alexander Buzgalin, *Lomonosov Moscow State University, Russia*
Michael Ellman, *Amsterdam University, Netherlands*
Grigoriy Khanin, *Siberian Institute of Management RANEP, Russia*
Georgy Kleiner, *Central Economics and Mathematics Institute RAS, Russia*
Margarita Kurbatova, *Kemerovo State University, Russia*
Yury Latov, *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Russia*
Marina Malkina, *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia*
Elena Mikhalkina, *Southern Federal University, Russia*
Rustem Nureev, *Financial University, Russia*
Phil O'Hara, *Global Political Economy Research Unit, Australia*
Anna Oganessian, *Southern Federal University, Russia* (Managing Editor)
Danila Raskov, *Saint Petersburg State University, Russia*
Inna Shevchenko, *Southern Federal University, Russia*
Wadim Strielkowski, *Prague Business School, Czech Republic* (Technical Editor)
Vladislav Valentinov, *Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies IAMO, Germany*

The submission materials should be prepared in accordance with the Author Guidelines available at
<https://te.sfedu.ru/en/for-authors.html>, manuscripts should be submitted online. Submissions which do not meet
the requirements as stated in the instructions for authors are rejected by the Editorial Board.
The editors will not enter into correspondence about papers rejected.

Established by the Southern Federal University

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>
e-mail: te@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Black Death, "Industrial Revolution" and Paper Age collapse
Taylor J.A. 6

Конституционная политическая экономия по Хайеку:
конфликт между демократией и либерализмом
Заостровцев А.П. 18

Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики
Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. 30

Эффекты цифровой трансформации экономики и качества
жизни населения в России
Литвинцева Г.П., Карелин И.Н. 53

Value of political resource in the Russian economy: Past and present
Levin S., Sablin K. 72

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«Экономия и право первобытного общества»: разбор
эпистолярного наследия Н.И. Зиберы
Расков Д.Е. 87

Исключение и правило. Политэкономические аргументы
Н.И. Зиберы против маржинализма до его триумфа
Погребняк А.А. 108

Теория ренты Рикардо в трактовке Зиберы
Дубянский А.Н. 125

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Оценка устойчивости развития региональных экономик
на основе расстояний Махаланобиса
Малкина М.Ю. 140

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Удовлетворенность трудом в академической сфере
Михалкина Е.В., Скачкова Л.С., Дюжиков С.А. 160

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Economic impacts of innovations in tourism marketing
Streimikiene D., Korneeva E. 182

CONTENTS

CONTEMPORARY ECONOMICS

Black Death, “Industrial Revolution” and Paper Age collapse 6
John A. Taylor

Constitutional political economy by Hayek: The conflict between
democracy and liberalism 18
Andrey Zaostrovtssev

Evolution of heterodox mesoeconomics 30
Svetlana Kirdina-Chandler, Vladimir Maevsky

Effects of digital transformation of the economy and quality of life
in Russia 53
Galina Litvintseva, Ilya Karelin

Value of political resource in the Russian economy: Past and present 72
Sergey Levin, Kirill Sablin

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

«Economics and Law of Primitive Society»: An inquiry into
the epistolary heritage of Nikolaj Sieber 87
Danila Raskov

Exception and Rule. Political and economic arguments
of N.I. Sieber against Marginalism before its triumph 108
Aleksandr Pogrebnyak

Ricardian theory of rent as interpreted by Sieber 125
Alexander Dubyansky

REGIONAL ECONOMY

Assessment of resilient development of the regional economies
based on Mahalanobis distances 140
Marina Malkina

EDUCATIONAL ISSUES

Job satisfaction in the academic sphere 160
Elena Mikhalkina, Lyudmila Skachkova, Sergei Dyuzhikov

INDUSTRIAL ORGANIZATION

Economic impacts of innovations in tourism marketing 182
Dalia Streimikiene, Elena Korneeva

Black Death, “Industrial Revolution” and Paper Age collapse

John A. Taylor

St Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: john.taylor@spbu.ru

Citation: Taylor, J. A. (2020). Black Death, “Industrial Revolution” and Paper Age collapse. *Terra Economicus*, 18(3), 6–17. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-6-17

This essay discusses first English and then world economic history, starting with the Black Death of 1348–1400AD. When the English population and wealth both increased after 1400, the structure of English development by the year 1700 became a little bit like a spiral, this paper says. The aggregate size of wealth increased, but there was little commensurate change in the distribution of wealth. The eighteenth-century English elite absorbed the elites of Wales and Scotland, and then the Protestant elite of Ireland. Then, on the same model of absorption, an English-speaking elite later came to dominate world wealth. As the world population increased in the early modern period, and as aggregate wealth increased apace, the distribution of world wealth became approximately what the distribution of wealth had been in England in 1700. A tiny group of very wealthy people had controlled the wealth of England in 1700. In the late twentieth century, the English elite absorbed the world elite many of whom adopted the English language and much of English culture. They often sent their children to study in Britain or America. Now this tiny elite group, English in language and usually English in culture, controls much of the wealth of the world while at the same time the ongoing increase in population has produced a huge number of very poor people.

Keywords: Black Death; Industrial Revolution; Gunpowder Age

JEL codes: N10, N30, O10

Чума, промышленная революция и закат бумажной эры

Джон А. Тейлор

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: john.taylor@spbu.ru

Цитирование: Taylor, J. A. (2020). Black Death, “Industrial Revolution” and Paper Age collapse // *Terra Economicus*, 18(3), 6–17. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-6-17

В данной статье мы постараемся взглянуть на английскую и мировую экономическую историю, начиная от эпидемии чумы 1348–1400 годов. После 1400 года в Англии одновременно стали расти численность населения и общее благосостояние, к 1700 году стало очевидным, что развитие английской экономики можно представить в виде спирали. Общий размер благосостояния увеличился, но его относительное распределение изменилось лишь незначительно. В XVIII веке шотландская, валлийская, а затем и протестантская элита Ирландии слились с английской элитой. Потом, в результате похожего поглощения англоязычная элита стала контролировать мировое богатство. В то время как численность населения, а вместе с ней и мировое благосостояние, возрастали, структура распределения мирового богатства мало изменилась по сравнению с 1700 годом. В 1700 году богатство Англии находилось под контролем небольшой группы людей. В конце XX века английская элита поглотила мировую, многие члены которой переняли английский язык и культуру, стали отправлять детей на учебу в Британию или США. Эта современная элита, преимущественно англоговорящая и принадлежащая английской культуре, контролирует большую часть мирового богатства, в то время как продолжающееся увеличение численности населения ведет к появлению огромного количества бедных.

Ключевые слова: чума; промышленная революция; эра пороха

Introduction

The COVID-19 virus injured the world's economy in 2020. Economists disagree about the severity of the economic damage, but few economists think it will be possible to make a speedy and complete return to the status quo ante. I would like to join this discussion about the economic impact of COVID-19, but I am a historian, not an economist, and this essay will discuss the past, not the future. Here is my suggestion. The COVID-19 virus will change our view of economic history. In particular, we will change our view of the Industrial Revolution. Technology became the driver of an “Industrial Revolution”, and it raised living standards for some poor people in America, Britain, Japan, and elsewhere, but only after 1945. That increase in living standards for the poor is reversing now due to COVID-19.

King Arthur

Relentless population increase in England followed the Black Death of 1348 to 1400 AD. That period was a long time ago. How to understand such a distant era? Let us approach

it first through literature. Perhaps you read *The Lord of the Rings* by J.R.R. Tolkien. Those novels brought their author immense posthumous fame, but he had little profit from them in his lifetime, and he was known then principally as a scholar of medieval English literature. He was a specialist in a poem called *Sir Gawain and the Green Knight*. Tolkien translated it into modern English. Let us start with that poem. It was written circa 1375 in the north of England and in the dialect of that region. It survived in a single handwritten manuscript, and it was unknown to the public until much later scholars, Tolkien among them, made it famous.

Sir Gawain and the Green Knight was a story of King Arthur. The poem did not originate the King Arthur legend, but its author assumed knowledge of the legend and used the legend as a framework for the tale of Sir Gawain. The poem began with the fall of ancient Troy because, the Arthurian legend said, fleeing Trojans founded the line of ancient English kings of whom Arthur was the greatest. That legendary Arthurian framework borrowed and established; the poem then said that when Arthur was king of England, and when his court at Camelot was the very model of Christian chivalry, then Sir Gawain was a Christian knight who accepted and fulfilled an enchanted chivalric challenge. As Arthur and his knights were celebrating Christmas at Camelot with great feasting, Arthur demanded entertainment, and a Green Knight visited them. He challenged the Fellowship of the Round Table, and Sir Gawain accepted the challenge. He accepted it for the honor of his king and the royal court. Among other things, the story told of a magical green girdle which would protect its wearer from death. The poem was one of the greatest poems of medieval English literature (Tolkien, Gordon, 1967).

The Black Death

The Black Death was a series of visitations of bubonic and pneumonic plague which ravaged much of Europe in the fourteenth century, killing perhaps half the European population between 1347 and 1400. We need to keep the suffering in mind so that we do not lose our way amid sterile statistical data. It is certain that the victims were so numerous that many of them died without the consolation of a priest's ministration. We know this because the Roman Catholic authorities issued special permission for such people. They could shrive themselves and one another if they were in anticipation of death and without a priest. It is also certain that victims died in great misery.

A fictional account captures the horror of the Black Death better than a bald historical narrative (Willis, 2011).

A popular historian also well captured the impact of the Black Death (Tuchman, 2014).

Third, the early twentieth-century Dutch historian Johan Huizinga wrote a famous book which he called *The Waning of the Middle Ages*. He began his book with these words: "To the world when it was half a thousand years younger, the outlines of all things seemed more clearly marked than to us. The contrast between suffering and joy, between adversity and happiness, appeared more striking. All experience had yet to the minds of men the directness and absoluteness of the pleasure and pain of child-life. Every event, every action, was still embodied in expressive and solemn forms, which raised them to the dignity of a ritual" (Huizinga, 2019).

These books together provide us with a good background for our understanding of the Black Death.

Huizinga's words, in particular, help us to read medieval English poetry. Huizinga said that medieval art depicted imaginary and perfect worlds. Gold filled the paintings and the poems. In works of religious art, for instance, Saints Mary and Joseph wore beautiful clothes while on their flight into Egypt even though the gospel text said they were poor and simple people who fled for their lives. Kings and queens always wore cloth-of-gold and crowns with gems and pearls. Medieval artists did this because life was dangerous

and short in medieval times, and most people were very poor. Some were starving. Artists wished therefore to contrast the danger and misery of everyday life with an imaginary world, a world of art, where people lived in luxury and safety.

Huizinga's words were also a good introduction to the Black Death. While plague and death raged, fourteenth-century English people wrote and read of the enchanted and chivalric world of King Arthur.

The Economic Consequences of the Black Death

In England, the population before the plague and the loss of population during the plague are both very difficult numbers for us now to estimate accurately. As Professor David Routt of the University of Richmond wrote, "Imperfect evidence unfortunately hampers knowing precisely who and how many perished. ... National estimates of mortality for England, where the evidence is fullest, range from five percent, to 23.6 percent among aristocrats holding land from the king, to forty to forty-five percent of the kingdom's clergy, to over sixty percent in a recent estimate." You can read on the Internet his excellent summary of recent scholarship (Routt, 2008).

I can offer a fresh way to make estimates of population growth after the Black Death. Gregory King was an English herald and statistician who estimated the wealth and population of England. King made his estimates in 1696, intending them to represent the year 1688. He used tax tables, sampling, church registers and other sources, and he made the English population to be perhaps five and one half million people. For the first time of any age in British history, he gave us accurate and reliable numbers. The consensus among current professional historians certifies King's population estimates as approximately correct. I believe his wealth data were also approximately correct. These numbers were honest attempts to estimate the base available for government taxation.

Gregory King understood that population had increased in the past and would continue to increase in the future. Everyone knows this now, but it was a truly brilliant insight in 1696. Most seventeenth-century Europeans thought the population in their time was smaller than it had been during the Roman empire. That was the point of pictures by Hubert Robert, for instance. You can see some of them in the State Hermitage Museum in Saint Petersburg. Robert's huge paintings showed Robert's own time as one of decline and decadence. Tiny little men and women stand among the vast remains of past Roman greatness¹.

Gregory King, therefore, thought population would continue to increase in the eighteenth century. King analyzed population growth by trying to estimate the period required for the population to double. Let us omit his behind-the-scenes arguments about why the population would increase. Let us go straight to the point. He thought that the English population had doubled since 1300, and he thought it would also have doubled again by the twenty-first century when he guessed the total would be above eight million. He was wrong, of course. The eight million mark was reached well before that date. Demographers will testify how hard it is to be accurate about estimates of population in the far future. The past is easier to estimate. Here are King's estimates of past English population to which I have added a number from the census of 1801.

English Population 1300–1801 AD in millions:

1300 – 2.8; 1400 – 3.3; 1500 – 3.8; 1600 – 4.5; 1700 – 5.5; 1801 – 8.8 (King, 2005).

Gregory King was an empiricist who always corrected his estimates based on common sense and experience. Let us do the same. If half the English population died of plague between 1350 and 1450, we may conjecture, relying on Professor Routt and on common sense, then perhaps nevertheless the total population recovered from that loss by 1400. In other words, if King's numbers for English population were approximately correct for 1300

¹ Cf. Robert, Hubert. Ancient Temple: the "Maison Carree" at Nimes (<https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+Paintings/38115/?lng=>).

and for 1400, and if half that 1300 number would be the total of those dead of the plague, then the horrible mortality of the Black Death merely abated natural population increase from 1300 to 1400, and population began to advance again after 1400. It is not exact, but it is plausible, and it confirms more or less Professor Routt's calculations.

The Black Death's economic consequences on England were stunning. Again, the exact numbers are difficult to estimate now, but we can see they were large because we can almost hear the fifteenth-century hullabaloo. Initial losses of income by landowners accompanied a rise in real wages by workers. Since English laborers were fewer than before, therefore, their real wages rose, reaching heights not seen again until the nineteenth century or the twentieth century. Landowners meanwhile lost money, so they complained, and the results were first an Ordinance of Laborers in 1349 and then a very famous Statute of Laborers (1351). In vain. Wages had risen, and parliament's effort to reduce them only contributed in the reign of King Richard II to a revolt led by Wat Tyler.

Therefore, while the exact numbers are difficult to estimate, whether of population increase or of prices and wages, yet the mechanisms set in motion after 1400 were clear enough. Farmland fell out of cultivation for lack of farm laborers. Of course, also the market for food fell since there were fewer mouths to feed. Much land was therefore turned to pasturage. This was not bad for workers at first, and the raising of sheep benefitted landowners since wool was a cash crop and grain was not a cash crop. If you were a landowner who had lost out during the Black Death by growing grain, then you had lost because you could dispose of your grain only locally, bartering most of it for the labor or for the handmade goods of local people. Grain was less valuable than before because there was less demand for it. Wool was in demand, and you could sell it to merchants who traded it by sea to Antwerp and elsewhere, and those merchants paid you in cash.

After 1400, the English population had begun to recover its numbers, and the increases reversed the rise in real wages because they renewed the numbers of the poor. The poor pressed upon a food supply which had been diminished by the changes in the use of land which began during the Black Death. A landowner who now ran sheep had enclosed the land, altering the incomes of poor people who had enjoyed customary rights to the land when it was under open-field cereal cultivation. Moreover, price inflation remained while wages fell. Alas, also many others of the poor now found no places at all in the system of economic production. Famine had disappeared after the Black Death. Now it came again.

At the very end of the time of the great Queen Elisabeth I (reigned 1558–1603), parliament, dismayed by the reappearance of famine, passed an act that none of her majesty's subjects should starve. The English elite later called this the Old Poor Law. It worked as follows. The Church of England already had the country divided into dioceses and then further subdivided into parishes. Each parish had a vestry council which raised local taxes to maintain the church building there and to pay the parish clergyman. The Old Poor Law used this existing framework. The act tasked the vestry council in each parish to raise additional taxes to maintain poor people who had been born in the parish. The poor could collect these benefits and yet continue to live in their own homes. Paying these benefits while allowing the poor to stay in their own homes was called "outdoor relief". Note that the parish authorities could move along or expel indigent people who were not born in the parish, so bands of roving beggars still existed, and they did not benefit from the Old Poor Law. Also, the system broke down in London where there were many very poor persons of no fixed abode.

By the year 1700, therefore, more than half the English population were irrelevant to economic production. They lived only by handouts from persons in the productive portion of the population. That productive portion consisted of fewer than half of all people in England.

The Black Death was therefore the beginning of sustained population growth accompanied by an increase in aggregate wealth. As population and wealth increased, there was

no change in the structure of society or in the proportionate distribution of wealth. I argue that this be a unique and a separate age, and COVID-19 may be the end of that age (Jordan, 1974).

The Paper Age Collapse

We live during the Paper Age collapse, I believe. The worldwide lock-down of 2020 nailed shut the coffin of the Paper Age.

Let me begin to explain this claim by first explaining the phrase “Paper Age” itself. Paper, printing, and gunpowder all came into Europe from China via Arab intermediaries. People say that some of the Chinese prisoners who were taken at the Battle of Talas (near Samarkand, AD 751) ended up in Bagdad. Among them were men skilled in the making of paper and printing, and these men taught their skills to their captors. Slowly the arts of papermaking and printing filtered into Europe, printing at last reaching England from Germany in the late fifteenth century. One of the first books printed in England was Sir Thomas Malory’s *Le Morte D’Arthur*, by the way. It was an Arthurian romance which William Caxton published in London in 1485. Earlier Arthurian romances had been oral works which were written by hand when they were written at all.

Similarly, black gunpowder may have infiltrated into Europe from China, although some historians claim that it was a native English invention. No matter. It came, and we know the consequences. Black powder then became obsolete in the early twentieth century. Tonio Andrade was a military historian who very ably described the history of black gunpowder and who, naturally inclined to emphasize military history, gave this whole period the title “The Gunpowder Age” (Andrade, 2016).

“Gunpowder Age” is a good suggested name for the era, but I am a historian of ideas, not of war, and I would rather call this period “The Paper Age”. The dates are about the same nonetheless. Paper, printing, and gunpowder all came into England about the same time, say circa 1500, and shortly thereafter the Protestant Reformation came into England, too. Sir Thomas Browne said that printing, gunpowder, and Protestantism all come into England together, and he doubted whether any of the three had brought any benefit. That was the beginning of the Gunpowder Age in England, and “the Paper Age” came in at the same time. The Gunpowder Age was over with the beginning of the twentieth century, and the paper age lasted another hundred years, but it is now over too. We ourselves live through its end even now, therefore, and the end of paper will be one of the lasting consequences of the virus COVID-19. Everything has gone online, and it will stay online. Printed books were already obsolete. Paper letters and snail mail were obsolete. Now they will be forgotten. Even e-mail is obsolete. People meet by Zoom or Skype, and they exchange on-line documents as they chat. Governments even want to get rid of paper money.

Myths of an “Industrial Revolution”

The twentieth century was a time of war and famine and genocide. Just as fourteenth-century people told one another myths about King Arthur – doing so while they lived through a fearful age of plague – so twentieth-century people told one another wonderful mythical stories, doing so amidst war and death.

Twentieth-century myths derived from nineteenth-century originals. Put forward first as fanciful notions from the margins of society, the myths said that a society transformed by technology would enable future people to live lives of material comfort and physical safety. Two versions of the myth dominated western society in the twentieth century: Marxism was one version, and the notion of an “Industrial Revolution” was the other version.

Marxism and the doctrine of an “Industrial Revolution” shared much in common. Both gave a central role to British economic history. Both foretold an age of abundance, as I

already said. Both emphasized technologies. Marxists looked for a transformation brought about by class warfare which was in turn due to changes in the means of production. Let us say that others who spoke of an “Industrial Revolution” were mostly Whig historians who said that Protestantism gave rise to democracy and an “Industrial Revolution”, and the combination of industrialization and democracy provided the sole model for all future world development. Not everyone who spoke of an “Industrial Revolution” was either a Marxist or a Whig, of course. Even the twisted and racist dream of Adolf Hitler foretold a time when industrial advance would bring comfort and safety for Germans.

This phrase “Industrial Revolution” was an invention, a myth, a confection, not much different from the myth of King Arthur and the Fellowship of the Round Table. Nor was it much different from the claim that Trojan refugees founded the line of ancient English kings. Since proponents of various doctrines agreed that British economic development was the model for the world, therefore they needed Britain to have had an “Industrial Revolution”. They placed it in the period after 1750.

There is no doubt where the phrase “Industrial Revolution” first arose. It arose in the context of nineteenth-century French reflection about the French Revolution’s wider impact on society. Several French commentators used the phrase, and Karl Marx and other socialist writers later borrowed it from them. The phrase in these continental usages often had a negative overtone. The industrial revolution was a new thing with some bad consequences, in this view (Bezanson, 1922).

The notion that human reason would bring about society’s systematic advance was a typical French eighteenth-century concept, and France had a European reputation as a home of this concept. Bloody wars of religion in the seventeenth century had produced what the French historian Paul Hazard called a crisis of the European mind, and some leading French intellectuals turned toward reason as an alternative to the revealed Christian religion (Hazard, 1994).

The result was a French taste or fashion for rational improvement. Denis Diderot’s *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné*, a work of the middle of the eighteenth century, showcased many important such advances, among them advances in mathematics, and the great French mathematician Jean Le Rond d’Alembert joined Diderot as co-editor. Advances were also made in chemistry, commerce, and literature in eighteenth-century France, and this work appeared in the *Encyclopedia* although such pure research had little contact with manufacturing until much later when exigency forced Emperor Napoleon to enlist such researchers to help him in manufacturing French munitions and weapons of war.

The phrase “Industrial Revolution” was thus of French origin, but the phrase underwent a sea change when it crossed the English channel, and it came to denote in the English language “a rapid development of industry, chiefly as a result of the introduction of new or improved machinery and large-scale production methods; spec. (usually with capital initials) the development which took place in Britain in the late 18th and early 19th centuries and spread to Western Europe and North America.” This definition comes from *The Oxford English Dictionary* (OED, 2019).

You hear in this dictionary definition a hint of British pride. The Industrial Revolution, taking place first in Britain, then spread to other countries afterward, eventually engulfing the whole world, the dictionary said.

This is truly the standard meaning of the phrase “Industrial Revolution” in English. The dictionary is right in that regard, and its business was after all only to give us the standard usage and not to quarrel with the standard usage. A standard account for use in schools said that the “Industrial Revolution” began in Britain about 1750, that it had a first phase (coal, steel, railways, steam engines) and a second phase (bicycles, telephones, typewriters, and the motor car), and that it led to a fundamentally different social pattern which spread from Britain to other countries throughout the world (Encyclopædia Britannica, 2010).

Let us be clear. The phrase “The Industrial Revolution” was an invention. British people in the eighteenth century were not conscious of beginning an “Industrial Revolution”. That phrase and that interpretation were what historians now call an invented tradition. People invented traditions in the nineteenth century, and they projected them back into the eighteenth century, inventing and imaging a past which did not exist. The Scottish novelist Sir Walter Scott invented many such traditions; for instance he supposed a connection between tartan cloth and the Scottish clans, but no such connection existed in 1745 when Bonnie Prince Charlie led Scottish clansmen south into England to make war and to replace the Hanoverian monarch there. English observers who remarked the appearance of his little Scottish army in England made no mention of any distinctive tartans. Sir Walter Scott invented those things and projected them into the past so that he could write romantic novels. Similarly the invention of an “Industrial Revolution” filled out and justified Marxist and Whig doctrines, which doctrines also themselves partook of a romantic and mythical character.

It is no accident that Whig theorists developed a British myth of “The Industrial Revolution” precisely during the 1840s, a decade called “the hungry forties” when potato blight killed or drove into exile about half the population of Ireland. This was an Irish population catastrophe similar in scale to the proportions of the Black Death.

As in the fourteenth century, nineteenth-century people turned to myth romance. If only Karl Marx had written romantic novels like those of Scott, and if only Marx had not written works of revolutionary activism, then the nineteenth-century world would perhaps have been a more peaceful place.

The Long Run

Brilliant French historians of the late twentieth-century proposed a different and a very good interpretation of economic history. Fernand Braudel was one such historian. Many people think he was the greatest historian of the twentieth century. Here is a brief summary of this interpretation.

Braudel spoke of the long run. With the Neolithic Age, beginning circa ten thousand years ago, came settled agriculture, animal husbandry, and a large increase in the human population. Empires developed in various parts of the world. They developed the use of bronze, an alloy of tin and copper. Because bronze required tin, and because tin had to come to the Mediterranean Sea from Afghanistan or from Cornwall, among other faraway places, Bronze Age empires were very aristocratic. Warfare was conducted on land by charioteers whose steeds and bronze weapons were very costly. Empires around the Levant developed elegant societies and complex trade networks. After the Bronze Age Collapse circa 1200 BC, people in the eastern Mediterranean region developed sophisticated methods for smelting iron ore. That ore was abundant, but it was difficult to smelt into steel. However, once mastered, the techniques of working iron into steel became universal. A system of agriculture and iron-based technology arose, and human beings lived in this system until about 1945. Braudel called that the long run. He thought that before 1945 most people in France, for instance, lived in the countryside and followed agricultural and technological practices which differed little from those many centuries before. The seasons governed the lives of these people. In this regard, Huizinga’s *Waning of the Middle Ages* remains useful. So does the Gawain poem which had a great emphasis on the liturgical year and which began with a celebration of Christmas (Braudel, 1988).

The Similarity of World Wealth Distribution Now and in England in 1700

The whole world now has approximately the same social structure and distribution of wealth as English society did in the year 1700.

In the year 2020, the world's population approached eight billion people. The population of the world was approximately only one billion in the year 1800, and it has grown eight times in the two centuries since then. These astonishing data come from a United Nations table of world population growth².

The distribution of wealth in the world now is as follows. These data also come from the UN. They are also astonishing.

"Our results show that the top wealth decile owned 85% of global wealth in the year 2000. The richest 2% of adults in the world held more than half global wealth, and the richest 1% of adults alone accounted for 40% of all household assets. In contrast, the bottom half of the world adult population owned barely 1% of global wealth. The Gini value for global wealth is estimated to be 89%; the same Gini value would be obtained if \$100 shared amongst 100 people in such a way that one person receives \$90 and the remaining 99 get 10 cents each" (Davies et al., 2006).

Here is the definition of "Gini value" from *The Oxford English Dictionary*: "Designating a statistical measure of how unevenly income, a resource, etc., is distributed among a population, based on the ratio of the mean of the differences between individuals to the overall mean" (OED, 2019).

The distribution of wealth in England in 1700 was approximately what it is in the whole world now. As we have already seen, English population in 1700 was divided into two groups, one of which had the assurance of food clothing and shelter while the other group did not. The poor could subsist only with handouts from the more prosperous group. A small group of the very rich was atop the prosperous group, and below them were many other less wealthy but still prosperous groups, among them merchants who traded by sea. The very rich enjoyed incomes of several thousand pounds per year. Wealth began with the sum of one thousand pounds per year. An income of fifty English pounds sterling per year of income (or about one pound per week) separated the prosperous group from the needy. One pound per week was often the wage of a skilled workman. Aside from religious hermits and recluses (few in number), people did not live alone. Very rich persons usually maintained extensive households consisting of two dozen or more of their relatives and servants. Below fifty pounds, people were in difficulty, but those who obtained handouts survived. Some did not obtain handouts, and below twenty pounds of yearly income, people were so destitute that the family unit shattered. These data come from the seventeenth-century English herald and statistician Gregory King.

A Fractal Analysis of English Population since 1400

English population increase after the Black Death created a social structure which now engulfs the whole world. We can use fractal geometry to analyze it.

The brilliant American and French mathematician Benoit B. Mandelbrot made the word "fractal" popular in the 1970s. He invented the word himself while reading a bedtime story to a child in his family, and he opposed this new word to "algebra", an old word of Arabic origin which once meant uniting into a whole something which had previously been broken apart. Mandelbrot wanted "fractal" to describe the reverse, a breaking of geometrical forms apart, and he spoke of breaking apart a self-similar form, one in which the structure of the large whole was approximately the same as the structure of each of its small component parts. The large compound unit is a fractal, and it comprises smaller units which are also fractal in structure so large and small are all self-similar. Snowflakes and a leaf on a tree provided him examples of self-similarity. In those examples, an object aggregates small components into a large structure, and the structure of the large whole is the same as the structure of the individual components.

² See Human populathio growth (https://populationmatters.org/sites/default/files/styles/full_width_image/public/Historical%20human%20population%20growth%20-%20no%20logo_3.png?itok=Hjwf0HYI).

We can associate Mandelbrot and his fractal geometry with a transformation of statistical science. While building on the work of recent mathematicians such as Helge von Koch, Mandelbrot also made much use of ancient and early modern mathematical ideas. Two important influences on Mandelbrot were the Fibonacci number sequence and the Golden Mean.

The sequence 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, ... was noticed in Renaissance Italy when the name Fibonacci was attached to it. Little is known about the man Fibonacci himself, but he could not have foreseen the immense impact of this work. When other mathematicians added zero to the sequence, they made each number in the sequence equal to the sum of the two previous numbers. The sequence therefore describes a geometric form, the spiral, which is often seen in nature, for instance in some sea shells. Fibonacci was thus among those Renaissance mathematicians who facilitated the introduction of so-called Arabic numerals into Europe, and, with the addition of the zero, Arabic numerals transformed what was then called addition, subtraction, multiplication, and division.

Let us apply all this to the population increase in England after 1400. Changes in the structure of English society had the character of a spiral. If we take English society in 1700 as an initial overall item, then we can see that the whole world economy now is also an overall item. The difference between the two of them is in scale, but they are approximately similar in structure. Approximately, mind you. Mandelbrot always used the word approximately. As the population grew, the distribution of wealth has remained approximately the same in proportionate terms, while aggregate wealth greatly increased as the population increased. That was the spiral. The proportions remain the same while the aggregate size increases.

English society became part of the world fractal, world wealth concentrated in England. Marxist and laissez-faire historians mistook this concentration for an "Industrial Revolution", mistakenly attributing the growth of wealth to technological changes within the English means of production. In reality, much of this wealth was acquired from overseas. To take three examples, the British Honorable East India Company took control of India in the late eighteenth century. Prior to that time, India had been a byword for wealth, differing in that regard from Europe, which was poor and backward. The problem was that Indians were divided against one another, and The Honorable Company found that they could divide and conquer. Trade was a challenge. Indians need little woollen cloth, still a principal English export, but Indians produced a cotton textile called shoddy, which name the English gave to it using a word borrowed from the woollen trade. The Honorable Company found large markets for shoddy cotton cloth in Britain itself, where cotton shoddy became a substitute for linen, and also in the Indian Ocean, a body of water whose trade The Honorable Company controlled. The British were a seafaring people, and Brahmins were forbidden by their Hindu religion from journeys over salt water. The East India Company soon produced cheap cotton cloth in England, replacing and extinguishing the Indian producers. Similarly and more famously, David Ricardo told the Portuguese that Portugal would benefit from allowing English woollen cloth into the country, extinguishing the hitherto viable Portuguese woollen production. Again, by naval power, the East India Company suppressed the power of the Chinese government to control its own internal or domestic trade. Ruling India already, the Company judged themselves too weak to control in addition the huge expanse of China, so the Company decided to break the Chinese government and plunder the broken remains of the country. By such means, the upper ranks of English society engrossed the wealth of the world (Mandelbrot, 1982).

The English elite used the Protestant Reformation of 1529 and following to enlist the elites of Wales and Scotland. Together with the Protestant elite of Ireland they all eventually formed a British elite which remained largely English in speech and culture. In the twentieth century, the world elite also became largely English-speaking and also very nearly English in culture. Thus the whole world economy became a single huge fractal unit

comprising individual smaller fractal units, each small fractal similar in structure to the world fractal (Phillips, 1999).

A Real Industrial Revolution Began in 1945

Before 1945, wealth increased as the population increased with an increase in aggregate wealth but little change in the distribution of wealth. There was a technological advance, but population increase was the main driver of the increase in wealth. Prior to 1945, there were technological advances such as dynamite, the railway, the telegraph, the steel steamship, the typewriter, the motorcar, and the airplane, but in retrospect, these advances were small in scale, and much of this technology until 1945 had to do with transportation. Most of them were connected with the creation of a single world economy. They often modified technology available to the ancient Romans and the ancient Egyptians, and the modified technology formed the world into a unified fractal structure. The development of technology before 1945 was part of the spiral in other worlds. Paper and gunpowder were early examples of this, we see now.

That changed following 1945. Huge technological advances became commonplace. Atomic bombs, penicillin, TV, space rockets, computers, robots, and virtual reality are all examples. We were in a new situation.

Conclusion

COVID-19 changed the way in which we should interpret economic history. This essay has been about change. Just now the virus brings about the passing of the twentieth-century mythic and romantic notion that an English or British “Industrial Revolution” in the period prior to 1945 will lead us to a future time of material abundance and physical safety for most people in the world. It is the very rich who have benefitted from COVID-19. The virus forced a triumph of post-1945 technology, especially virtual communications, greatly and quickly increasing the isolation, wealth, and power of the tiny handful of people at the top of the world’s fractal structure. This is no prediction, mind. It has already happened. Meanwhile, we must face the fact that population increase overwhelms the very many people at the bottom of the world economy. Again, no prediction. This has also already happened. The virus did not cause it. The virus only forces us to recognize it. Without assistance, the outlook of the world’s poor people is very bleak. Furthermore, even in Britain and America the unemployment and hardship brought about by COVID-19 have erased many of the post-1945 gains in living standards for ordinary people.

References

- Andrade, T. (2016). *The Gunpowder Age: China, Military Innovation, and the Rise of the West in World History*. Princeton: Princeton University Press, 668 p.
- Bezanson, A. (1922). The early use of the term Industrial Revolution. *Quarterly Journal of Economics*, (36), 343–349.
- Braudel, F. (1988). *The Identity of France*, in 2 vols. New York: Harper and Row.
- Davies, J., Sandström, S., Shorrocks, A., Wolff, E. N. (2006). The global distribution of household wealth. *United Nations University UNU-Wider* (<https://www.wider.unu.edu/publication/global-distribution-household-wealth> – accessed June 01, 2020).
- Encyclopædia Britannica (2010). Industrial Revolution. *Encyclopaedia Britannica Ultimate Reference Suite*. Chicago: Encyclopædia Britannica.
- Hazard, P. (1994). *La crise de la conscience européenne*. Paris: Le livre de Poche, 444 p.
- Huizinga, J. (2019). *The Waning of the Middle Ages*. Seattle: Steppenwolf Press, 408 p.

- Jordan, W. K. (1974). *The Charities of London 1480–1600*. Hamden: Archon Books, 463 p.
- King, G. (2005). Natural and political observations / In: Taylor, J. A. *British Empiricism and Early Political Economy: Gregory King's 1696 Estimates of National Wealth and Population*. Westport, Ct: Praeger, 193 p.
- Mandelbrot, B. B. (1982). *The Fractal Geometry of Nature*. San Francisco: W.H. Freeman, 460 p.
- OED Online (2019). Oxford University Press (<http://proxy.library.spbu.ru:2500/view/Entry/44446039?redirectedFrom=industrial+revolution&> – accessed March 01, 2019).
- Phillips, K. (1999). *The Cousins' Wars: Religion, Politics, and the Triumph of Anglo-America*. Kindle Edition. New York: Basic Books, 361 p.
- Routt, D. (2008). The economic impact of the Black Death / In: R. Whaples (ed.) *EH.Net Encyclopedia*, July 20 (<http://eh.net/encyclopedia/the-economic-impact-of-the-black-death/> – accessed June 24, 2020).
- Tolkien, J. R. R., Gordon, E. V. (eds.) (1967). *Sir Gawain and the Green Knight*. Oxford: Clarendon Press, 232 p.
- Tuchman, B. W. (2014). *A Distant Mirror: The Calamitous 14th Century*. Kindle Edition. New York: Random House, 914 p.
- Willis, C. (2011). *Doomsday Book: A Novel*. Kindle Edition. New York: Random House, 608 p.

Конституционная политическая экономика по Хайеку: конфликт между демократией и либерализмом

Андрей Павлович Заостровцев

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург
Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zao-and@yandex.ru

Цитирование: Заостровцев, А. П. (2020). Конституционная политическая экономика по Хайеку: конфликт между демократией и либерализмом // *Terra Economicus*, 18(3), 18–29. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-18-29

В настоящей работе анализируется конституционная политическая экономика Фридриха фон Хайека на основе известного противоречия между демократией и либерализмом. Утверждается, что Хайек примерно в одно время с исследователями из школы общественного выбора разработал концепцию провалов демократического государства, которая остается актуальной и по сей день. Среди них выделяются такие как подчинение групповым интересам, чрезмерная перераспределительная активность (рост государства благосостояния), правовой позитивизм как следствие неограниченной воли большинства. Рассмотрен разработанный Хайеком проект конституционного устройства, который нацелен на сокращение влияния электоральной демократии с целью сохранения свободного общества. Особо подчеркиваются отличия подходов Хайека и теоретиков общественного выбора к конституционному строительству: для первого конституция (несмотря на обвинения в конструктивизме по причине предложенного идеала конституционного устройства) – это все-таки продукт эволюции, а для вторых она есть результат рационального выбора под знаменитой «вуалью неведения». Показано, что Хайек одним из первых обратил внимание на формальные и неформальные институты (моральные принципы) и решающую роль вторых для особенностей конфликта между демократией и либерализмом. При этом отмечается роль Хайека как одного из первых исследователей, кто обратил внимание на такие важные аспекты институциональной теории, как конкуренция институтов и существенные ограничения на международный импорт институтов в силу невозможности сконструировать неформальные институты. Итоговый вывод работы заключается в том, что электоральная демократия не разрушает конституционные свободы только в том случае, если последние твердо укоренились в общественном сознании. В противном случае их формальное провозглашение не означает их гарантированного существования.

Ключевые слова: конституция; демократия; либерализм; провалы государства; государство благосостояния; правовой позитивизм; институты

Constitutional political economy by Hayek: The conflict between democracy and liberalism

Andrey Zaoztrovtssev

Higher School of Economics, St. Petersburg

The Center for Modernization Studies (M-center), European University at St. Petersburg

St. Petersburg, Russia, e-mail: zao-and@yandex.ru

Citation: Zaoztrovtssev, A. (2020). Constitutional political economy by Hayek: The conflict between democracy and liberalism. *Terra Economicus*, 18(3), 18–29. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-18-29

This paper analyzes the constitutional political economy of Friedrich von Hayek in the context of the well-known contradiction between democracy and liberalism. It is alleged that Hayek at about the same time as researchers from the school of public choice developed the concept of failures of a democratic state, which remains relevant today. Among such failures are subordination to group interests, excessive redistributive activity (growth of the welfare state), legal positivism as a consequence of the unlimited will of the majority. A draft constitutional structure developed by Hayek is considered, aimed at reducing the influence of electoral democracy in order to preserve a free society. The differences in the approaches of Hayek and theorists of public choice to constitutional construction are especially emphasized. For the former, the constitution (despite accusations of constructivism due to the proposed ideal of the constitutional structure) is still a product of evolution. For the latter, it is the result of rational choice under the famous veil of ignorance. The paper shows that Hayek was one of the first to pay attention to formal and informal institutions (moral principles) and showed the crucial role of the latter to characterize the conflict between democracy and liberalism. At the same time, the role of Hayek is noted as one of the first researchers who drew attention to such important aspects of the institutional theory as a competition of institutions and significant restrictions on the international import of institutions due to the impossibility of constructing informal institutions. The final conclusion of the work is that electoral democracy does not destroy constitutional freedoms only if the latter are firmly rooted in public consciousness. Otherwise, their formal proclamation does not mean their guaranteed existence.

Keywords: constitution; democracy; liberalism; government failure; welfare state; legal positivism; institutions

JEL codes: B31, B53, D72, K10

Введение

В книге «Конституция свободы» Фридрих фон Хайек четко обозначил наличие хорошо известного конфликта между демократией и либерализмом. Ему посвящена, в частности, 7-я глава «Правление большинства». «Либерализм, – пишет автор, – это учение о том, каким должен быть закон, а демократия – это учение о методе опре-

деления того, каким будет закон. Либерализм считает желательным, чтобы законом становилось только то, что одобрено большинством, но он не верит, что в результате обязательно получится хороший закон. Его цель в том, чтобы убедить большинство соблюдать определенные принципы» (Хайек, 2018: 135).

Если заострить постановку вопроса, то можно сказать, что либералу не так уж важно, каким способом будут обеспечены свободы. Если большинство всегда их поддерживает, то почему бы и не дать право голоса всем. В то же время, если вообразить некоего абстрактного диктатора-доброжелателя, одержимого либертарианскими идеалами, то и это вполне устроит классического либерала. При условии, что этот диктатор допускает полную свободу самовыражения, вплоть до любой критики собственного правления. Однако при этом он гарантирует неприкосновенность в реальной жизни всех ценных для либертарианца принципов, не допуская к рычагам власти тех, кто готов их ограничить. С точки зрения твердости гарантий вариант с таким гипотетическим диктатором даже предпочтительнее, так как в этом случае перемена мнения большинства никаким образом не повредит свободному обществу. Единственной, но очень большой проблемой становится преемственность такой политики за пределами жизни властителя.

Для демократа дело обстоит совсем по-другому. «Для демократического доктринера, – пишет Хайек, – тот факт, что большинство чего-то хочет, является достаточным основанием рассматривать это как добро; для него воля большинства определяет не только что есть закон, но и что есть хороший закон» (Там же). Иначе говоря, высшую ценность здесь представляет сам факт коллективного решения, причем такого, которое принимается всеми без каких-либо ограничений. Действует принцип «один человек – один голос». Демократы нередко говорят, что если у демократии и есть недостатки, то исправить их может только еще большая демократия. Это направление сегодня поддерживает идеология делиберативной демократии (Линде, 2015).

Для либертарианцев (а Хайек, несомненно, один из них, хотя и принадлежит к их умеренному крылу) допущение мажоритарных решений всегда представляет серьезную проблему. И, как увидим далее, он ищет пути ограничения «демократического произвола». Поскольку «предостаточно признаков того, что неограниченная демократия движется к гибели...» (Хайек, 2006: 22). Этот свой тезис он разворачивает в целую теорию провалов государства, или, поскольку речь идет о демократическом государстве, ее можно назвать теорией провалов демократии. Она развивалась параллельно с аналогичным видением теоретиков школы общественного выбора¹. Хотя при этом важно помнить об отличиях последней от учения австрийской школы (Holcombe, 2015).

Хайек о провалах демократии

Хайек обратил внимание на три разновидности таких провалов.

1. Превращение демократии как метода принятия решений в «игрушку в руках групповых интересов»: «Всемогущее демократическое правительство именно вследствие неограниченности своей власти становится игрушкой в руках организованных интересов, ибо должно угождать им, чтобы обеспечивать себе большинство» (Хайек, 2006: 420). Эта проблема поднимается неоднократно в книге «Право, законодательство и свобода» (Там же: 332–340). Он описывает те явления, которые теория общественного выбора сделала одними из центральных составляющих своей политической экономики: группы интересов, перераспределительные коалиции, лоббизм. При этом подчеркиваются два условия, которые превращают их в провалы демократии: во-

¹ «Концепция общественного выбора предлагает “теорию провалов государства”...» (Бьюкенен, 2004: 418). Небезынтересно заметить, что и Дж. Бьюкенен в совместной с Дж. Бреннаном работе предвещал грядущее разрушение демократических обществ. «...Без изменения действующих правил политической игры современные демократические общества будут двигаться к саморазрушению –

первых, принятие решений большинством; во-вторых, сам факт наделения законодателей правами перераспределять.

В связи с тем что в современном мире эгоистические групповые интересы все плотнее заворачиваются в тогу социальной справедливости, выделим и весьма негативное отношение классика неоавстрийской школы к оперированию этим термином. «Сам термин “социальная справедливость” лишен всякого смысла» (Там же: 167). Тут же он сравнивается с платьем голого короля из сказки Ганса Христиана Андерсена. «Всеобщая распространенность этого предрассудка не делает его предмет более реальным, чем распространенная в прошлом вера в ведьм или философский камень» (Там же: 168).

Однако это не просто безобидный предрассудок. По мнению экономиста, он разрушителен. И Хайек видит своим долгом избавить человечество от него. «Полагаю, что, если бы мне удалось добиться того, чтобы впредь люди стыдились употреблять это бессмысленное заклинание, я оказал бы ближним величайшую услугу. Я считал своим долгом хотя бы сделать попытку освободить их от демона, который в наши дни обращает добрые чувства в инструмент разрушения всех ценностей свободной цивилизации...» (Там же).

В этом месте может показаться, что Хайек преувеличивал беды, грозящие «свободной цивилизации» по причине увлеченности идеей социальной справедливости. Однако спустя полвека, прошедшие с написания цитируемых выше строк, так не кажется. Уже тогда им было замечено, что «попытки “скорректировать” результаты рынка в направлении “социальной справедливости” ... больше способствовали усилению несправедливости в форме новых привилегий, препятствий мобильности и крушения надежд, чем облегчению участи бедных» (Там же: 306).

В то же время даже Хайеку при всем его пророческом даре вряд ли могло прийти в голову широкое и повсеместное распространение узаконенной дискриминации людей по доступу к занятости, местам в органах законодательной власти, продвижению по службе и поступлению в университеты. Все то, что названо «позитивной» дискриминацией и сопровождается квотированием (формальным или неформальным) по совершенно не относящимся к делу характеристикам людей. Заметим, что, строго говоря, позитивной дискриминации не бывает: в сущности, это привилегии для одних и дискриминация (которая бывает только негативной) – для других. Эта система разрушает бизнес, науку, образование, семью и на сегодняшний день представляет собой главную угрозу свободному обществу. «Свобода и узаконенная борьба государства с частной дискриминацией – две вещи несовместимые. Последняя опасна и для бизнеса, и для семьи, и для самой демократии» (Яновский, Жаворонков, 2018: 66). В основе же активности борцов за социальную справедливость (*social justice warriors*) лежит молчаливый сговор стремящихся к привилегиям меньшинств с политиками, покупающими за счет их раздачи голоса, и бюрократами, получающими новые регуляторные полномочия.

2. Перераспределительная активность (обслуживающая государства благосостояния), которую Хайек называет «легализованной коррупцией». «Бесплатные раздачи за счет кого-то *неизвестного* становятся излюбленным способом купить поддержку большинства» (Там же: 424). Одновременно он подчеркивает ее неизбежность при имеющейся институциональной системе. «При нынешней форме демократии честное правление невозможно даже в том случае, если политики будут сущие ангелы...» (Там же: 456).

Современная критика государства благосостояния суммирована в статье Л. Бальцеровича и М. Раджиковски (Balcerowicz, Radzikowski, 2018). Она подтверждает, что тревога Хайека была оправданной. Наблюдается не только несостоятельность государства благосостояния с точки зрения неудовлетворительных темпов роста, связанных с высоким бременем налогообложения и отвлечением средств от потенциально продуктивных инвестиций на финансирование дефицита средств на предоставление

социальных благ. Происходит еще и подрыв этим государством трудовой морали как несомненной ценности той самой свободной цивилизации, угрозу которой со стороны идеологии социальной справедливости заметил Хайек.

Бальцерович и Раджиковски обращают внимание на так называемый «налог участия» (participation tax), который ложится на дополнительный доход семейной пары с двумя детьми в случае перехода от незанятости к работе одного из супругов на среднюю зарплату. В 2014 году для стран ОЭСР он варьировал от 19,4% в Италии до 94,7% в Дании. Еще в четырех странах (Ирландия, Голландия, Австрия и Финляндия) он превышал 80%. Складывается этот налог из возрастающих в результате занятости налогов и утрачиваемых социальных трансфертов. Предельная эффективная налоговая ставка в случае перехода одного из супругов в такой же семейной паре с работы на половину ставки средней зарплаты к полной ставке колеблется от 13,8% в Южной Корее до 94,4% в Дании. Еще в четырех странах (Канаде, Голландии, Финляндии и Великобритании) она превышает 70% (Ibid.: 8–9).

Авторы заключают: «Левые антикапиталисты имеют тенденцию оплакивать то, что они называют “социальным исключением”, и обвинять в нем свободные рынки. В реальности вина должна быть возложена на те порочные свойства государства благосостояния, которые обрекают некоторых людей на бездействие и подрывают их семейную жизнь» (Ibid.: 9).

Этот тезис нашел свое подкрепление и в исследовании М. Таннера и Ч. Хьюгса. Щедрость пособий одинокой матери с двумя детьми делают невыгодным выход на работу. В девяти странах Евросоюза стоимость предоставляемых ей социальных благ выше минимальной заработной платы, а в Великобритании составляет 160% от последней. Ее можно сравнить и со средней заработной платой: в 11 странах она превышает половину чистого дохода индивида, получающего эту зарплату, в шести превышает 60%, а в Дании составляет 70% данного дохода. Эффективная ставка предельного налога такой матери-одиночки в случае выхода на работу за половину средней заработной платы в 16 странах ЕС превысит 50%, а в Австрии, Хорватии и Дании будет равна 100% (Tanner, Hughes, 2015: 7, 9). Тем самым не только создаются антистимулы для занятости, но и косвенно поощряется отсутствие официального семейного статуса.

Новым веянием является нарастающая популярность идеи безусловного гарантированного дохода, который нередко рассматривается как либеральное решение (Кузнецов, 2019). Действительно, при последовательном воплощении он снимает проблему лоббирования групповых интересов и сильно упрощает социальную поддержку. Однако он есть лишь благое пожелание по двум причинам: во-первых, элементарной нехватки средств даже для относительно скромной выплаты всем гражданам², во-вторых, в силу невозможности перешагнуть через тот самый стереотип социальной справедливости, о котором писал Хайек. Раздача всем, независимо от положения и жизненных обстоятельств, одной и той же суммы денег вызовет просто взрыв общественного возмущения. Если же этот демогрант не заменит все прочие пособия (включая перераспределительные пенсии), то смысл его теряется и тем острее становится проблема элементарной нехватки средств.

3. Правовой позитивизм как следствие неограниченной воли большинства: законодательство в таком случае отделяется от либеральных принципов и, как правило, подавляет их. «Если воля большинства становится неограниченной, то лишь частные цели этого самого большинства будут определять, что такое закон» (Хайек, 2006: 456). Демократический правовой позитивизм готовит почву для диктаторской формы правового позитивизма, разрушая представления о высших, стоящих над формальны-

² Согласно расчетам, для того чтобы каждого гражданина США наделить универсальным базовым доходом, равным уровню бедности для одинокого непрестарелого индивида, потребуется сумма, превышающая весь федеральный бюджет или же в 4 раза большая, чем величина текущих расходов на вэлфер (включая как федеральные расходы, так и расходы штатов). Даже если этот базовый доход заменит все программы борьбы с бедностью, то сохранится дефицит, равный 3,4 трлн долларов (Tanner, 2015: 15).

ми законами принципах. Хайек убедительно показывает это на примере вырождения появившегося впервые в Германии понятия *Rechtsstaat* (правовое государство), когда «весь “закон” свелся к утверждению, что все делаемое тем или иным органом власти должно быть законным» (Хайек, 2018: 311).

На этот момент стоит обратить особое внимание, так как он очень важен для понимания конституционной политической экономики по Хайеку, который говорит об извращении понимания, что такое закон. Согласно либертарной теории права, закон не создается законодателями, а спонтанно открывается людьми³. Кроме того, законы не должны касаться частных сфер, а быть общими правилами для всех⁴. И, наконец, стихийно создаваемые правила должны быть, в сущности, негативны. Их задача очерчивать защищенное пространство каждого индивидуума и тем самым быть эффективными гарантиями индивидуальной свободы (Хайек, 2009: 308).

Хайек о конституции

Хайек, как и теоретики общественного выбора, предлагает то, что позже Бьюкенен назвал «конституционными оковами для Левиафана»⁵. Он неоднократно делает упор на необходимость ограничения демократии во имя сохранения свободы (либерализма). «Ограничена должна быть власть, любая власть, но особенно демократическая» (Хайек, 2006: 420). В этой связи в качестве исторического примера обращается внимание на развитие событий во время Великой французской революции. «Решающим фактором, обрекшим на бесплодие усилия революции утвердить свободу индивида, была созданная ею вера в то, что раз уж вся власть наконец-то оказалась в руках народа, любая защита от этой власти оказывается ненужной» (Хайек, 2018: 257–258).

Что есть конституция по Хайеку? В сущности, ответ дает название работы «Конституция свободы». Это – высший закон, утверждающий и защищающий принципы либерализма (свободного общества). Известно, что Хайек разработал модель «конституции свободы», которую изложил в 17-й главе книги «Право, законодательство и свобода» (Хайек, 2006: 427–448).

Основные предлагаемые им принципы построения гипотетической конституции таковы. Во-первых, законы (правила, которые можно применять к неопределенному числу случаев в будущем) принимает представительный орган – законодательное собрание, которое формируется на довольно оригинальных принципах. Все граждане, достигшие 45 лет, выбирают его членов из числа своих ровесников, сроком на 15 лет. Таким образом, за них голосуют раз в жизни (в 45 лет). Следовательно, ежегодно обновляется 1/15 часть членов этого собрания. Граждане, бывшие членами другого собрания – правительственного, – лишаются права быть избранными в это собрание. После окончания 15-летнего срока члены законодательного собрания получают право занятия должностей, включая должности в сенате, который осуществляет надзор за этим собранием.

³ «Закон – это нечто, что нужно открыть, а не ввести в действие...» (Леони, 2008: 25). И при этом «в обществе нет никого настолько могущественного, чтобы он мог отождествлять свою волю с законом страны» (Там же).

⁴ Впоследствии Бьюкенен отдал должное заслугам Хайека, отмечая, что в «Конституции свободы» он фактически отстаивал принцип универсальности, говоря о равенстве перед законом (Buchanan, 1997: 221). Принцип универсальности (*generality principle*), предполагающий устранение решений эксклюзивно в пользу отдельных лиц, организаций и групп, включая целые отрасли экономики, был разработан Бьюкененом в рамках созданного им нового направления политико-экономической мысли – конституционной политической экономики. Подробнее об этом см.: (Заостровцев, 2013: 38–45). Бреннан и Бьюкенен формулируют действие этого принципа следующим образом: «Если участники сдерживаются пониманием того, что любой достигнутый результат должен быть применим ко всем ним, то у них гораздо слабее стимулы пытаться прибегать к вымогательству ради чисто распределительных выгод...» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 65). Очевидно, что он направлен на сдерживание лоббирования привилегий, перераспределительной политики и роста государства благосостояния.

⁵ В книге «Границы свободы. Между анархией и Левиафаном» Бьюкенен писал о нерешенности проблемы: «Как сковать Левиафана? Эта проблема волновала философов-политологов всех времен, но полностью удовлетворительный ответ на этот вопрос, как приблизить идеал, как реализовать его на практике, не получен» (Бьюкенен, 1997: 227).

Во-вторых, правительственное собрание напоминает обычные парламенты, но с тем исключением, что «ему во всех своих решениях придется придерживаться правил справедливого поведения, установленных и обновляемых законодательным собранием» (Там же: 440). Однако из числа избирателей членов этого собрания предлагается исключить целый ряд категорий граждан. «Вряд ли разумно, – пишет Хайек, – чтобы государственные служащие, пенсионеры и безработные избирали тех, кто определяет, сколько первым будет выплачено из чужого кармана, – ведь этих первых вторые могут купить обещанием увеличить их долю» (Там же: 441)⁶.

На этот момент следует обратить особое внимание. Он очень наглядно демонстрирует противоречие либерализма и демократии с всеобщими электоральными правами. Последовательный либерализм мыслит политическую организацию общества наподобие акционерного общества, где голоса распределяются пропорционально внесенному паю. Поскольку, действительно, при всеобщем избирательном праве общества несут потери, подобные тем, что возникают на самоуправляющихся предприятиях или при эксплуатации ресурсов общего доступа. Этот факт находит свое отражение в дискуссиях об эффективности демократии (Заостровцев, 2018). И одновременно ставит вопрос о моральности всеобщего избирательного права (Яновский, Жаворонков, 2017).

В-третьих, в системе Хайека предусмотрен и конституционный суд. Интересно, что он должен не столько разбирать споры между законодательным и правительственным собраниями, сколько «фиксировать случаи, когда никто вообще не уполномочен на принудительные меры» (Хайек, 2006: 442). Назначение членов этого суда может быть поручено специальной комиссии, созданной из бывших членов законодательного собрания.

В-четвертых, сама конституция. Естественно, что ее создание есть задача особого органа, его задачи нельзя путать с функциями законодательного собрания, которое работает на основе конституции. «Конституция представляет собой своего рода надстройку, защищающую закон и гарантирующую непрерывный процесс его развития» (Там же: 443). При этом «конституция распределяет и ограничивает власть, но не дает никаких предписаний относительно того, как власть должна использоваться» (Там же: 444).

В-пятых, допускается возможность введения чрезвычайного положения, но вместе с тем проговариваются условия, затрудняющие его использование для узурпации власти.

И, наконец, ставится вопрос о разделении финансовых полномочий. Едиными правилами сбора общественных средств должно заниматься законодательное собрание, выбором целей расходов – правительственное. Хайек предлагает сделать универсальным правилом маркированные налоги (жесткую привязку налогов к конкретным расходам). Для того чтобы никто не мог уклониться от бремени расходов.

Хайек как институционалист

Представленный выше гипотетический проект конституционного порядка по Хайеку дал повод для критики и обвинений в непоследовательности. В частности, Г.-Г. Хоппе (Норре, 1994) и Э. де Ясаи (Jasay de, 1994) рассматривали его как разрыв со скептицизмом в отношении правительства, политики и демократии, характерных для классического либерализма. В то же время В. Ванберг не соглашался с тем, что конституционный проект Хайека есть отход от эволюционизма австрийской школы с ее фокусированным вниманием на неполноте знаний и переход к идеологии конструктивизма

⁶ Эту идеологию разделяет либертарная теория права: «...Налогоплательщики вправе контролировать деятельность государственного аппарата путем свободных выборов. Но отсюда вовсе не вытекает, что те, кто не платит налоги, и особенно те, кто существует за счет налогоплательщиков, вправе участвовать в выборах» (Четвернин, 2014: 204).

(Vanberg, 1994). Согласно его взгляду, все политические теории хотя бы в какой-то мере конструктивистские, поскольку они отстаивают тот или иной институциональный дизайн. При этом хорошие теории отличаются от плохих тем, что первые признают ограниченность конструктивизма и отдают должное процессу спонтанного упорядочивания по причине доминирования проблемы знаний. Проводится сравнение подхода Хайека с отношением классических либералов (Д. Юма, А. Смита и др.) к рынку: рыночная практика рождается спонтанно из каких-то исторических случайностей, но нуждается в правовых конструкциях, устраняющих препятствия на пути ее развития. Конституционные институты, по Хайеку, призваны создать такой формальный порядок, который наилучшим образом отвечает проблеме неведения. М. Пеннингтон подводит такой итог дискуссии: «Признание выгод конкурентного процесса не отрицает роли институционального дизайна, но подразумевает создание рамок, которые расширяют пространство конкурентного экспериментирования и открытия полезных практик» (Pennington, 2015: 473).

В целом Хайек придерживается характерной для него общей идеи спонтанной эволюции институтов. «Существующие институты не были созданы по чьему-либо плану, да и невозможно устроить общество на плановых основаниях без того, чтобы не сузить в огромной степени его возможности использовать полезные знания» (Хайек, 2006: 24). Поэтому-то именно непреднамеренный, заранее не распланированный эволюционный процесс порождает эффективные институты: иначе невозможно задействовать необходимые в их создании неявные и рассеянные знания. «Человеку удастся в полной мере использовать свои возможности, когда он осознает свою ограниченность» (Там же: 27).

В этом пункте наблюдается принципиальное расхождение учения Хайека о конституции с конституционной политической экономией, сложившейся в рамках теории общественного выбора. Бьюкенен и Бреннан прямо пишут, что «громадный вред наносился и наносится современными экономистами, утверждающими... что основополагающие конституционные изменения станут побочным продуктом спонтанной эволюции, направленной на создание эффективных структур» (Бреннан, Бьюкенен, 2005: 261). С учетом того, что книга «Причина правил» была издана на Западе в 1985 году, т.е. еще при жизни Хайека, этот тезис можно рассматривать как прямой выпад против него и его последователей.

Хайек делает упор в своем описании спонтанной эволюции на то, что сегодня именуют неформальными институтами (нормами). «Наша цивилизация и есть в основном непредвиденный и непреднамеренный результат нашей приверженности определенным моральным и правовым нормам, которые никогда и никем не были “изобретены” для достижения этого результата, а возникли потому, что общества, которые шаг за шагом развивали эти нормы, на каждом шагу оказывались сильнее других групп, где действовали иные правила, менее благоприятные для развития цивилизации» (Хайек, 2009: 311). Может показаться, что под правовыми нормами имеются в виду формальные законы. На самом деле здесь нужно помнить о том, что для Хайека право – это не кодексы и статьи, а некие принципы человеческих отношений, которые образуются в процессе взаимодействия людей. Кроме того, в этом отрывке содержится и указание на то, что сегодня называется институциональной конкуренцией. Вперед вырываются те людские сообщества, где нормы более благоприятны для развития.

В другом месте Хайек выражается даже более определенно, ставя во главу всего процесса моральные принципы и подчеркивая роль свободы. «Сколь ни странным это может показаться, в долговременной перспективе миром правят определенные моральные принципы, в которые большинство верит. Единственный моральный принцип, сделавший возможным развитие цивилизации, есть принцип индивидуальной свободы» (Хайек, 2006: 472–473).

Фактически задолго до Д. Норта Хайек различает формальные и неформальные институты и определяет последние в качестве основы и детерминанты первых⁷. Это

⁷ О взаимосвязи формальных и неформальных институтов по Норту см.: (Заостровцев, 2014: 40–42).

становится очевидным, когда он обращается к межстрановым сравнениям. «Многим странам недостает еще общекультурной ситуации, проникнутой традициями и верованиями, которая в более удачливых странах питает конституционный дух и позволяет конституции работать...» (Там же: 429). «Институты, с помощью которых западный мир пытался защитить личную свободу от посягательств правительства, не работали, когда их переносили в другие страны, не знавшие подобных традиций: они оказывались недостаточной защитой от давления новых вожелений...» (Там же: 73).

Таким образом, формальные конституционные положения требуют наполнения соответствующей традицией, т.е. неформальными институтами. И в конечном счете конфликт между демократией и либерализмом определен не самим механизмом мажоритарного коллективного выбора, а доминирующими в обществе ценностями, убеждениями. Либеральные конституции могут превратиться в пустые неработающие формы, когда у них отсутствует «подкладка» из адекватных им ментальных моделей.

П. Беттке назвал Хайека «эпистемическим институционалистом» (*epistemic institutionalist*)⁸. В своей книге о Хайеке он отделяет его от откровенных институционалистов и в то же время раскрывает, почему его идеи резонируют с идеями институционалистов. Беттке подчеркивает, что хайековская конструкция координации более социальная и институциональная, чем атомистическая или психологическая (Boettke, 2018). Эту же мысль развивает П. Льюис: «Он (Хайек – А.З.) имеет дело не с самодостаточными индивидами, чьи характеристики остаются независимыми от их социального окружения, но, скорее, с вполне социальными субъектами, чьи сущностные характеристики и способности – рассуждать, калькулировать, действовать и, конечно, быть гуманными – глубоко сформированы социальными структурами (правилами, традициями и институтами)» (Lewis, 2015: 218). Согласно Льюису, в работах Хайека – институциональный или холистический индивидуализм (Ibid.: 219).

Именно отход от методологического индивидуализма, столь характерного для Дж. Бьюкенена и виргинской школы политической экономии, открыл Хайеку возможность связать конституционные порядки с исторически заложенными в обществе моральными принципами и, таким образом, увидеть в этих порядках преемственность и зависимость от исторического пути, а не просто статичный выбор рациональных индивидов под вуалью неведения.

Заключение

Рассмотрение конституционной политической экономии по Хайеку позволяет сделать ряд обобщений. Во-первых, вклад Хайека в создание конституционной политической экономии вполне сопоставим с вкладом тех, за кем формально закрепилось признание в качестве ее «отцов-основателей» (Бьюкенен и др.). Отказ Хайеку в признании в этой области, по всей видимости, связан с его неприятием социального конструктивизма теоретиков школы общественного выбора. Согласно Хайеку, конституции, как и институты в целом, создаются человеческими действиями, но не человеческими замыслами. В то время как конституционная политическая экономия теории общественного выбора вся построена на том, что рациональные *homo oeconomicus* при наличии знаменитой «вуали неведения» сознательно выберут эффективные конституционные ограничения для правительств.

Во-вторых, Хайек довольно точно определил провалы демократического государства. За прошедшее с написания его работ время они только усугубились. Этот факт подтверждает правильность его опасений за устойчивость систем, формально базирующихся на либеральных конституциях.

В-третьих, проект конституции по Хайеку показывает гипотетическую политическую организацию, отвечающую либертарной концепции права. В ней закон восстанавливает свое значение в качестве универсального правила для всех и перестает быть

⁸ Имеется в виду сосредоточенность Хайека на проблеме знания и его видение институтов как средств, позволяющих в той или иной степени преодолевать обусловленные его неполнотой трудности.

инструкцией по управлению текущими делами отдельных сфер общественной жизни. Кроме того, этот проект призван разрешить противоречие между либерализмом и демократией за счет встроенных ограничений электорального произвола. Разумеется, этот проект не следует трактовать как панацею. Он лишь дает некоторые итоговые контуры радикальных либеральных общественных преобразований в конституционном устройстве.

И, наконец, Хайек предстает как исследователь, стоящий на переднем крае институциональной экономики его времени. Однако тут снова повторяется история с конституционной политической экономией: все знают Норта и его теории исторической институциональной динамики, но мало кто имеет представление о том, что сделал в этой области Хайек. Конечно, он не написал отдельного произведения, касающегося только этого вопроса. В то же время это не означает, что у него отсутствовало видение значения институтов. Более того, он, возможно, один из первых раскрыл их двойственную природу: формальный институт утрачивает свою функциональность, когда не имеет «подпитки» со стороны институтов неформальных, которые чаще всего именуются моральными принципами. Это помогло ему увидеть проблему импорта институтов из страны в страну: можно переписать (или написать с нуля) конституцию, но нельзя заимствовать эти принципы.

И это – главная проблема реформаторов. Страны имеют свою культурную и национальную идентичность, которую можно не замечать, но которая в конечном счете будет определять успех или неуспех реформ. Если эта идентичность включает в себе идеалы свободы и неотъемлемых прав индивида, то электоральная демократия не будет большой угрозой для либерализма; если нет, то тогда она будет саботировать и подрывать направленные на его создание преобразования. Применительно к последнему случаю вполне уместно вспомнить, например, такие слова лорда Актона: «Народ, питающий отвращение к институту частной собственности, лишен первейшего элемента свободы» (цит. по: Хайек, 2006: 529).

Литература

- Бреннан, Дж., Бьюкенен, Дж. (2005). *Причина правил. Конституционная политическая экономия*. СПб.: Экономическая школа.
- Бьюкенен, Дж. М. (2004). Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий, с. 417–434 / В кн.: А. П. Заостровцев (ред.) *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор*, т. 4. СПб.: Экономическая школа.
- Бьюкенен, Дж. М. (1997). *Сочинения*. М.: Таурас Альфа.
- Заостровцев, А. П. (2013). Либеральная политическая экономия и философия Джеймса Бьюкенена // *Вопросы экономики*, (11), 34–52.
- Заостровцев, А. П. (2014). *О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев, А. П. (2018). Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков // *Вопросы теоретической экономики*, (2), 8–27.
- Кузнецов, Ю. (2019). Безусловный базовый доход и проблема асимметрии информации // *Экономическая политика*, (3), 80–95.
- Леони, Б. (2008). *Свобода и закон*. М.: ИРИСЭН.
- Линде, А. Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, (1), 52–58.
- Четвернин, В. (2014). Понятие права: конкурирующие парадигмы, с. 161–205 / В кн.: *Капитализм и свобода: сборник статей*. СПб.: Нестор-история.

- Хайек, Ф. А. фон. (2006). *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. М.: ИРИСЭН.
- Хайек, Ф. А. фон. (2009). *Судьбы либерализма в XX веке*. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум.
- Хайек, Ф. А. фон. (2018). *Конституция свободы*. М.: Новое издательство.
- Яновский, К. Э., Жаворонков, С. В. (2017). Несколько заметок о моральности всеобщей избирательной привилегии // *Экономическая политика*, (6), 102–123.
- Яновский, К. Э., Жаворонков, С. В. (2018). Закон и борьба с дискриминацией: равенство или свобода? (Пример США) // *Общественные науки и современность*, (6), 59–68.
- Balcerowicz, L., Radzikowski, M. (2018). The Case for Targeted Criticism of the Welfare State // *Cato Journal*, 38(1), 1–16.
- Boettke, P. (2018). *F.A. Hayek: Economics, Political Economy, and Social Philosophy*. London: Palgrave MacMillan.
- Buchanan, J. M. (1997). *Post-Socialist Political Economy: Selected Essays*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Holcombe, R. (2015). Public choice and Austrian economics, pp. 492–508 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoppe, H.-H. (1994). F.A. Hayek on government and social evolution: a critique // *The Review of Austrian Economics*, 7(1), 67–93.
- Jasay de, A. (1994). The cart before the horse: on emergent and constructed orders and their wherewithal, pp. 29–44 / In: C. Frei, R. Nef (eds.) *Contending with Hayek*. Bern: Peter Lang.
- Lewis, P. (2015). Hayek: From Economics as Equilibrium Analyses to Economics as Social Theory, pp. 195–223 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Pennington, M. (2015). Constitutional Political Economy and Austrian Economics, pp. 465–491 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tanner, M. (2015). The Pros and Cons of a Guaranteed National Income // *Policy Analysis*, 773, May 12.
- Tanner, M., Hughes, Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe // *Policy Analysis*, 779, August 24.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. London: Routledge.

References

- Balcerowicz, L., Radzikowski, M. (2018). The Case for Targeted Criticism of the Welfare State. *Cato Journal*, 38(1), 1–16.
- Boettke, P. (2018). *F.A. Hayek: Economics, Political Economy, and Social Philosophy*. London: Palgrave MacMillan.
- Brennan, G., Buchanan, J. (2005). *The Reason of Rules: Constitutional Political Economy*. Saint Petersburg: The School of Economics Institute Publ. (In Russian.)
- Buchanan, J. M. (1997). *Collected works*. Moscow: Taurus Alpha. (In Russian.)
- Buchanan, J. M. (2004). Politics without romance: A sketch of positive public choice theory and its normative implications, pp. 417–434 / In: A. Zaostrovtssev (ed.) *Milestones of Economic Thought. Welfare Economics and Public Choice*, vol. 4. Saint Petersburg: The School of Economics Institute Publ. (In Russian.)

- Buchanan, J. M. (1997). *Post-Socialist Political Economy: Selected Essays*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Chetvernin, V. (2014). The concept of law: competing paradigms, pp. 161–205 / In: *Capitalism and Freedom: collection of articles*. Saint Petersburg: Nestor-istorija Publ. (In Russian.)
- Hayek, F. A. von (2006). *Law, Legislation and Freedom: A Contemporary Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics*. Moscow: IRISEN Publishing House. (In Russian.)
- Hayek, F. A. von (2009). The Fate of Liberalism in the XX Century. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN Publishing House, Mysl Publ., Sotsium Publ. (In Russian.)
- Hayek, F. A. von (2018). *The Constitution of Liberty*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Holcombe, R. (2015). Public choice and Austrian economics, pp. 492–508 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoppe, H.-H. (1994). F.A. Hayek on government and social evolution: a critique. *The Review of Austrian Economics*, 7(1), 67–93.
- Jasay de, A. (1994). The cart before the horse: on emergent and constructed orders and their wherewithal, pp. 29–44 / In: C. Frei, R. Nef (eds.) *Contending with Hayek*. Bern: Peter Lang.
- Kuznetsov Yu. (2019). Universal basic income and the problem of information asymmetry. *Economic policy*, 14(3), 80–95. (In Russian.)
- Leoni, B. (2008). *Freedom and the Law*. Moscow: IRISEN Publishing House. (In Russian.)
- Lewis, P. (2015). Hayek: From Economics as Equilibrium Analyses to Economics as Social Theory, pp. 195–223 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Linde, A. N. (2015). Deliberative democracy as a trend in modern theory of democracy: Analysis of the main approaches. *Problem Analysis and Public Administration Projection*, 8(1), 52–58. (In Russian.)
- Pennington, M. (2015). Constitutional Political Economy and Austrian Economics, pp. 465–491 / In: C.J. Coin, P. Boettke (eds.) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. Oxford: Oxford University Press.
- Tanner, M. (2015). The Pros and Cons of a Guaranteed National Income. *Policy Analysis*, 773, May 12.
- Tanner, M., Hughes, Ch. (2015). The Work versus Welfare Trade-Off: Europe. *Policy Analysis*, 779, August 24.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. London: Routledge.
- Yanovskiy, K. E., Zhavoronkov, S. V. (2017). The few notes on universal suffrage morality. *Economic Policy*, 12(6), 102–123. (In Russian.)
- Yanovskiy, K., Zhavoronkov, S. (2018). Rule of law and antidiscrimination struggle compatibility: new choice between equality and freedom? (USA case). *Social Sciences and Contemporary World*, (6), 59–68. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2013). Liberal political economy and philosophy of James Buchanan. *Voprosy Ekonomiki*, (11), 34–52. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2014). *On development and backwardness: How do economists explain history?* St. Petersburg: EUPRESS, 248 p. (In Russian.)
- Zaostrovtssev, A. (2018). Economists on the effectiveness of democracy: debate on the turn of the century. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (2), 8–27. (In Russian.)

Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики¹

Светлана Георгиевна Кирдина-Чэндлер

Институт экономики РАН, г. Москва, Россия
e-mail: kirdina@bk.ru

Владимир Иванович Маевский

Институт экономики РАН, г. Москва, Россия
e-mail: maev1941@bk.ru

Цитирование: Кирдина-Чэндлер, С. Г., Маевский, В. И. (2020). Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики // *Terra Economicus*, 18(3), 30–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-30-52

В статье обобщен опыт развития гетеродоксальных мезоэкономических исследований с 1970-х годов по настоящее время, выявлены логика и внутренняя структура гетеродоксальной мезоэкономики, предложена ее предметная классификация. Объединяющим началом мезоэкономических исследований является опора на иные и более реалистичные, по сравнению с ортодоксальной микро-макроэкономической конструкцией, методологические постулаты. Во-первых, мезоэкономика предполагает отход от микроэкономических оснований и принципов аддитивного агрегирования, рассмотрение экономики как сложной многоуровневой системы, в которой мезоэкономические структуры возникают вследствие эмерджентных эффектов процессов экономической коэволюции. Во-вторых, объектом анализа является не только (и не столько) ценовой механизм координации с преобладанием отрицательных обратных связей, что характерно для ортодоксальной экономической теории. Гетеродоксальные мезоэкономисты уделяют больше внимания эффектам положительных обратных связей, которые, с одной стороны, обеспечивают в конечном счете экономический рост, а с другой стороны, могут приводить к разбалансировке экономики. Поэтому они исследуют более сложные спонтанно формирующиеся механизмы координации, которые реализуются в виде необходимых мезоэкономических структур – пространственных, функциональных, временных. В-третьих, признавая законы самоорганизации экономики, гетеродоксальные мезоэкономисты обращают особое внимание не только на конкуренцию как основу экономических взаимодействий, но исследуют механизмы кооперации, редистрибуции, совместной деятельности

¹ Статья представляет собой расширенную и дополненную версию переведенной с английского языка статьи Kirdina-Chandler, S., Maevsky, V. (2020). Meseconomics from the heterodox perspective and its structure. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 6–24 и публикуется с согласия издателя. Авторы выражают благодарность А.И. Волинскому и В. Эльснеру (Германия) за полезные консультации, а также Г.Б. Клейнеру и Г.Д. Гловели за содержательную экспертизу предложенной авторами классификации мезоэкономических исследований. Авторы также признательны участникам научного семинара «Проблемы моделирования и развития производственных систем», состоявшегося в ЦЭМИ РАН (в формате zoom) 5 июня 2020 года, за ценные соображения. Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту за внимательное прочтение статьи и высказанные полезные соображения.

и др. В настоящей статье гетеродоксальная мезоэкономика представлена как эволюционно развивающаяся структура с неявно выраженными переходами, которые, тем не менее, поддаются анализу с позиций системной исторической логики. Опираясь на хронологический подход и принимая во внимание специфику изучаемых мезоструктур в России и за рубежом, авторы в своей классификации выделяют следующие направления гетеродоксальной мезоэкономики: «мезоэкономику локализованных структур», «мезоэкономику сетевых структур», «институциональную мезоэкономику» и «мезоэкономику общественного воспроизводства».

Ключевые слова: мезоуровень экономического анализа; гетеродоксальная мезоэкономика; мезоэкономика локализованных структур; мезоэкономика сетевых структур; институциональная мезоэкономика; мезоэкономика общественного воспроизводства

Evolution of heterodox mesoeconomics²

Svetlana Kirdina-Chandler

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia
e-mail: kirdina@bk.ru

Vladimir Maevsky

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia
e-mail: maev1941@bk.ru

Citation: Kirdina-Chandler, S., Maevsky, V. (2020). Evolution of heterodox mesoeconomics. *Terra Economicus*, 18(3), 30–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-30-52

The established «micro-macro» dichotomy in economics can be considered as a methodological trap today. The established «micro-macro» dichotomy in economics can be considered as such a trap today. It does not allow for exploring increasingly complex relationships in the modern economy and new emerging structures. Therefore a new theoretical space – «meso» – was required. This paper shows how, outside the orthodox mainstream, a new area of economic theory – heterodox mesoeconomics – has shaped. Based on more realistic methodological prerequisites, compared with those accepted in mainstream micro- and macroeconomics, it offers new research programmes and explanatory schemes of what is happening in economic life. The unifying principles of heterodox mesoeconomics include several methodological postulates. First, this is a departure from microeconomic foundations and principles of additive aggregation. Mesoeconomics considers the economy as a complex multi-level system in which mesostructures arise as a result of coevolution processes. Second, mesoeconomics focuses not only (and not primarily) on the price coordination mechanism with a predominance of negative feedback, but rather on the effects of positive feedbacks. Therefore, heterodox mesoeconomists investigate more complex spontaneously emerging coordination mechanisms, as well as spatial, functional and temporal mesoeconomic structures. Third, heterodox mesoeconomists focus not only on competition as the basis of economic interactions but also on cooperation, redistribution, joint activities, etc. The paper

² This paper is an expanded Russian version of the article, Kirdina-Chandler, S., Maevsky, V. (2020). Mesoeconomics from the heterodox perspective and its structure. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 6–24. The publisher's permission for this publication is obtained.

summarizes experience from the heterodox mesoeconomic research since the 1970s to the present.

Keywords: *mesolevel of economic analysis; heterodox mesoeconomics; mesoeconomics of localized structures; mesoeconomics of network structures; institutional mesoeconomics; mesoeconomics of reproduction*

JEL codes: *B15, B25, P16, P51*

Введение

Экономическое сообщество, в отличие от представителей естественнонаучных дисциплин, представляется достаточно разобленным. «Каждый из огромного числа экономистов...», – пишет Арьо Кламер, – способен найти себе лишь горстку собеседников» (Кламер, 2015: 209). Это утверждение современного «гуру» дискурсивного анализа экономической науки справедливо и для России. Согласно недавним работам Л.Г. Егоровой и А.Л. Мячина, российское экономическое сообщество разделено «на три основные группы: преподавателей в университетах, академических исследователей и экспертов-аналитиков, каждую из которых, в свою очередь, условно можно разделить на «продвинутых» и «традиционных» специалистов» (Егорова, Мячин, 2019: 30), при этом каждая группа экономистов имеет свое мнение «о научной важности, престиже и интересе» (Там же).

Фрагментарность и разнообразие интересов экономического сообщества проявляется, в частности, в различном понимании мезоэкономики и отношении к ней у современных экономистов. Для части исследователей мезоэкономика представляет собой одно из наиболее интересных и актуальных направлений развития современной гетеродоксальной экономической теории – к ним относят себя и авторы настоящей статьи. На другом полюсе – экономисты, для которых мезоэкономика подобна экономической ереси. Она вызывает у них отторжение как избыточная сущность по отношению к принятой в ортодоксальной экономической теории дихотомии «микро-макро», поэтому такие экономисты весьма скептически относятся к попыткам развивать мезонаправление в экономической теории. Наконец, есть еще одна, пожалуй, наиболее многочисленная группа тех, для кого мезоэкономика – это преимущественно эмпирическая область исследований, посвященная анализу производственных комплексов, отраслей, секторов и экономических регионов внутри страны³. Такое понимание мезоэкономики чаще всего можно найти в стандартных учебниках по экономике или в экономических словарях.

Объектом нашего рассмотрения является корпус работ преимущественно гетеродоксальных мезоэкономистов⁴. Они ведут исследования в странах континентальной Европы, включая Россию, в некоторых странах Азии, в Австралии, т.е. в основном за пределами североамериканского континента, где сконцентрированы сегодня представители ортодоксального неоклассического мейнстрима. Такая ситуация является, возможно, одной из причин того, почему самая известная и популярная классификация направлений в экономической науке *JEL classification codes*, ежеквартально обновляемая Американской экономической ассоциацией (the American Economic Association), до сих пор не включает в себя код *Mesoeconomics*⁵.

³ Для российского сообщества среди таких экономистов (многие из которых еще хорошо помнят реальность СССР) немало тех, кто ассоциирует мезоэкономику со средним уровнем управления в иерархических системах управления национальным хозяйством.

⁴ Поэтому мы не включили в свой обзор работы некоторых мезоэкономистов, например, Yew-Kwang Ng (Ng, 1982; 1986) или Hans-Rudolf Peters (Peters, 1981), которые вряд ли считают себя гетеродоксами.

⁵ Такое положение дел имеет место несмотря на то, что более 15 лет назад и затем позже было предложено внести в JEL новую категорию: (S0) Meso Economics: General (Dopfer, Foster, Potts, 2004: 263, см. также: Holland, Black, 2018: 15).

Данная статья развивает и дополняет опубликованные ранее работы авторов (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2018; Кирдина-Чэндлер, 2018; Маевский, 2018; Маевский, Кирдина-Чэндлер, Дерябина, 2018; Маевский, Кирдина-Чэндлер, 2020), посвященные обсуждению методологии и специфике развития мезоэкономических исследований. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы более подробно описать внутридисциплинарную структуру гетеродоксальной мезоэкономики как относительно нового, но уже сложившегося направления развития экономической теории⁶. Во втором разделе мы покажем логику построения классификации, основанную, прежде всего, на выделении основных тематических областей. Она включает в себя четыре направления. В третьем разделе будет представлено первое из них – «мезоэкономика локализованных структур», с которого по сути начинались мезоэкономические исследования в России и мире. В четвертом разделе дается описание следующего (в хронологическом смысле) направления – «мезоэкономики сетевых структур». В пятом разделе представлено одно из наиболее разработанных, на наш взгляд, направлений современной гетеродоксальной мезоэкономики – «институциональная мезоэкономика». Шестой раздел представляет новейшее направление гетеродоксальной мезоэкономики, развиваемое московским коллективом ученых из Российской академии наук – «мезоэкономику общественного воспроизводства». В заключении суммируются основные выводы.

Логика построения классификации современной гетеродоксальной мезоэкономики

Попытки классификации мезоэкономических исследований предпринимались в России ранее. Наиболее последовательно они были реализованы в работах (Кирилук, 2017; Круглова, 2017; Волынский, 2017; 2018; Kruglova, Volynskii, Kirilyuk, 2019). Также известны примеры самоидентификации мезоэкономистов, относящих себя к той или иной научной традиции – например, к системному подходу (Клейнер, 2003: 14), к не-ошумпетерианской традиции (Dopfer, 2006; 2012) или к институционально-эволюционному направлению (Elsner, 2010; Elsner, Heinrich, 2009).

В своей работе мы поставили задачу проанализировать динамику *предметности* мезоэкономики: когда в основу классификации мезоэкономической науки закладываются те направления (*предметы* исследований), по которым она развивается, то внимание фокусируется на прогрессе самой мезоэкономики. В этом случае появляется возможность увидеть гетеродоксальную мезоэкономику как эволюционирующую дисциплину, которой присуща своя собственная внутридисциплинарная структура.

Другими словами, мы попытались проследить логику развёртывания и последовательного теоретического наполнения мезоэкономических исследований, продемонстрировав тем самым «накопительные эффекты» внутри складывающейся гетеродоксальной мезоэкономики. Для этого мы использовали хронологический подход и учитывали специфику мезоструктур, которые последовательно включались в орбиту исследовательского интереса гетеродоксальных мезоэкономистов.

Как известно, говоря о науке (научных направлениях), принято различать три компонента: область исследований, совокупность знаний в этой области и методологию (Klir, 2001: 5). Наша классификация базируется прежде всего на различении областей мезоэкономических исследований с целью представить российскому читателю систематизированный корпус имеющихся здесь работ. По ходу изложения мы также кратко отметим некоторые результаты современных мезоэкономистов, чтобы обозначить совокупность новых знаний, накапливаемых в этой области. Однако предварительно обсудим специфику применяемой в гетеродоксальной мезоэкономике методологии, представив набор её основных теоретических предпосылок.

⁶ Впервые эта структура была представлена во Введении к коллективной монографии, авторами которого являются Маевский В.И., Кирдина-Чэндлер С.Г., Волынский А.И., Круглова М.С. (Маевский, Кирдина-Чэндлер, 2020: 26–29, 37).

В чём же методологическая специфика гетеродоксальной мезоэкономики в сравнении с ортодоксальной теоретической микро-макроекономической конструкцией?

Во-первых, отметим характерное для гетеродоксальных мезоэкономистов рассмотрение экономики как сложной многоуровневой системы⁷, причем системы эмерджентного типа, означающее, в частности, что поведение системы как целого отличается от поведения образующих систему элементов. Одновременно такой подход означает, что каждый следующий уровень иерархии в экономике представляет собой *не агрегат* единиц нижнего уровня, но является феноменом с качественно иными свойствами⁸. Тем самым гетеродоксальные мезоэкономисты отказываются от микроэкономических оснований (Гареев, 2010: 47) и рассматривают возникновение и функционирование мезоэкономических структур надындивидуального уровня как следствие эмерджентных эффектов процессов коэволюции (Elsner, 2007).

Во-вторых, гетеродоксальные мезоэкономисты по-иному смотрят на механизм координации в экономике. Ортодоксальная экономическая теория в качестве такого механизма, обеспечивающего согласование интересов участников экономической деятельности, рассматривает преимущественно ценовой механизм. Он направлен на формирование равновесных цен, благодаря которым оказывается возможным оптимизировать выгоды потребителей и производителей, и тем самым балансировать их интересы. При таком представлении экономики принимаются во внимание в основном отрицательные обратные связи. Однако гетеродоксальные мезоэкономисты уделяют больше внимания эффектам положительных обратных связей, которые, с одной стороны, обеспечивают в конечном счете экономический рост, а, с другой стороны, могут приводить к тому, что экономика «идет в разнос». Поэтому они исследуют более сложные спонтанно формирующиеся механизмы координации, которые реализуются в виде необходимых мезоэкономических структур – пространственных, функциональных, временных (Хакен, 2014: 34)⁹. При этом такие структуры обеспечивают постоянную трансляцию, циркуляцию «экономического материала», что позволяет экономике воспроизводить самую себя.

Третья особенность подхода гетеродоксальных мезоэкономистов связана со второй. Это – признание свойства самоорганизации экономических систем, что определяет спонтанность механизмов организации мезоэкономических структур. Именно законы самоорганизации (синергетики) приводят, порой вопреки планам и рациональным ожиданиям участников, к формированию жизненно необходимых структур, организующих экономическую жизнь и обеспечивающих ее воспроизводство и развитие. Условием образования таких структур является не только конкуренция (как это принято в ортодоксальной экономике), но и множество других форм взаимодействий, которые исследуются гетеродоксальными мезоэкономистами. Среди них В.Е. Дементьев выделяет, например, редистрибутивные механизмы (Дементьев, 2018: 11), толлинг, бартер, совместную деятельность и др. (Клейнер, 2011: 21).

Можно видеть, что гетеродоксальная мезоэкономика базируется на несколько иных и, на наш взгляд, более реалистичных предпосылках, чем рафинированные – «too pure» – предпосылки неоклассического мейнстрима. Возможно, это объясняет, почему современные гетеродоксальные мезоэкономисты, по их собственным словам, так приветствуются в «не-академичных» бизнес-школах, читая в них курсы по результатам своих исследований, но не приветствуются в экономике мейнстрима.

⁷ Неслучайно некоторые мезоэкономисты используют слово «системный» при характеристике своего подхода, например Жан Карасс – «the mesoeconomic or sector system approach» (Carassus, 2004: 4).

⁸ Об ограничениях неоклассического мейнстрима, где экономические системы исследуются с позиции микроэкономических оснований и полагаются системами аддитивного типа см.: Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017: 11.

⁹ «Методологический смысл выделения мезоуровня заключается в том, что именно на этом уровне происходит формирование структур как главной характеристики системы. И именно поэтому, как отмечал Г. Хакен, во многих случаях систему вообще достаточно анализировать на мезоуровне, т.к. формируемые на этом уровне структуры уже содержат необходимую информацию об эволюции системы и ее самоорганизации» (Дерябина, 2018: 33).

Итак, вернемся к классификации гетеродоксальных мезоэкономических исследований. Мы выделяем среди них четыре основных направления: «мезоэкономика локализованных структур», «мезоэкономика сетевых структур», «институциональная мезоэкономика» и «мезоэкономика общественного воспроизводства». Будет показано, как эти направления разворачивались последовательно друг за другом, и, хотя порой временные рамки развития каждого из них накладывались друг на друга (и продолжают накладываться, потому что все эти направления активно развиваются сегодня и существуют параллельно), тем не менее, каждое последующее направление, впитывая в себя достижения предыдущих, представляло собой следующий шаг и более глубокое погружение в изучение природы изучаемых мезоструктур.

Мезоэкономика локализованных структур

Направление, с которого начались мезоэкономические исследования, характеризуется рассмотрением формирования и правил поведения разного рода сложных многомерных структур, включающих группы различных экономических субъектов. Это отличало мезоэкономiku от «одномерного» подхода ортодоксальной экономики мейнстрима, где в центре внимания оказывались фирмы (или домохозяйства) с правилами поведения, задаваемыми постулатами неоклассики. Рассматриваемые же мезоэкономистами структуры имели над-фирменный характер и характеризовались первоначально «локальной привязкой» к разного рода экономическим пространствам: речь шла о регионах, секторах, отраслях и т. д. Поэтому мы назвали это направление «мезоэкономикой локализованных структур».

Действительно, одни из первых определений мезоэкономики как новой области исследований появились в англоязычной литературе в 1970-х годах и были связаны с ростом влияния новых рыночных субъектов, прежде всего сверхкрупных национальных и транснациональных корпораций (ТНК). Мезоэкономика была тогда определена как область изучения экономической деятельности именно таких «над-фирменных» образований. Как отмечали мезоэкономисты того периода и позже, олигополистическая конкуренция и новые формы промышленной координации привели к созданию субъектов мезоуровня (Ozawa, 1999), таких как «leading firms» – ведущих фирм (Holland, 1974; 1987) или «corporations with market power» – корпораций с рыночной властью (Holland, Black, 2018: 19). Такого рода структуры, наполняющие экономическое пространство (которые поначалу были объектами исследования и ортодоксальных неоклассических экономистов), все более становились объектами исследований гетеродоксов, и сферу их изучения упомянутые выше авторы называли мезоэкономикой.

Следующими объектами изучения в «мезоэкономике локализованных структур» стали региональные и отраслевые системы, а также сектора и (меж)отраслевые комплексы. Это следует, например, из определения мезоэкономики, которое дал голландский социальный географ Ян Ламбой: «Мезоэкономика может быть определена как промежуточный уровень между макроэкономикой и микроэкономикой. Исследования в сфере мезоэкономики подразделяются на исследования в области региональной экономической теории и также на разработки в области развития отраслей или промышленной организации» (Lambooy, 1990: 254; см. также Duijn, Lambooy, 1982). К объектам мезоэкономических исследований тогда же (и позже) были отнесены и отдельные сектора, например, строительство, промышленность и т.д. (Preston, 1984; Allen, 1989; Carassus, 2000; Andersson, 2003). Сходное понимание мезоэкономики как сферы экономических исследований взаимосвязанных секторов и групп предприятий, которая является полезным инструментом теоретического анализа между микроэкономикой (анализ рынков) и макроэкономикой (анализ экономики в целом), представлено в некоторых главах коллективной монографии «Sectors matter!: Exploring mesoeconomics» (Mann, 2011). Взгляд на экономику через призму взаимосвязанных локализованных

структур помогает, по мнению мезоэкономистов, «прояснить движущие силы в экономике» (Jašová, Kadeřábková, Čermáková, 2017: 256).

Аналогичное понимание мезоэкономики как, прежде всего, мезоэкономики локализованных структур мы находим в работах одного из пионеров мезоэкономических исследований в России Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2003: 15) и его коллег. Так, в монографии «Мезоэкономика развития», вышедшей в 2011 году под его редакцией, мезоуровень рассматривался как система с выделением «четырех основных составляющих»: отраслевая мезоэкономика (отрасли и подотрасли народного хозяйства); межотраслевая мезоэкономика (межотраслевые вертикальные комплексы и надотраслевые комплексы типа АПК и ВПК); региональная мезоэкономика (регионы, территориальные группы предприятий); межрегиональная мезоэкономика (территориальные социально-экономические образования) (Клейнер, 2011: 9). Во всех этих случаях речь идёт о локализованных мезоэкономических структурах.

Закрепленный в данном определении регионально-отраслевой принцип идентификации мезообъектов до сих пор является одним из наиболее распространенных в отечественной научной литературе. Он представлен в учебниках (Журавлева, 2018), экономических словарях¹⁰ и научных журналах¹¹.

Что же нового даёт подход гетеродоксальной мезоэкономики локализованных структур к анализу традиционных, казалось бы, объектов? Приведем лишь один пример, который касается исследований строительного комплекса. Речь идёт о международном проекте CIB (International Council for Research and Innovation in Building and Construction), начатом в 2000 году и посвящённом сравнительному исследованию развития строительного комплекса в 9 странах мира (Carassus, 2004). В основу исследования был положен мезоэкономический подход упомянутого выше Жана Карасса. В рамках данного подхода – автор называет его «the mesoeconomic or sector system approach» (Там же: 4), строительный комплекс рассматривается не как экономическая группа фирм с одним и тем же основным бизнесом или серия производственных цепочек, но как сложная система организованных коммерческих и некоммерческих отношений между производственными и институциональными субъектами, участвующими в создании таких образований, которые образуют жизненную и рабочую среду населения (Там же: 6). Важнейшей задачей функционирования сложной системы такого типа оказывается задача координации отношений между ее элементами. Не максимизация прибыли, характерная для микроэкономического подхода неоклассики, а обеспечение устойчивого функционирования сложной системы в целом выходит на первый план, что составило фокус рассматриваемого мезоэкономического исследования и определило исследовательскую программу выявления и сопоставления основных характеристик, структурирующих строительную деятельность в различных странах. В результате участникам проекта удалось выделить схему основных функций и правил, которая «работает» в 9 рассмотренных в проекте странах (Там же: 13), и уточнить для них границы строительных комплексов (Там же: 190).

«Мезоэкономика локализованных структур» стала первым направлением гетеродоксальной мезоэкономики не только исторически, но и логически. Исторически – поскольку она стала формироваться раньше других направлений и продолжает развиваться¹². Логически это направление предшествовало другим потому, что, как известно, наше внимание легче обращается к тем феноменологическим объектам, которые

¹⁰ См., например, «Мезоэкономика» в «Экономико-математическом словаре...» (Лопатников, 2003; также <http://lopaticnikov.pro/slovar/m/mezoeconomika/>).

¹¹ Например, в «Журнале экономической теории» из 29 статей, опубликованных под рубрикой «Мезоэкономика» (введена в журнале с 2016 года), 27 посвящены исследованиям региональных и отраслевых комплексов, 1 – экономике городов и 1 – сервисным экосистемам (по данным с 2016 года по первое полугодие 2020 года).

¹² Более того, для многих «мезоскептиков» именно «мезоэкономика локализованных структур» продолжает олицетворять собой мезоэкономику в целом.

очевидно наблюдаемы и имеют достаточно выраженную материальную (географическую и/или технологическую) привязку.

Однако по мере накопления эмпирических данных о новых явлениях, возникающих во все усложняющейся экономике, а также в связи с усилением взаимных контактов между мезоэкономистами и другими представителями гетеродоксальной экономики, включая «экономику сложности» (подробнее об этом см.: Кирдина-Чэндлер, 2018), «эволюционную экономику» и т.д., развивались как предметность, так и методология мезоэкономических исследований. Это выразилось в усложнении её внутридисциплинарной структуры.

Мезоэкономика сетевых структур

Когда в современной экономике стали повсеместно распространяться сетевые структуры – одними из первых были кластеры, – мезоэкономический подход также стал использоваться для их анализа. Возможно, впервые он был представлен в книге «Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications». Её авторы Эдвард М. Бергман и Эдвард Дж. Фезер отмечали: «Мы... сосредоточили основное внимание на методах, которые пытаются идентифицировать кластеры в ходе всестороннего анализа региональной экономики. Такие подходы мы называли «мезоуровневым анализом» [meso-level analysis]» (Bergman, Feser, 1999: 28). С тех пор изучение устойчивых сетевых форм взаимодействий стало формировать новое направление гетеродоксальной мезоэкономики, которое мы называем «мезоэкономика сетевых структур».

Это направление, возникшее в связи с распространением анализа региональных и промышленных кластеров, кластеров инноваций, а затем и платформ, все более специфицировалось, а затем и обособилось от «мезоэкономики локализованных структур». Кластеры, а особенно платформы, представляют собой институциональные технологические системы, которые все более независимы от конкретного места, но имеют мощные механизмы для формализации правил и стандартов (Gareev, 2018: 34). Другими словами, объекты «мезоэкономики сетевых структур» отличаются от традиционно понимаемых пространственно закреплённых образований наличием связей не только чисто материального или технологического, но в большей степени информационного, организационного и институционального характера (Manning, 2008; Гареев, 2012: 12). Кроме того, в деятельности таких новых структур начинают доминировать сетевые механизмы и гибридные координационные механизмы (Shastitko, 2009), которые становятся предметом изучения мезоэкономистов.

Специфика подхода мезоэкономистов данного направления, по сравнению, например, с теми, кто работает в сфере *industrial organisation*, состоит в том, что мезоэкономисты «выходят за пределы теории, которая фокусируется в основном на ценовых решениях и антимонопольных практиках» (Gareev, 2018: 34). Подход к анализу кластеров как мезоэкономических структур означает необходимость определения их границ, опору на дедуктивные методы, выявление роли взаимодействия с общественными и государственными структурами и т.д. (подробнее см.: Ibid: 33–34).

Итак, к «мезоэкономике сетевых структур» мы относим те работы, авторы которых заявляют о необходимости использования мезоэкономического подхода к анализу кластеров и используют его. Среди изучаемых ими объектов – кластеры инноваций (Brette, Mehier, 2008), научно-инженерные кластеры (Manning, 2008), кластерная система международной экономической интеграции (Рекорд, 2013; Hervas-Oliver, Boix-Domenech, 2013; Laiko, Kovalenko, 2020) и др.

В российской литературе мы обращаем внимание на работу новосибирских учёных Л. С. Маркова и М.А. Ягольницера 2008 года «Мезоэкономические системы: проблемы типологии». Её авторы, определившие кластеры как одну из разновидностей мезоэкономических систем, подчеркивали, что «...неотъемлемым свойством кластера ... является

системность, которая обуславливается наличием разнообразных связей между участниками кластера и порождает синергетические эффекты» (Марков, Ягольницер, 2008: 20–21).

Аналогичный акцент был сделан в концепции *mesoeconomic plexus* («мезоэкономическое сплетение»), разработанной Джорджем Хорафакисом и Патрисом Лагетом для анализа инновационных кластеров. Такое «мезоэкономическое сплетение» «включает в себя как территориально встраиваемые образования, такие как региональные кластеры, так и территориально не встраиваемые, межфирменные сети» (Chorafakis, Laget, 2008: 52–53), а сами кластеры определены ими как «мезоэкономический локус, в котором возникают инновации и технологические изменения» (Ibid). При этом данная концепция также «рассматривает кластеры с системной точки зрения, учитывает неравновесную динамику и включает в себя эволюционные понятия» (Ibid: 53).

Дальнейшее развитие «мезоэкономики сетевых структур» связано с рассмотрением платформ как объектов мезоуровня (Elsner, Heinrich, 2009). В своей работе 2018 года Т.Р. Гареев, сравнивая платформы с кластерами, выявил, что в платформах, по сравнению с кластерами, более явно проявляются институциональные характеристики. Он исходил из рассмотрения этих типов сетевых структур как своего рода двухфакторных моделей, в которых различным образом объединяются пространственные и/или технологические и/или институциональные факторы. С этой точки зрения кластеры можно репрезентировать как сочетание в основном пространственных и технологических факторов, в то время как платформы (платформенные рынки) – как сочетание преимущественно технологических и институциональных факторов (Gareev, 2018: 32).

Пример платформ как объекта мезоэкономических исследований, в котором представлены одновременно как сетевые, так и институциональные характеристики, показывает, что, в зависимости от ракурса анализа, такие исследования могут быть отнесены к тому или иному направлению мезоэкономики. Поэтому мы рассматриваем нашу классификацию гетеродоксальных мезоэкономических исследований не как «шкаф с ящичками», каждый из которых содержит определенный набор изучаемых кейсов, а как эволюционно развивающуюся «популяционную» структуру с неявными переходами, которые, тем не менее, поддаются анализу с точки зрения системной и хронологической логики.

Институциональная мезоэкономика

Итак, способ мезоэкономического анализа платформ выходит за рамки рассмотрения их как «чисто материальных объектов» и все более включает в себя анализ институциональных факторов, определяющих внутренние взаимодействия в такого рода образованиях. Такие работы можно считать частью следующего направления гетеродоксальных мезоэкономических исследований, которое мы определили как «институциональная мезоэкономика»¹³.

Внимание к изучению институтов всегда было отличительной чертой гетеродоксальных мезоэкономистов; «отцы-основатели» мезоэкономики как в России, так и в Европе включали институты в свой анализ. Так, упомянутый ранее российский мезоэкономист Г.Б. Клейнер писал о том, что «фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов... Мезоэкономика – естественное поле формирования и действия экономических институтов» (Клейнер, 2003: 6). Похожую позицию занимал Курт Допфер с коллегами, когда определял мезоуровень как про-

¹³ Мы отличаем «институциональную мезоэкономику» от институциональных исследований в рамках ортодоксального экономического мейнстрима (например, the neo-institutional economics), базирующихся в основном на известных микроэкономических основаниях; среди них методологический индивидуализм, рациональное поведение при максимизации полезности, идея экономического равновесия и определяющая роль ценового механизма (Kirdina, 2015).

странство перехода частного правила в правило общее (*generic rule*) посредством восприятия его групповой популяцией носителей этих правил, что в результате трансформирует институциональный порядок взаимодействий между агентами (Dopfer, Potts, 2008: 102–103; Dopfer, 2012: 133). Мезоуровень охватывает не только процесс создания и функционирования правил-институтов, но и изменения правил. Процесс мезокоординации «сам в себе имеет тенденцию институционализации» (Dopfer, Foster, Potts, 2004: 277), поэтому проблема «эндогенных институтов в большей степени является предметом исследований макро- (теория общественного выбора, новая экономическая история) и мезоуровня (эволюционная школа) (Гареев, Елисеева, 2020: 106).

«Институциональная мезоэкономика» является, пожалуй, наиболее бурно развивающимся направлением современных гетеродоксальных мезоэкономических исследований в России и, особенно, в странах Европы. Здесь это направление, которое имеет объектом своего изучения институты и правила их становления, постепенно отпочковалось от (и одновременно продолжает опираться на) нескольких теоретических направлений в экономической теории (Dopfer, 2004). Среди них *evolutionary economics*, *complexity economics*¹⁴ и *new institutional economics*. При этом следует отметить, что такое разделение весьма условно, так как многие исследователи, которых мы будем цитировать ниже и называть институциональными мезоэкономистами, одновременно работали и продолжают работать, творчески развивая не только одну из указанных теоретических традиций. Но такое разделение, тем не менее, является полезным для того, чтобы показать, что именно взяла «институциональная мезоэкономика» от каждого из этих направлений для своего развития.

Институциональные мезоэкономисты, «пришедшие» из *evolutionary economics*, особое внимание обращают на то, как правила и институты формируются и меняются в процессе экономической эволюции. «В микро-мезо-макросреде ... (И)зменение является определяющим свойством мезо (включая возникновение новых правил и динамику любого правила в популяции), а также сетевых механизмов и гибридных координационных механизмов... Пренебречь изменениями – значит пропустить нечто фундаментальное для существования систем» (Dopfer, Foster, Potts, 2004: 268–269). При этом К. Допфер объясняет механизм возникновения, установления и распространения норм, адресуясь к концепции распространения инноваций Йозефа А. Шумпетера. Этот механизм, по его мнению, аналогичен тому, как выработанное агентом микроуровня инновационное решение – если оно системно эффективно, – заимствуют имитаторы, выводя его на мезоуровень, и тем самым рожденное на микроуровне решение одного предпринимателя становится нормой для всей экономики и толкает развитие всей системы «изнутри» (Dopfer, 2012: 144; см. также Dopfer, 2006). Те же процессы происходят и в отношении институтов, поэтому экономическое развитие является результатом появления, адаптации, распространения и институционализации правил, и это происходит на мезоуровне экономики (Dopfer, Foster, Potts, 2004).

В свою очередь, те мезоэкономисты, которые в значительной степени опираются на *complexity economics*, уделяют особое внимание эндогенному формированию механизмов, *координирующих* действия агентов сложной экономики в условиях неопределенности и недостатка информации (Elsner, Heinrich, 2009; Elsner, 2010; Elsner, Schwardt, 2014). Они рассматривают экономическое развитие как необратимый процесс эволюции с последовательными изменениями в иерархии структур¹⁵ и механизмов возрастающей сложности. При этом они также разделяют убеждение, что обычно изменения происходят между микро- и макроуровнями, поэтому они называют их мезо-феноменами (Arthur, 2013). Такие мезоэкономисты часто обращают внимание на тот факт, что необходимая координация экономических агентов, механизмы которых формируют-

¹⁴ *Complexity economics* рассматривает экономику как постоянно развивающийся комплекс институтов, механизмов и технологических инноваций (Arthur, Durlauf, Lane, 1997; Foster, 2005; Arthur, 2013).

¹⁵ Формирование иерархической структуры (в экономике) является следствием эффектов самоорганизации любой достаточно сложной системы (Чернавский, Курдюмов, 2010: 97).

ся на мезоуровне, включает в себя не только рыночные, но также редистрибутивные процедуры (Zezza, Llambí, 2002; Дементьев, 2018) и кооперацию (Elsner, 2001), что и объясняет необходимость изучения разнородных мезоэкономических структур, «невидимых» в ортодоксальной экономике мейнстрима.

Наконец, для тех, кто приходит в «институциональную мезоэкономику», осознав ограничения *new institutional economics*, первоочередной интерес представляет анализ «мезоинститутов» как новой категории в гетеродоксальных мезоэкономических исследованиях. Мезоинституты характеризуются как посредники, отвечающие за выполнение общих правил путем формирования конкретных рекомендаций и предоставления обратной связи от агентов, являющихся объектами воздействия при процессах внедрения правил (Ménard, 2014)¹⁶. Посредством мезоинститутов происходит перевод, внедрение, отслеживание, применение и адаптация общих правил в зависимости от сектора, региона и т.д. (Kunneke et al., 2010; Ménard, 2017; Шаститко, 2019; Круглова, 2018). Именно гетеродоксальные мезоэкономисты «увидели» этот объект и стали его изучать.

Несмотря на особенности подходов институциональных мезоэкономистов, связанных с разными теоретическими традициями, их объединяют общие представления о том, что есть институты как мезоэкономические структуры. Здесь институты не рассматриваются лишь как «расширение ментальных конструкторов, которые человеческий разум вырабатывает, чтобы интерпретировать окружающую индивида реальность», как полагал, например, Д. Норт (North, 1990: 7), или внешние ограничения, налагаемые на поведение рыночных агентов, как это принято в ортодоксальной экономике мейнстрима, но представляют собой разные формы координации, стихийно найденные в результате человеческой деятельности с целью воспроизводства всей экономической системы. Институциональные мезоэкономисты пытаются ответить на вопрос, как правила, единично возникающие на микроуровне – но необходимые для развития всей экономической системы, – распределяются и фиксируются в ней, регулируя деятельность всех участников экономической жизни. Институциональные мезоэкономисты исследуют логику формирования и отторжения экономических механизмов, которые создают модели экономической жизни и распространения изменений.

В современной институциональной гетеродоксальной мезоэкономике на новом витке спирали развития экономической теории происходит «возврат» к традициям политической экономии, о чем писал Брайан Артур в отношении всей гетеродоксальной теории: она принимает во внимание то, что экономический мир является органическим, эволюционным и исторически обусловленным (Arthur, 2013).

Мезоэкономика общественного воспроизводства

Еще более выразительно классические традиции политической экономии проявляют себя в следующем новейшем направлении гетеродоксальной мезоэкономической теории, которое мы назвали «мезоэкономика общественного воспроизводства»¹⁷.

Это направление, в отличие от описанных в предыдущих разделах настоящей статьи, не имеет интернационального характера и разрабатывается группой московских экономистов Российской академии наук. Оно имеет ряд особенностей. Во-первых, данное направление в методологическом аспекте родственно теории воспроизводства капитала Карла Маркса и творчески развивает ее. Следствием является вторая особенность этого направления гетеродоксальной мезоэкономики, а именно, внимание

¹⁶ Развитие концепции мезоинститутов стало ответом на практические вызовы, связанные с проведением институциональных реформ в рамках Евросоюза (Ménard, 2014; 2018; Ménard, Jemenez, Tropp, 2018) и позволило, например, под новым взглядом провести мезоэкономический сравнительный анализ устройства систем обеспечения питьевой водой во Франции, Англии, Уэльсе и Нидерландах (Ménard, 2017).

¹⁷ Об актуальности развития современной марксистской политической экономии путем включения в нее мезоэкономики, где исследуются «развитие, движение, организация и разделение труда..., отношения сбалансированного и несбалансированного роста» см. также: Cheng, 2018: 46.

к денежным кругооборотам¹⁸ внутри самой экономики. Эти денежные кругообороты аналогичны марксовым кругооборотам метаморфозов капитала¹⁹. При этом имеют значение «институциональная оболочка» денежных кругооборотов (подробнее см. Кирдина-Чэндлер, 2019) и роль денежных властей (Arestis, Sawyer, 2006). Это дает нам основание рассматривать «мезоэкономику общественного воспроизводства» как направление, идущее вслед за «институциональной мезоэкономикой».

Данные исследования начались с 2010-х годов и связаны с разработкой новой теории воспроизводства капитала, учитывающей принцип переключающегося режима экономического воспроизводства (Маевский, 2010). Отличительной чертой новой теории является акцент на анализе механизмов координации реальных экономических процессов, предполагающий учет не только монетарных, но также материальных и технологических факторов. Однако, в отличие от Франсуа Кенэ, Карла Маркса и их последователей, которые строили свое представление об экономическом воспроизводстве по аналогии с воспроизводством в земледелии, новый подход опирается на феномен «переключающегося режима воспроизводства капитала», присущий отраслям индустрии и различимый прежде всего на мезоуровне.

Мезоуровень в данной теории моделируется как совокупность взаимосвязанных производственных структур (мезоструктур), каждая из которых способна производить товары двух типов: средства производства и потребительские товары. Производственные структуры отличаются друг от друга возрастом используемого основного капитала, и с этой точки зрения можно говорить о «молодых» и «старых» производственных структурах. Необходимость периодического обновления основного капитала каждой из производственных структур является материальной основой происходящих на мезоуровне режимов переключений, что обеспечивает процесс воспроизводства экономики в целом. Исследователи выделяют как минимум два типа переключений, один из которых (*темпоральный*) проявляется в нефинансовом секторе, а второй (*монетарный*) – в нефинансовом и финансовом секторах.

Первый, темпоральный режим переключений, означает, что разновозрастные производственные структуры мезоуровня поочередно обновляют свой основной капитал, то есть делают это в определенной временной последовательности – сначала самая «старая» структура, на следующий год та, которая «моложе», и так до самой «молодой», что вполне логично. Этот процесс, в ходе которого производственные структуры переключаются с производства средств производства (для обновления их основного капитала) на процесс производства потребительских товаров (для реализации на рынке), постоянно повторяется.

Второй, монетарный режим переключений, проявляет себя в рамках мезоэкономического кругооборота денежных средств, обслуживающих взаимодействие разновозрастных производственных подсистем и системы домашних хозяйств. Он означает постоянный метаморфоз части «коротких» (быстрых) денег, которые обслуживают движение потребительских товаров, в «длинные» («медленные») деньги, которые используются для инвестиций в обновление основного капитала (Maevsky, Malkov, Rubinstein, 2016: 41).

К настоящему времени в рамках «мезоэкономики общественного воспроизводства» предложены и апробированы несколько версий оригинальных математических моделей, основанных на теории переключающегося режима воспроизводства (см. Маевский, Малков, 2014; Маевский и др., 2016, 2018, 2019)²⁰, в которых удалось связать

¹⁸ Идея включения механизмов денежного обращения в предмет теоретических мезоэкономических исследований была обоснована в работах В.Е. Дементьева (2002; 2015) и В.И. Маевского (2018).

¹⁹ Метаморфозы капитала и его кругооборот (см. «Капитал», т. 2, ч. 1) означают превращение денежного капитала в производительный капитал, производительного капитала – в товарный капитал, и товарного капитала – снова в денежный капитал (Маркс, 2011).

²⁰ Значение теории переключающегося режима воспроизводства капитала и оригинальных математических моделей, разработанных в ее рамках, уже отмечено в российской экономической литературе (Клейнер, 2014; Дементьев, 2015; Глазьев, 2016; Кирилук, 2016; Ершов, Танасова, 2019 и др.).

товарные и денежные потоки, с одной стороны, и инвестиции с потреблением, с другой. Тем самым удаётся преодолеть методологические трудности неоклассического подхода к моделированию экономики, вызванные несостыкованностью денег с другими хозяйственными процессами²¹ и отторжением сферы денежного обращения от движения потоков товаров, в том числе капитальных. В рамках «мезоэкономики общественного воспроизводства» открываются перспективы нового качественного анализа сущности денег, что позволит углубить представления о значении денег в общественном воспроизводстве.

На основе разработанных мезоэкономических моделей получены нетривиальные теоретические результаты. Одним из последних является проверка известной гипотезы о нейтральности/не-нейтральности денег (Маевский и др., 2019). Установлено, что, в отличие от ортодоксальной макроэкономической теории, где нейтральность денег в долгосрочной перспективе много лет является по сути аксиомой (Blaug, 1985: 633), мезоэкономический гетеродоксальный подход позволяет обнаружить различную реакцию экономики на рост денежной эмиссии. Так, расчеты показали, что явление нейтральности денег в долгосрочной перспективе является частным случаем, а не общим правилом. Наоборот, общим правилом является не-нейтральность денег в долгосрочной перспективе (подробнее см. Маевский и др., 2019: 51).

Заключение

По выражению Д. Фролова, «Как это часто бывало в истории науки, мощная когда-то концептуальная инновация с течением времени трансформируется в конвенционально поддерживаемую эвристику, а затем и в методологическую «ловушку», все в большей степени выступающую системным ограничением дальнейшего научного прогресса» (Фролов, 2013: 123). Такой ловушкой сегодня можно считать устоявшуюся дихотомию «микро-макро» в экономической теории, которая не позволяет исследовать всё более сложные связи в современной экономике и возникающие здесь новые структуры, для обозначения которых и потребовалось «собственное теоретическое пространство – мезо» (Chen, 2008: 121). Мы показали, как постепенно за пределами ортодоксального мейнстрима, в гетеродоксии начал формироваться новый раздел экономической теории, посвященный осмыслению и анализу этих новых феноменов – гетеродоксальная мезоэкономика. В статье показана логика внутридисциплинарного развития мезоэкономики как нового направления гетеродоксальной экономической теории. Опираясь на более реалистичные, по сравнению с принятыми в микро-макроэкономике мейнстрима, методологические предпосылки, она предлагает новые программы исследований и объяснительные схемы происходящего в экономической жизни.

Предложена следующая классификация гетеродоксальных мезоэкономических исследований, которая опирается на хронологический подход и учитывает специфику изучаемых в России и за рубежом мезоструктур: «мезоэкономика локализованных структур», «мезоэкономика сетевых структур», «институциональная мезоэкономика» и «мезоэкономика общественного воспроизводства».

Полагаем, что дальнейшее развитие гетеродоксальной мезоэкономики может привести к смене экономической парадигмы, которая будет более соответствовать реальной сложности современного мира. И тогда мы увидим предсказанное почти 40 лет назад «возрождение мезоэкономики, бросающей вызов биполярному миру микро- и макроэкономики» (Hahn, 1983: 3).

Литература

Волынский, А. И. (2017). Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 36–49.

²¹ В ортодоксальных моделях равновесия это порождает ряд логических противоречий, от которых невозможно избавиться без преобразования самой модели (Усоскин, 1990: 36).

- Волынский, А. И. (2018). Идентификация объектов мезоуровня в русскоязычной литературе // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 40–48.
- Гареев, Т. Р. (2010). Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне // *Общественные науки и современность*, (5), 45–58.
- Гареев, Т. Р. (2012). Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // *Балтийский регион*, (3), 7–33.
- Гареев, Т. Р., Елисеева, Н. А. (2020). Институты и институциональные изменения в контексте теоретико-игрового подхода // *Terra Economicus*, 18(1), 102–120.
- Глазьев, С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке // *Государственное управление. Электронный вестник*, (56), 5–39.
- Дементьев, В. Е. (2002). Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // *Российский экономический журнал*, (4), 71–82.
- Дементьев, В. Е. (2015). Микро- и мезооснования макроэкономической динамики // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*, (8), 103–109.
- Дементьев, В. Е. (2018). Мезоэкономика – ключ к пониманию экономического развития, с. 10–12 / В кн.: *Фундаментальные особенности мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной и синергетической парадигм*. Сборник аннотаций докладов. М.: Институт экономики РАН, 46 с. (<http://see-moscow.com/doc/march152018/thesis.pdf>).
- Дерябина, М. А. (2018). Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 30–39.
- Егорова, Л. Г., Мячин, А. Л. (2019). Структура российского сообщества экономистов и его отношение к российским экономическим журналам. Ч. 1. Анализ методами латентных классов и теории коллективного выбора // *Проблемы управления*, (3), 30–42.
- Ершов, М. В., Танасова, А. С. (2019). Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // *Вопросы экономики*, (12), 5–23.
- Журавлева, Г. П. (ред.) (2018). *Экономическая теория. Микроэкономика 1, 2*. М.: Дашков и К.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г., Маевский, В. И. (2018). Мезоэкономика в гетеродоксальной перспективе: один из возможных подходов, с. 40–55 / В кн.: С. Г. Кирдина-Чэндлер, В. И. Маевский. *Гетеродоксия versus экономический редукционизм: микро-, мезо-, макро*. М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2018). Мезоэкономика и экономика сложности: актуальный выход за пределы ортодоксии // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 6–17.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2019). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // *Journal of Institutional Studies*, 11(3), 6–17.
- Кирдина-Чэндлер, С. Г., Маевский, В. И. (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 7–23.
- Кирилюк, И. Л. (2016). Дискретная форма уравнений в теории переключающегося воспроизводства с различными вариантами финансовых потоков // *Компьютерные исследования и моделирование*, 8(5), 803–815.
- Кирилюк, И. Л. (2017). Экономико-математические модели для исследования мезоуровня экономики // *Journal of institutional studies*, 9(3), 50–63.
- Кламер, А. (2015). *Странная наука экономика. Приглашение к разговору*. М., СПб.: Издательство Института Гайдара.
- Клейнер, Г. Б. (2014). Ритмы эволюционной экономики // *Вопросы экономики*, 4, 123–136.
- Клейнер, Г. Б. (ред.) (2011). *Мезоэкономика развития*. М.: Наука.

- Клейнер, Г. Б. (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 1(2), 11–18.
- Круглова, М. С. (2017). Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 24–35.
- Круглова, М. С. (2018). Теория мезо-институтов Клода Менара и её использование в институциональном дизайне // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 49–57.
- Лопатников, Л. И. (2003). *Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки*. М.: Дело.
- Маевский, В. (2010). Кругооборот основного капитала и экономическая теория // *Вопросы экономики*, (3), 65–85.
- Маевский, В. И., Андрюшин, С. А., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2016). Денежные механизмы и модель переключающегося режима воспроизводства // *Вопросы экономики*, (9), 129–149.
- Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г. (ред.) (2020). *Мезоэкономика: элементы новой парадигмы*. М.: Институт экономики РАН.
- Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г., Дерябина, М. А. (отв. ред.) (2018). *Мезоэкономика: состояние и перспективы*. М.: Институт экономики РАН.
- Маевский, В. И., Малков, С. Ю. (2014). Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // *Вопросы экономики*, (4), 137–154.
- Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2018) Об эволюции моделей переключающегося режима воспроизводства // *Актуальные проблемы экономики и права*, 12(4), 816–827.
- Маевский, В. И., Малков, С. Ю., Рубинштейн, А. А. (2019). Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // *Вопросы экономики*, (8), 45–66.
- Маевский, В. И. (2018). Мезоуровень и иерархическая структура экономики // *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 18–29.
- Марков, Л. С., Ягольницер, М. А. (2008). Мезоэкономические системы: проблемы типологии // *Регион: экономика и социология*, (1), 18–44.
- Маркс, К. (2011). *Капитал. Критика политической экономии*, т. II. М.: Эксмо.
- Рекорд, С. И. (2013). *Методология развития кластерных систем как мезоуровня международной экономической интеграции*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ.
- Усоскин, В. М. (1990). Проблемы денег в экономической теории Запада, с. 5–70 / В кн.: Харрис, Л. *Денежная теория*. М.: Прогресс.
- Фролов, Д. П. (2013). Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // *Пространственная экономика*, (4), 122–150.
- Хакеп, Г. (2014). *Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам*. М.: УРСС: ЛЕНАНД.
- Чернавский, Д., Курдюмов, В. (2010). Что такое Институт сложности в Санта-Фе и нужен ли в России его аналог // *Экономические стратегии*, (1), 96–99.
- Шаститко, А. Е. (2019). Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*, (5), 5–25.
- Allen, C. (1989). Corporatism and regional economic policies in the federal republic of Germany: The «meso» politics of industrial adjustment // *Publius*, 19(4), 147–164. <https://doi.org/10.2307/3330422>
- Andersson, N. (2003). *A Meso-economic Analysis of The Construction Sector*. Lund: Lund Institute of Technology, Lund University.

- Arestis, P., Sawyer, M. (2006). The nature and role of monetary policy when money is endogenous // *Cambridge Journal of Economics*, 30(6), 847–860. <https://doi.org/10.2139/ssrn.386863>
- Arthur, W. B. (2013). *Complexity and The Economy: A Different Framework for Economic Thought*. SFI Working Paper: 2013-04-012.
- Arthur, W. B., Durlauf, S. N., Lane, D. A. (1997). Introduction, pp. 2–14 / In: W.B. Arthur, S.N. Durlauf, D.A. Lane (eds.) *The Economy as An Evolving Complex System II*. MA: Addison Wesley.
- Bergman, E., Feser, E. (1999). *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications* / In: S. Loveridge (ed.) Morgantown: Web Book of Regional Science, Regional Research Institute (https://www.researchgate.net/publication/269709907_Industrial_and_Regional_Clusters_Concepts_and_Comparative_Applications – access date: 13. 09.2019).
- Blaug, M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. Fourth edition. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Brette, O., Mehier, C. (2008). Building on the micro-meso-macro evolutionary framework: the stakes for the analysis of clusters of innovations, pp. 227–250 / In: W. Elsner, H. Hanappi (eds.) *Varieties of Capitalism and New Institutional Deals: Regulation, Welfare And The New Economy*. Cheltenham: Elgar.
- Carassus, J. (2000). A meso-economic analysis of the construction sector / In: *CIB W55-W65 Joint Meeting Proceedings*. UK: The University of Reading.
- Carassus, J. (ed.) (2004). *The Construction Sector System Approach: An International Framework*. Rotterdam: CIB.
- Chen, P. (2008). Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis // *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 5(1), 81–127. <https://doi.org/10.14441/eier.5.81>
- Cheng, E. (2018). Principles and perspectives for a diversified renewal in the system of modern political economy // *Terra Economicus*, 16(4), 41–49. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-41-49>
- Chorafakis, G., Laget, P. (2008). Meso-economic structure, innovation and complexity: the concept of mesoeconomic plexus, pp. 52–86 / In: E.G. Carayannis, P. Formica (eds.) *Knowledge Matters*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave MacMillan.
- Dopfer, K. (2004). *Meso Economics: A Unified Concept for The Analysis of Complexity and Evolution, Organizations, Innovation and Complexity: New Perspectives on The Knowledge Economy*. Manchester, UK: CRIC, Univ. Manchester.
- Dopfer, K. (2006). *The origins of meso economics Schumpeter's legacy*. Papers on Economics & Evolution, N. 0610. Jena, Germany: Max Planck Institute of Economics.
- Dopfer, K. (2012). The origins of meso economics. Schumpeter's legacy and beyond // *Journal of Evolutionary Economics*, 22 (1), 133–160. <https://doi.org/10.1007/s00191-011-0218-4/>
- Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. (2004). Micro–meso–macro // *Journal of Evolutionary Economics*, 14(3), 263–279. <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>
- Dopfer, K., Potts, J. (2008). *The General Theory of Economic Evolution*. London: Routledge.
- Duijn, J. J. van, Lambooy, J. G. (1982). *Technological innovation and regional economic growth: a meso-economic analysis*. Research Memorandum Nr. 8207. Amsterdam: University of Amsterdam, Dept. of Economics.
- Elsner, W. (2001). Interactive economic policy: toward a cooperative policy approach for a negotiated economy // *Journal of Economic Issues*, 35(1), 61–83. <https://doi.org/10.1080/00213624.2001.11506340>

- Elsner, W. (2007). Why meso? On «aggregation» and «emergence», and why and how the meso level is essential in social economics // *Forum for Social Economics*, 36(1), 1–16. <https://doi.org/10.1007/s12143-007-0001-3>
- Elsner, W. (2010). The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size // *Journal of Evolutionary Economics*, 20(3), 445–477. <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>
- Elsner, W., Heinrich, T. (2009). A simple theory of ‘meso’. On the coevolution of institutions and platform size – With an application to varieties of capitalism and ‘medium-sized’ countries // *Journal of Behavioral and Experimental Economics* (formerly *The Journal of Socio-Economics*), 38(5), 843–858.
- Elsner, W., Schwardt, H. (2014). Trust and arena size: expectations, institutions, and general trust, and critical population and group sizes // *Journal of Institutional Economics*, 10(1), 107–134. <https://doi.org/10.1017/S1744137413000179>
- Foster, J. (2005). From simplistic to complex systems in economics // *Cambridge Journal of Economics*, 29(6), 873–892. <https://doi.org/10.1093/cje/bei083>
- Gareev, T. R. (2018). Platform markets: their place in the theory of mesoeconomic system: development and a challenge to spatial studies // *Baltiysky Region*, 10(2), 26–38. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>
- Hahn, F. (1983). *Money and Inflation*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hervas-Oliver, J.-L., Boix-Domenech, R. (2013). The economic geography of the meso-global spaces: integrating multinationals and clusters at the local–global level // *European Planning Studies*, 21(7), 1064–1080. <https://doi.org/10.1080/09654313.2013.733853>
- Holland, S. (1974). Mesoeconomics, new public enterprise and economic planning // *Annals of Public and Cooperative Economics*, 45(2), 147–160. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.1974.tb00786.x>
- Holland, S. (1987). *The Market Economy: from Micro to Mesoeconomics*. London, Weidenfeld and Nicolson; New York, St Martin’s Press.
- Holland, S., Black, A. (2018). Cherchez la firme: redressing the missing – meso – middle in mainstream economics // *Economic Thought History, Philosophy and Methodology*, 7(2), 15–53.
- Jašová, E., Kadeřábková, B., Čermáková, K. (2017). Use of the method of the stochastic trend for NAIRU estimation in the Czech Republic and Slovakia at the macro- and meso-levels // *Economic Research – Ekonomika Istraživanja*, 30(1), 256–272. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1305782>
- Kirdina, S. (2015). Methodological individualism and methodological institutionalism for interdisciplinary research // *Montenegrin Journal of Economics*, 11(1), 53–67.
- Klir, G. J. (2001). *Facets of Systems Science*. New York: Kluwer.
- Kruglova, M. S., Volynskii, A. I., Kirilyuk, I. L. (2019). Meso-level of economy: theoretical approaches and math modeling // *Journal of Institutional Studies*, 11(1), 41–54. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.1.041-054>
- Kunneke, R., Ménard, C., Groenewegen, J. (2010) Aligning modes of organization with technology: critical transactions in the reform of infrastructures // *Journal of Economic Behavior and Organization*, 75(3), 494–505.
- Laiko, O. I., Kovalenko, S. I. (2020). The problem of mesoeconomic synthesis of clusters development and international integrating formation concepts // *Economic Innovations*, 22(1), 111–121. [https://doi.org/10.31520/ei.2020.22.1\(74\).111-121](https://doi.org/10.31520/ei.2020.22.1(74).111-121)
- Lambooy, J. G. (1990). Meso-economics and organizational ecology, pp. 254–273 / In: K. Peschel (ed). *Infrastructure and The Space-Economy*. Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-75571-2_15

- Maevsky, V. I., Malkov, S. Y., Rubinstein, A. A. (2016). A theory of overlapping generations of fixed capital // *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 86, 39–47. <https://doi.org/10.1134/S1019331616010019>
- Mann, S. (ed.) (2011). *Sectors Matter!: Exploring Meso-economics*. Heidelberg: Springer.
- Manning, S. (2008). Customizing clusters: on the role of western multinational corporations in the formation of science and engineering clusters in emerging economies // *Economic Development Quarterly*, 2(4), 316–323. <https://doi.org/10.1177/0891242408325585>
- Ménard, C. (2014). Embedding organizational arrangements: towards a general model // *Journal of Institutional Economics*, 10(4), 567–589. <https://doi.org/10.1017/S1744137414000228>
- Ménard, C. (2017). Meso-institutions: the variety of regulatory arrangements in the water sector // *Utilities Policy, Elsevier*, 49(C), 6–19. <https://doi.org/10.1016/j.jup.2017.05.001>
- Ménard, C. (2018). Organization and governance in the agri-food sector: how can we capture their variety? // *Agribusiness: An International Journal*, 34(1), 141–160. <https://doi.org/10.1002/agr.21539>
- Ménard, C., Jimenez, A., Tropp, H. (2018). Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions // *Water International*, 43(1), 13–33. <https://doi.org/10.4324/9780429448058-3>
- Ng, Y.-K. (1982). A micro-macroeconomic analysis based on a representative firm // *Economica, N.S.*, 49(194), 121–139.
- Ng, Y.-K. (1986). *Meso-economics: A Micro – Macro Analysis*. New York: St. Martin's Press.
- North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ozawa, T. (1999). Organizational efficiency and structural change: a meso-level analysis, pp. 160–190 / In: Boyd, G., Dunning, H. J. (eds.) *Structural Change and Cooperation in The Global Economy*. Cheltenham: Elgar.
- Peters, H.-R. (1981). Grundlagen der Mesoökonomie und Strukturpolitik // *UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher Wirtschafts- und Sozialtexte*, vol. 1087. Bern: P. Haupt.
- Preston, L. E. (1984). *A perspective on meso-economics*. Discussion Article, October. Berlin: International Institute of Management, Wissenschaftszentrum.
- Shastitko, A. Ye. (2009). Clusters as a form of spatial organization of economic activity: theory and practical observations // *Baltic Region*, 2, 7–25. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-1>
- Zeza, A., Llambí, L. (2002). Meso-economic filters along the policy chain: understanding the links between policy reforms and rural poverty in Latin America // *World Development*, 30(11), 1865–1884. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.289106>

References

- Allen, C. (1989). Corporatism and regional economic policies in the federal republic of Germany: The «meso» politics of industrial adjustment. *Publius*, 19(4), 147–164. <https://doi.org/10.2307/3330422>
- Andersson, N. (2003). *A Meso-economic Analysis of The Construction Sector*. Lund: Lund Institute of Technology, Lund University.
- Arestis, P., Sawyer, M. (2006). The nature and role of monetary policy when money is endogenous. *Cambridge Journal of Economics*, 30(6), 847–860. <https://doi.org/10.2139/ssrn.386863>
- Arthur, W. B. (2013). *Complexity and The Economy: A Different Framework for Economic Thought*. SFI Working Paper: 2013-04-012.

- Arthur, W. B., Durlauf, S. N., Lane, D. A. (1997). Introduction, pp. 2–14 / In: W.B. Arthur, S.N. Durlauf, D.A. Lane (eds.) *The Economy as An Evolving Complex System II*. MA: Addison Wesley.
- Bergman, E., Feser, E. (1999). *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications* / In: S. Loveridge (ed.) Morgantown: Web Book of Regional Science, Regional Research Institute (https://www.researchgate.net/publication/269709907_Industrial_and_Regional_Clusters_Concepts_and_Comparative_Applications – access date: 13. 09.2019).
- Blaug, M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. Fourth edition. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Brette, O., Mehier, C. (2008). Building on the micro-meso-macro evolutionary framework: the stakes for the analysis of clusters of innovations, pp. 227–250 / In: W. Elsner, H. Hanappi (eds.) *Varieties of Capitalism And New Institutional Deals: Regulation, Welfare And The New Economy*. Cheltenham: Elgar.
- Carassus, J. (2000). A meso-economic analysis of the construction sector / In: *CIB W55-W65 Joint Meeting Proceedings*. UK: The University of Reading.
- Carassus, J. (ed.) (2004). *The Construction Sector System Approach: An International Framework*. Rotterdam: CIB.
- Chen, P. (2008). Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 5(1), 81–127. <https://doi.org/10.14441/eier.5.81>
- Cheng, E. (2018). Principles and perspectives for a diversified renewal in the system of modern political economy. *Terra Economicus*, 16(4), 41–49. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-41-49>
- Chernavsky, D., Kurdyumov, V. (2010). What is the Institute of complexity in Santa Fe, and do we need its analogue in Russia? *Ekonomicheskie Strategii*, 1, 96–99. (In Russian.)
- Chorafakis, G., Laget, P. (2008). Meso-economic structure, innovation and complexity: the concept of mesoeconomic plexus, pp. 52–86 / In: E.G. Carayannis, P. Formica (eds.) *Knowledge Matters*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave MacMillan.
- Dementiev, V. E. (2002). Theory of the national economy and mesoeconomic theory. *Rossiysky Ekonomicheskiy Zhurnal*, (4), 71–82. (In Russian.)
- Dementiev, V. E. (2015). Micro- and meso-justification of macroeconomic dynamics. *Vestnik Universiteta (GUU)*, (8), 103–109. (In Russian.)
- Dementiev, V. E. (2018). Mesoeconomics is the key to understanding economic development, pp. 10–12 / In: *Fundamental Features of Mesoeconomic Analysis: Opportunities and Perspectives of The Evolutionary and Synergetic Paradigm*. Collection of abstracts. Moscow: IE RAS Publ., 46 p. (<http://cee-moscow.com/doc/march152018/thesis.pdf>). (In Russian.)
- Deryabina, M. A. (2018). Methodological bases of the mesoeconomics as a complex system. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 30–39. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.030-039> (in Russian.)
- Dopfer, K. (2004). *Meso Economics: A Unified Concept for The Analysis of Complexity and Evolution, Organizations, Innovation and Complexity: New Perspectives on The Knowledge Economy*. Manchester, UK: CRIC, Univ. Manchester.
- Dopfer, K. (2006). *The origins of meso economics Schumpeter's legacy*. Papers on Economics & Evolution, N. 0610. Jena, Germany: Max Planck Institute of Economics.
- Dopfer, K. (2012). The origins of meso economics. Schumpeter's legacy and beyond. *Journal of Evolutionary Economics*, 22 (1), 133–160. <https://doi.org/10.1007/s00191-011-0218-4/>

- Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. (2004). Micro–meso–macro. *Journal of Evolutionary Economics*, 14(3), 263–279. <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>
- Dopfer, K., Potts, J. (2008). *The General Theory of Economic Evolution*. London: Routledge.
- Duijn, J. J. van, Lambooy, J. G. (1982). *Technological innovation and regional economic growth: a meso-economic analysis*. Research Memorandum Nr. 8207. Amsterdam: University of Amsterdam, Dept. of Economics.
- Egorova, L. G., Myachin, A. L. (2019). Structure of Russian scientific economic community and its attitude to Russian economic journals. Part 1: Analysis by methods of latent classes and social choice theory. *Problemy Upravleniya*, (3), 30–42. <https://doi.org/10.25728/pu.2019.4/5> (in Russian.)
- Elsner, W. (2001). Interactive economic policy: toward a cooperative policy approach for a negotiated economy. *Journal of Economic Issues*, 35(1), 61–83. <https://doi.org/10.1080/00213624.2001.11506340>
- Elsner, W. (2007). Why meso? On «aggregation» and «emergence», and why and how the meso level is essential in social economics. *Forum for Social Economics*, 36(1), 1–16. <https://doi.org/10.1007/s12143-007-0001-3>
- Elsner, W. (2010). The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size. *Journal of Evolutionary Economics*, 20(3), 445–477. <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>
- Elsner, W., Heinrich, T. (2009). A simple theory of ‘meso’. On the coevolution of institutions and platform size – With an application to varieties of capitalism and ‘medium-sized’ countries. *Journal of Behavioral and Experimental Economics* (formerly *The Journal of Socio-Economics*), 38(5), 843–858.
- Elsner, W., Schwardt, H. (2014). Trust and arena size: expectations, institutions, and general trust, and critical population and group sizes. *Journal of Institutional Economics*, 10(1), 107–134. <https://doi.org/10.1017/S1744137413000179>
- Ershov, M. V., Tanasova, A. S. (2019). The world and Russia: inflation is minimal, economic growth is slowing, risks are rising. *Voprosy Ekonomiki*, (12), 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23> (in Russian.)
- Foster, J. (2005). From simplistic to complex systems in economics. *Cambridge Journal of Economics*, 29(6), 873–892. <https://doi.org/10.1093/cje/bei083>
- Frolov, D. P. (2013). Multilevel hierarchy of economic space: formation of evolutionary taxonomy. *Spatial Economics*, 4, 122–150. (In Russian.)
- Gareev, T. R. (2010). Institutions and economic development at the sub-regional (meso-) level. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, (5), 45–58. (In Russian.)
- Gareev, T. R. (2018). Platform markets: their place in the theory of mesoeconomic system: development and a challenge to spatial studies. *Baltiysky Region*, 10(2), 26–38. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>
- Gareev, T. R., Eliseeva, N. A. (2020). Institutions and institutional change in the context of game theory. *Terra Economicus*, 18(1), 102–120. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-102-120> (in Russian.)
- Gareev, T. R. (2012). Clusters in the institutional perspective: on the theory and methodology of local socioeconomic development. *Baltiysky Region*, 3, 7–33. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2012-3-1> (in Russian.)
- Glazyyev, S. Yu. (2016). About a new paradigm in economic science. *Gosudarstvennoye Upravleniye. Elektronnyy vestnik*, (56), 5–39. (In Russian.)
- Hahn, F. (1983). *Money and Inflation*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

- Haken, H. (2014). *Information and Self-Organization. A Macroscopic Approach to Complex Systems*. Moscow: URSS: LENAND Publ. (In Russian.)
- Hervas-Oliver, J.-L., Boix-Domenech, R. (2013). The economic geography of the meso-global spaces: integrating multinationals and clusters at the local–global level. *European Planning Studies*, 21(7), 1064–1080. <https://doi.org/10.1080/09654313.2013.733853>
- Holland, S. (1974). Meseconomics, new public enterprise and economic planning. *Annals of Public and Cooperative Economics*, 45(2), 147–160. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8292.1974.tb00786.x>
- Holland, S. (1987). *The Market Economy: from Micro to Meseconomics*. London, Weidenfeld and Nicolson; New York, St Martin's Press.
- Holland, S., Black, A. (2018). Cherchez la firme: redressing the missing – meso – middle in mainstream economics. *Economic Thought History, Philosophy and Methodology*, 7(2), 15–53.
- Jašová, E., Kadeřábková, B., Čermáková, K. (2017). Use of the method of the stochastic trend for NAIRU estimation in the Czech Republic and Slovakia at the macro- and meso-levels. *Economic Research – Ekonomika Istraživanja*, 30(1), 256–272. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1305782>
- Kirdina, S. (2015). Methodological individualism and methodological institutionalism for interdisciplinary research. *Montenegrin Journal of Economics*, 11(1), 53–67.
- Kirdina-Chandler, S. G. (2018). Meseconomics and complexity economics: going beyond the limits of economic orthodoxy. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 6–17. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.006-017> (in Russian.)
- Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis. *Journal of Institutional Studies*, 11(3), 6–17. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.006-020> (in Russian.)
- Kirdina-Chandler, S. G., Mayevsky, V. I. (2017). Methodological issues of the meso-level analysis in economics. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 7–23. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.007-023> (in Russian.)
- Kirdina-Chandler, S. G., Mayevsky, V. I. (2018). Meseconomics in a heterodox perspective: one of the possible approaches, pp. 40–55 / In: S. G. Kirdina-Chandler, V. I. Mayevsky (eds.) *Heterodoxy versus Economic Reductionism: Micro-, Meso-, Macro*. Moscow: IE RAS Publ. (In Russian.)
- Kirilyuk, I. L. (2016). Economic-mathematical models for studying of mesolevel of economy. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 50–63. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.050-063> (in Russian.)
- Kirilyuk, I. L. (2016). The discrete form of the equations in the theory of the shifting mode of reproduction with different variants of financial flows. *Computer Research and Modeling*, 8(5), 803–815. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2016-8-5-803-815> (in Russian.)
- Klamer, A. (2015). *Speaking of Economics. How to Get in The Conversation*. Moscow, St. Petersburg: Gaidar Institute Publ. (In Russian.)
- Kleiner, G. B. (2003). Meseconomic problems of the Russian economy. *Economic Herald of Rostov State University*, 1(2), 11–18. (In Russian.)
- Kleiner, G. B. (2014). The rhythms of evolutionary economics. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 123–136. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-4-123-136> (in Russian.)
- Kleiner, G. B. (Ed.) (2011). *Meseconomics of Development*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Klir, G. J. (2001). *Facets of Systems Science*. New York: Kluwer.
- Kruglova, M. S. (2017). Meseconomic theory in English-scientific literature. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 24–35. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.024-035> (in Russian.)

- Kruglova, M. S. (2018). Claude Menard's meso-institution theory and its application in the institutional design. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 49–57. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.049-057> (in Russian.)
- Kruglova, M. S., Volynskii, A. I., Kirilyuk, I. L. (2019). Meso-level of economy: theoretical approaches and math modeling. *Journal of Institutional Studies*, 11(1), 41–54. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.1.041-054>
- Kunneke, R., Ménard, C., Groenewegen, J. (2010) Aligning modes of organization with technology: critical transactions in the reform of infrastructures. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 75(3), 494–505.
- Laiko, O. I., Kovalenko, S. I. (2020). The problem of mesoeconomic synthesis of clusters development and international integrating formation concepts. *Economic Innovations*, 22(1), 111–121. [https://doi.org/10.31520/ei.2020.22.1\(74\).111-121](https://doi.org/10.31520/ei.2020.22.1(74).111-121)
- Lambooy, J. G. (1990). Meso-economics and organizational ecology, pp. 254–273 / In: K. Peschel (ed). *Infrastructure and The Space-Economy*. Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-75571-2_15
- Lopatnikov, L. I. (2003). *Economics and mathematics dictionary: dictionary of modern economic science*. Moscow: Delo. (In Russian.)
- Maevsky, V. (2010). Reproduction of fixed capital and economic theory. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 65–85. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-65-85> (in Russian.)
- Maevsky, V. I. (2018). Mesolevel and hierarchical structure of the economy. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 18–29. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.018-029> (in Russian.)
- Maevsky, V., Malkov, S. (2014). Prospect of macroeconomic theory of reproduction, *Voprosy Ekonomiki*, 4, 137–154. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-4-137-155> (in Russian.)
- Maevsky, V. I., Andryushin, S. A., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A. (2016). Money mechanisms and the shifting mode of reproduction model, *Voprosy ekonomiki*, 9, 129–149. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-9-129-149> (in Russian.)
- Maevsky, V. I., Malkov, S. Y., Rubinstein, A. A. (2016). A theory of overlapping generations of fixed capital. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 86, 39–47. <https://doi.org/10.1134/S1019331616010019>
- Maevsky, V. I., Kirdina-Chandler, S. G., Deryabina, M. A. (Eds.) (2018). *Mesoeconomics: Current State and Prospects*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (In Russian.)
- Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A. (2018). On the evolution of the model of shifting mode of reproduction, *Aktualnye Problemy Ekonomiki i Prava*, 12(4), 816–827. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.816-827> (in Russian.)
- Maevsky, V. I., Malkov, S. Yu., Rubinstein, A. A. (2019). Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model. *Voprosy Ekonomiki*, 8, 45–66. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-45-66> (in Russian.)
- Maevsky, V. I., Kirdina-Chandler, S. G. (Eds.) (2020). *Mesoeconomics: Elements of A New Paradigm*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (In Russian.)
- Mann, S. (ed.) (2011). *Sectors Matter!: Exploring Mesoeconomics*. Heidelberg: Springer.
- Manning, S. (2008). Customizing clusters: on the role of western multinational corporations in the formation of science and engineering clusters in emerging economies. *Economic Development Quarterly*, 2(4), 316–323. <https://doi.org/10.1177/0891242408325585>
- Markov, L. S., Yagolnitsker, M. A. (2008). Mesoeconomic systems: typology problems. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (1), 18–44. (In Russian.)
- Marx, K. (2011). *Capital. A critique of political economy*, vol. II. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)

- Ménard, C. (2014). Embedding organizational arrangements: towards a general model. *Journal of Institutional Economics*, 10(4), 567–589. <https://doi.org/10.1017/S1744137414000228>
- Ménard, C. (2017). Meso-institutions: the variety of regulatory arrangements in the water sector. *Utilities Policy, Elsevier*, 49(C), 6–19. <https://doi.org/10.1016/j.jup.2017.05.001>
- Ménard, C. (2018). Organization and governance in the agri-food sector: how can we capture their variety? *Agribusiness: An International Journal*, 34(1), 141–160. <https://doi.org/10.1002/agr.21539>
- Ménard, C., Jimenez, A., Tropp, H. (2018). Addressing the policy-implementation gaps in water services: the key role of meso-institutions. *Water International*, 43(1), 13–33. <https://doi.org/10.4324/9780429448058-3>
- Ng, Y.-K. (1982). A micro-macroeconomic analysis based on a representative firm. *Economica, N.S.*, 49(194), 121–139.
- Ng, Y.-K. (1986). *Mesoeconomics: A Micro – Macro Analysis*. New York: St. Martin's Press.
- North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ozawa, T. (1999). Organizational efficiency and structural change: a meso-level analysis, pp. 160–190 / In: Boyd, G., Dunning, H. J. (eds.) *Structural Change and Cooperation in The Global Economy*. Cheltenham: Elgar.
- Peters, H.-R. (1981). Grundlagen der Mesoökonomie und Strukturpolitik. *UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher Wirtschafts- und Sozialtexte*, vol. 1087. Bern: P. Haupt.
- Preston, L. E. (1984). *A perspective on meso-economics*. Discussion Article, October. Berlin: International Institute of Management, Wissenschaftszentrum.
- Rekord, S. I. (2013). *Methodology of Cluster Systems Development as A Meso-Level of International Economic Integration*. Saint-Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics and Finance Publ.] (In Russian).
- Shastitko, A. Ye. (2009). Clusters as a form of spatial organization of economic activity: theory and practical observations. *Baltic Region*, 2, 7–25. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-1>
- Shastitko, A. Ye. (2019). Meso-institutions: Proliferating essences or evolving economic research programme? *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–25. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5> (in Russian.)
- Usoskin, V. M. (1990). Money problems in the economic theory of the West (Introductory article), pp. 5–70 / In: Harris, L. *Monetary Theory*. Moscow: Progress. (In Russian.)
- Volynskii, A. I. (2017). Mesolevel as object of research in the scientific economic literature of contemporary Russia. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 36–49. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.036-049> (in Russian.)
- Volynskii, A. I. (2018). The mesolevel objects identification: Russian-language publications analysis. *Journal of Institutional Studies*, 10(3), 40–48. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.040-048> (in Russian.)
- Zeza, A., Llambí, L. (2002). Meso-economic filters along the policy chain: understanding the links between policy reforms and rural poverty in Latin America. *World Development*, 30(11), 1865–1884. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.289106>
- Zhuravleva, G. P. (Ed.) (2018). *Economic theory. Microeconomics 1, 2*. Moscow: Dashkov i K Publ. (In Russian.)

Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России

Галина Павловна Литвинцева

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия
e-mail: litvinceva@corp.nstu.ru

Илья Николаевич Карелин

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия
e-mail: karelin@corp.nstu.ru

Цитирование: Литвинцева, Г. П., Карелин, И. Н. (2020). Эффекты цифровой трансформации экономики и качества жизни населения в России // *Terra Economicus*, 18(3), 53–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71

В процессе цифровой трансформации важное значение имеют ее эффекты и их распределение в региональном разрезе. Поэтому в данном исследовании предпринята попытка определить влияние цифровых факторов на основной показатель благосостояния населения (валовой региональный продукт на душу населения) с учетом региональных и временных различий за период с 2015 по 2018 год в субъектах Российской Федерации. Цифровая составляющая качества жизни населения определялась на основе российского регионального индекса (цифровой индекс). Для оценки эффектов применялись модели панельных данных, показывающие связь параметров одновременно в пространстве и во времени для периода 2015–2018 годов. С помощью эконометрических моделей оценивалось: 1) влияние цифрового индекса на реальный душевой ВРП; 2) его влияние на реальный душевой ВРП с учетом временных и региональных различий. Для конкретизации региональных различий рассмотрено цифровое неравенство в округах и субъектах Российской Федерации. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Прирост российского регионального индекса цифровой составляющей качества жизни населения за 2015–2018 годы составил 0,051. Региональные факторы оказывают значимое влияние на степень воздействия этого индекса на реальный душевой ВРП. Количество регионов с отрицательными скорректированными коэффициентами эластичности душевого ВРП по цифровому индексу (с учетом региональных и временных различий) сократилось на пять. Коэффициент вариации цифрового индекса уменьшился на 10,2%. Больше неравенство, чем в целом по России, имели два округа: Уральский и Северо-Кавказский. В целом положительное влияние цифровизации наблюдается в экономически развитых и богатых регионах РФ, в то время как в менее развитых регионах это влияние может сопровождаться цифровыми рисками.

Ключевые слова: цифровая экономика; качество жизни населения; региональные эффекты; временные эффекты; модель панельных данных; регионы России

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00195\20.

Effects of digital transformation of the economy and quality of life in Russia

Galina P. Litvintseva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
e-mail: litvinceva@corp.nstu.ru

Ilya N. Karelin

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
e-mail: karelin@corp.nstu.ru

Citation: Litvintseva, G. P., Karelin, I. N. (2020). Effects of digital transformation of the economy and quality of life in Russia. *Terra Economicus*, 18(3), 53–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-53-71

This paper deals with the process of digital transformation, its effects and their distribution in the regional aspect. The research is an attempt to define the influence of digital factors on the main indicator of people's wealth (gross domestic product per capita) considering regional and temporal differences during the period from 2015 to 2018 in the regions of the Russian Federation. The digital component of people's quality of life is defined based on the Russian regional index (digital index). To estimate the effects, panel data models were used to show the relationships between the parameters in space and time simultaneously for the period from 2015 to 2018. The econometric models served as a tool for evaluating: 1) influence of the digital index on the real GRP per capita; 2) its influence on the real GRP per capita considering temporal and regional differences. To specify regional differences, digital inequality in the districts and subjects of the Russian Federation was considered. The research findings showed that the Russian regional index of digital component of people's quality of life grew by 0.051 during the years 2015–2018. Regional factors strongly affect the impact of this index on real GRP per capita. The number of regions with negative corrected elasticity ratios (adjusted appropriately for differences in regions and period) decreased by 5. Variation ratio of the digital index decreased by 10.2%. Compared to the rest of the Russian federal districts, Ural and Northern Caucasus ones demonstrate higher digital inequality. In general, the positive impact of digitalization is identified for economically developed and rich regions of Russia, while for less developed regions, this impact could entail digital risks.

Keywords: digital economy; quality of life; regional effects; temporal effects; panel data model; regions of Russia

JEL codes: C33, O15, R12

Acknowledgement: *The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the research project № 19-010-00195\20.*

Введение

Сущность и проблемы цифровой трансформации экономики и общества исследуются учеными разных направлений. Уже на современном этапе стало понятно, что цифровая трансформация может как увеличивать, так и снижать социально-экономические эффекты, а также дифференциацию регионов и стран, в том числе по качеству жизни населения (КЖН).

Цель данного исследования – определить влияние цифровых факторов на основные показатели благосостояния населения, а также временные и региональные эффекты изменения цифровой составляющей качества жизни населения.

В настоящее время достаточно много публикаций, касающихся разных аспектов экономического роста, благосостояния и качества жизни населения. Особенности и факторы нового механизма роста рассматривают З.В. Басаев (2018), О.Б. Кошовец и Н.А. Ганичев (2018), Г.П. Литвинцева и С.П. Петров (2019). Его возможности для развивающихся стран изложены в том числе в отчете о цифровой экономике (UNCTAD, 2019). Цифровое и пространственное неравенство регионов исследуют М.А. Квасникова (2020), М.В. Морошкина (2019), Н.В. Зубаревич (2019), М.А. Юревич (2019). Эффекты, результаты и риски цифровой экономики исследовали М.А. Эскиндаров, В.В. Масленников и О.В. Масленников (2019), А.М. Елохов и Т.В. Александрова (2019). А.Н. Буфетова оценивала пространственные эффекты в динамике производительности труда российских регионов (Буфетова, 2019), а Х. Эспиноза и другие – влияние на изменение производительности труда в Европе (Espinoza et al., 2020). Л. Филипп и Ф. Уильямс обратили внимание на проблемы отдаленных сельских территорий с недостаточным цифровым обслуживанием в период развертывания широкополосной связи (Philip, Williams, 2019). Социальные, трудовые и институциональные изменения в цифровом мире изучали Ф. Гейссингер и другие (Geissinger et al., 2019), Р. Курт (Kurt, 2019), С.А. Хартвелл и другие (Hartwell et al., 2019).

Однако нам представляется целесообразным исследовать уровень и эффекты цифровой трансформации не только для экономики в целом, но и их проявление в региональном аспекте, что, безусловно, необходимо для корректировки программ развития субъектов Российской Федерации.

Данные и методы исследования

Цифровая составляющая качества жизни населения оценивалась нами на основе интегрального индекса, который назван авторами Российский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения (РРИЦКЖН) (Литвинцева и др., 2019). Кратко охарактеризуем его сущность. Цифровое качество жизни включает шесть составляющих: цифровое качество населения; обеспеченность населения цифровыми благами; качество трудовой жизни в условиях цифровизации; качество социальной сферы и услуг в условиях цифровизации; электронные государственные услуги населению; безопасность информационной деятельности населения. Эти составляющие-субиндексы включали совокупность показателей, общее количество которых в описываемой серии расчетов – 34, включая позитивные и негативные показатели. В исследовании использовалась созданная автора-

ми на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) база данных, включающая общую и цифровую информацию по 85 субъектам Российской Федерации (РФ), восьми федеральным округам (ФО) за 2015–2018 годы¹.

РРИЦКЖН (цифровой индекс) как интегральный показатель рассчитывался методом свертки при соответствующей минимаксной нормализации позитивных и негативных частных показателей, по указанным шести блокам и четырем годам временного периода. Отметим, что такая нормализация показателей позволяет сравнивать расчетные значения индексов и субиндексов по годам рассматриваемого периода, субъектам и федеральным округам РФ, что существенно обогащает результаты исследования. Определялись значения региональных индексов и субиндексов по блокам КЖН. Значение РРИЦКЖН определялось как средневзвешенное значение составляющих его субиндексов. Весовые коэффициенты субиндексов принимались равными доле числа показателей, используемых в расчете каждого субиндекса, в общем числе отобранных показателей.

Для оценки эффектов трансформации экономики индексного метода недостаточно. Обратим внимание на экономико-математическое моделирование и эконометрический анализ. В этой сфере накоплен достаточно большой и разносторонний опыт. Результаты линейных регрессионных моделей применяли Д. Хорват, Х. Кролл и А. Ягер (Horvat, Kroll, Jäger, 2019) для оценки продуктивности компаний на раннем этапе развития индустрии 4.0 и анализа общей факторной производительности, а также А.Г. Исаев (2019) для влияния инвестиций на экономический рост российских регионов. Пространственные (кросс-секционные) регрессионные модели также находят широкое применение. В частности, с их помощью И.В. Наумов (2019) исследовал зависимость валового регионального продукта от различных элементов инвестиционного потенциала. М. Канева и Г. Унтура (Kaneva, Untura, 2019) использовали динамическую панельную регрессию (общий метод моментов, GMM) и модель панельных данных с пространственными ошибками. Они исследовали влияние НИОКР и распространения знаний на экономический рост российских регионов. Эконометрическая модель долгосрочного типа (McKinsey Global Institute, 2016) основана на степенной производственной функции Кобба – Дугласа и применялась для анализа динамики и влияния основных факторов (включая человеческий капитал) на валовой внутренний продукт в страновом разрезе в период цифровой трансформации.

Отметим, что степени независимых переменных (факторов) в производственных функциях показывают некие эффекты, поскольку являются коэффициентами эластичности зависимой переменной от независимых параметров. Однако Г. Литвинцева и А. Карпович (Litvintseva, Karповich, 2019) разработали функции эластичности для определения связи между ресурсными возмущениями и отклонениями от целевых параметров развития социально-экономической системы.

В представленном исследовании авторы статьи применили модели панельных данных, показывающие связь параметров одновременно в пространстве и во времени, для оценки влияния цифровых факторов на благосостояние населения в России и ее регионах на протяжении периода 2015–2018 годов. Для расчетов, анализа и визуализации использован пакет программ статистической обработки данных SPSS Statistics (PS IMAGO PRO 5.1), Microsoft Excel (2019), программа «Визуализация наборов числовых значений на карте из фигур Excel» (версия 3.3).

¹ См.: Сабельникова и др., 2019; Росстат (2019). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сборник. М.

Уровень цифровой составляющей качества жизни населения в российских регионах в 2015–2018 годах

Уровень цифровой составляющей КЖН в России увеличился с 0,465 до 0,516 в 2018 году по сравнению с 2015 годом (табл. 1). Первые позиции устойчиво занимают Северо-Западный и Центральный ФО, последние – Южный и Северо-Кавказский ФО.

Таблица 1

Значение и ранг РРИЦКЖН в федеральных округах России в 2015–2018 годах

Федеральный округ	Значение РРИЦКЖН по федеральным округам				Ранг ФО в РФ		Темп роста индекса (%)	
	2015	2016	2017	2018	2015	2018	2018 к 2017	2018 к 2015
Российская Федерация	0,465	0,482	0,506	0,516			101,8	111,0
1. Центральный ФО	0,487	0,514	0,533	0,545	2	2	102,2	112,0
2. Северо-Западный ФО	0,495	0,517	0,532	0,547	1	1	102,8	110,4
3. Южный ФО	0,419	0,442	0,469	0,471	7	7	100,3	112,5
4. Северо-Кавказский ФО	0,384	0,375	0,408	0,404	8	8	99,1	105,3
5. Приволжский ФО	0,464	0,476	0,506	0,516	4	4	102,0	111,4
6. Уральский ФО	0,486	0,509	0,525	0,536	3	3	102,0	110,2
7. Сибирский ФО	0,455	0,465	0,494	0,514	5	5	103,9	112,8
8. Дальневосточный ФО	0,450	0,477	0,487	0,491	6	6	100,8	109,1

Источник: расчеты авторов

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) имеет максимальное в РФ значение индекса – 0,547. С ним конкурирует Центральный ФО (ЦФО). Постоянно занимает последнюю позицию Северо-Кавказский ФО (СКФО), имеющий меньшее на 0,143 значение. Хотя федеральные округа сохраняют достаточно устойчивые ранги, большее разнообразие наблюдается в темпах роста. В 2017–2018 годах все федеральные округа имели положительный прирост регионального индекса цифрового качества жизни населения, за исключением СКФО (99,1%).

В 2018 году в пятерку лидеров по цифровому качеству жизни входят Ямало-Ненецкий автономный округ (0,711), г. Москва (0,655), Ханты-Мансийский АО – Югра (0,622), Белгородская область (0,596), Чувашская Республика (0,590), далее следует Тюменская область (0,575), г. Санкт-Петербург (0,573) (табл. 2).

На первом месте во все годы рассматриваемого периода находится безопасность информационной деятельности населения, на втором – обеспечение населения цифровыми благами. Последнее место устойчиво занимает индекс качества социальной сферы и услуг с учетом цифровизации.

Таблица 2

**Значение и изменение рангов РРИЦЖН в отдельных субъектах
Российской Федерации в 2015–2018 годах**

Федеральный округ	Значение индекса в 2018 г.			Темп роста индекса за 2015–2018 гг.		
	Максимальное		Минимальное	Максимальный		Минимальный
	Регион	Значение (ранг в РФ / ранг в ФО)	Регион	Значение (ранг в РФ / ранг в ФО)	Регион	Значение в % (ранг в РФ / ранг в ФО)
Центральный ФО	г. Москва	0,655 (2/1)	Тверская область	0,438 (79/18)	Рязанская область	126,1 (5/1)
Северо-Западный ФО	г. Санкт-Петербург	0,573 (7/1)	Псковская область	0,494 (52/11)	Ненецкий АО	135,2 (3/1)
Южный ФО	Астраханская область	0,522 (32/1)	Республика Калмыкия	0,417 (82/8)	Волгоградская область	125,7 (6/1)
Северо-Кавказский ФО	Ставропольский край	0,481 (63/1)	Республика Дагестан	0,300 (85/7)	Карачаево-Черкесская Республика	137,5 (1/1)
Приволжский ФО	Чувашская Республика	0,590 (5/1)	Саратовская область	0,474 (69/14)	Самарская область	118,4 (20/1)
Уральский ФО	Ямало-Ненецкий АО	0,711 (1/1)	Курганская область	0,473 (71/6)	Ханты-Мансийский АО – Югра	123,4 (9/1)
	Ханты-Мансийский АО – Югра	0,622 (3/2)				
Сибирский ФО	Новосибирская область	0,557 (11/1)	Забайкальский край	0,430 (81/12)	Республика Тыва	136,1 (2/1)
Дальневосточный ФО	Сахалинская область	0,541 (16/1)	Республика Саха (Якутия)	0,486 (60/9)	Еврейская автономная область	122,6 (10/1)
РРИЦЖН	Ямало-Ненецкий АО (УФО)	0,711 (1)	Республика Дагестан (СКФО)	0,300 (85)	Карачаево-Черкесская Республика (СКФО)	137,5 (1)
					Республика Хакасия	100,9 (85)
					Республика Чукотский АО	103,5 (81/9)
					Республика Хакасия (СФО)	100,9 (85)

Источник: расчеты авторов

Влияние цифровых факторов на экономический рост в России с учетом региональных и временных особенностей

Для оценки влияния цифровой составляющей качества жизни населения на основной показатель экономического роста и благосостояния в России использовались модели панельных данных, учитывающих региональные и временные особенности. Рассмотрение вопроса о выборе типа модели на основе серии расчетов показало следующее. Широко распространенная степенная функция непригодна, поскольку значение РРИЦКЖН находится в пределах от 0 до 1, и применение степенной функции взаимосвязи ВРП на душу населения и указанного индекса приводит к экономически некорректным результатам, например, присутствующие в индексе богатые регионы оказывают отрицательное воздействие на душевой ВРП за период с 2015 по 2018 год. Поэтому была выбрана экспоненциальная функция для полной регрессии и модели панельных данных.

Модель 1. Влияние РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП

$$\ln(RGRP_{i,t}) = \ln(A) + \alpha * RKZN_{i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (1)$$

где $RGRP_{i,t}$ – реальный ВРП на душу населения в i -м регионе в году t , в сопоставимых ценах 2015 г., руб./чел;

$RKZN_{i,t}$ – российский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения в i -м регионе в году t ;

A – необъясненный остаток, константа;

$\varepsilon_{i,t}$ – случайная ошибка измерения;

α – коэффициент эластичности РРИЦКЖН по реальному ВРП на душу населения, показывает на сколько процентов изменяется реальный ВРП на душу населения при изменении РРИЦКЖН на 0,01.

В исследовании проверялась одна гипотеза для периода 2015–2018 годов – H_0 : РРИЦКЖН оказывает статистически значимое влияние на реальный ВРП на душу населения.

Представленные в табл. 3 результаты расчетов свидетельствуют о подтверждении сформулированной гипотезы.

Таблица 3

Результат оценки параметров уравнения 1

Наименование показателя	Оценка показателя	Стандартная ошибка	Значимость
$\ln(A)$	9,611***	0,252	0,000
α	6,668***	0,522	0,000
Коэффициент детерминации R^2	0,326		
F	163,450		0,000
Средняя ошибка аппроксимации, %	2,7		
Количество наблюдений	340		

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

Источник: расчеты авторов

Гипотеза H_0 подтверждается, так как коэффициент α получился значим. Повышение индекса РРИЦКЖН на 0,01 связано с повышением реального ВРП на душу населения на 6,668% за период с 2015 по 2018 год. Коэффициент детерминации, равный

0,326, означает, что вариация РРИЦКЖН объясняет 32,6% вариации реального ВРП на душу населения за рассматриваемый период. По критерию Фишера, уравнение получилось значимо при уровне значимости менее 1%, т.е. все коэффициенты регрессионного уравнения не обращаются в ноль одновременно. Средняя ошибка аппроксимации составляет 2,7%, что считается достаточно хорошим показателем.

Из рис. 1 видно, что на коэффициент эластичности могут влиять и региональные ненаблюдаемые факторы, так как явно выделяются группы регионов (северные регионы и Москва), находящиеся на некоторой дистанции от основной группы.

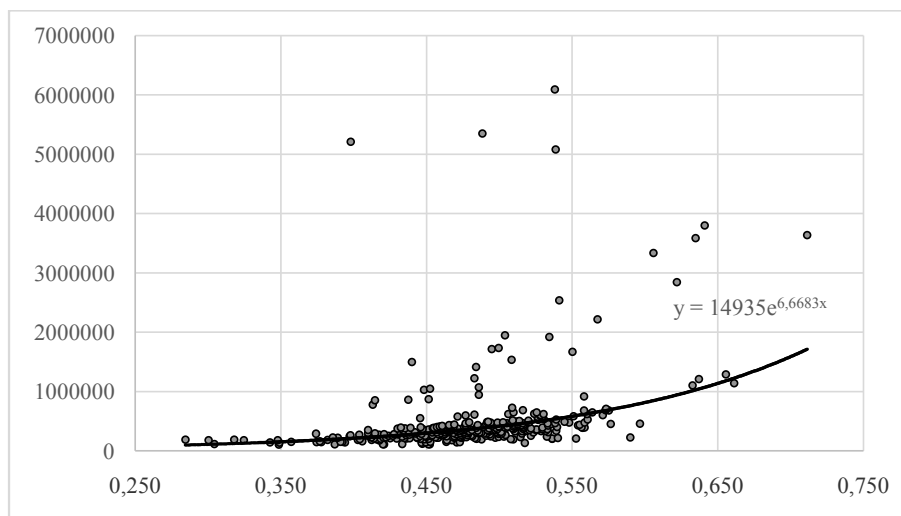

Рис. 1. Диаграмма рассеяния реального душевого ВРП и РРИЦКЖН за 2015–2018 годы в 85 субъектах Российской Федерации и график уравнения 1

Источник: расчеты авторов

Проведем дополнительно тест Бройша – Пагана на гетероскедастичность случайных ошибок регрессионной модели, который бы подтвердил выдвинутое предположение о влиянии неучтенных региональных и временных факторов. Основная тестируемая гипотеза H_0 заключается в том, что дисперсии остатков не зависят от дополнительных переменных, характеризующих региональные и временные различия. Для модели 1 $\chi^2_{\text{набл}}$ наблюдаемое значение статистики составило 1424,478, при этом $\chi^2_{\text{кр}}$ критическое значение статистики, рассчитываемое как квантиль распределения χ^2 с 87 степенями свободы и доверительной вероятностью 0,95, составило 109,773. Основная гипотеза H_0 о гомоскедастичности отвергается и принимается альтернативная гипотеза о гетероскедастичности, т.е. дисперсии остатков зависят от дополнительных переменных, характеризующих включаемый регион и временной период.

Для устранения гетероскедастичности включим в модель 87 ненаблюдаемых переменных, 84 из которых характеризуют регионы РФ (кроме Белгородской области), и 3 переменные характеризуют рассматриваемый период 2016–2018 годов (кроме 2015 года). В результате получим видоизмененную, неклассическую модель LSDV (Least Square Dummy Variable, или метод наименьших квадратов с фиктивными переменными), которая относится к моделям панельных данных с фиксированными эффектами. Данная модель выбрана потому, что она позволяет оценить влияние региональных и временных различий на зависимую переменную, в то время как модель со случайным эффектом не позволяет это сделать, поскольку включает ненаблюдаемые эффекты в случайный член (Доугерти, 2009: 421, 424).

Далее подтвердим выбор основной тестируемой модели из трех возможных: модель полной регрессии, модель со случайными или с фиксированными эффектами. Этот выбор осуществлен с помощью теста на линейные ограничения, теста Бройша –

Пагана, теста Хаусмана. Первый тест позволяет сделать выбор между моделью полной регрессии и моделью с фиксированными эффектами, второй – между полной регрессией и моделью со случайными эффектами, третий – между моделью с фиксированными и случайными эффектами.

Тест на линейные ограничения позволяет сделать выбор между полной регрессией и моделью с фиксированными эффектами. Основная тестируемая гипотеза H_0 : улучшение качества регрессии при переходе от варианта с ограничениями к варианту без ограничений является статистически не значимым. Наблюдаемая величина F статистики $F_{\text{набл}} = 190,771$, критическое значение при 5-процентном уровне значимости и соответствующем количестве степеней свободы $F_{\text{кр}} = 1,347$. Так как $F_{\text{набл}} > F_{\text{кр}}$, то гипотезу H_0 отвергаем и принимаем альтернативную гипотезу о том, что изменения в модели, связанные с исключением ограничений на региональные и временные фиктивные переменные, являются статистически значимыми.

Тест Бройша – Пагана на выбор между моделью полной регрессии и моделью со случайными эффектами. Основная тестируемая гипотеза H_0 : дисперсия ошибки равна нулю $\sigma_u^2 = 0$. Наблюдаемая статистика $LM_{\text{набл}} = 402,823$; критическое значение при 5-процентном уровне значимости $LM_{\text{кр}} = 3,841$. Так как $LM_{\text{набл}} > LM_{\text{кр}}$, то гипотеза H_0 отвергается, т.е. модель простой объединенной регрессии уверенно отвергается в пользу модели со случайными эффектами.

Тест Хаусмана. По предыдущим двум тестам можно сделать вывод, что модель полной регрессии уверенно отвергается в пользу модели с фиксированными или со случайными эффектами. При ближайшем рассмотрении осуществлен выбор в пользу модели с фиксированными эффектами, поскольку именно этот тип модели применяется к объектам генеральной совокупности, а модель со случайными эффектами применяется к объектам, которые представляют собой случайную выборку из генеральной совокупности. Заметим, что в исследовании рассматривается множество из всех 85 субъектов Российской Федерации, которое представляется конечной генеральной совокупностью объектов.

По итогу рассмотренных тестов введем в модель фиктивные переменные, отражающие временные и региональные различия.

Модель 2. Влияние РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП с учетом временных и региональных различий

$$\ln(RGRP_{i,t}) = \ln(A) + (\alpha + \sum_{i=2}^{85} \rho_i r_i + \sum_{t=2}^4 \tau_t year_t) * RKZN_{i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (2)$$

где $RGRP_{i,t}$ – реальный ВРП на душу населения в i -м регионе в году t , в сопоставимых ценах 2015 г., руб./чел;

$RKZN_{i,t}$ – РРИЦКЖН в i -м регионе в году t ;

r_i – фиктивная переменная i -го региона (кроме Белгородской области);

$year_t$ – фиктивная переменная t -го года (с 2016 г. по 2018 г.);

A – необъясненный остаток, константа;

$\varepsilon_{i,t}$ – случайная ошибка измерения;

α – коэффициент эластичности РРИЦКЖН по реальному ВРП на душу населения, показывает, на сколько процентов изменяется реальный ВРП на душу населения при изменении РРИЦКЖН на 0,01;

ρ_i – изменение коэффициента эластичности реального душевого ВРП по РРИЦКЖН по ненаблюдаемым региональным различиям в регионе i , показывает процентное изменение коэффициента эластичности в i -м регионе относительно Белгородской области (выбрана в качестве нормативного региона, первого в списке субъектов РФ в статистических сборниках);

τ_t – изменение коэффициента эластичности реального душевого ВРП по РРИЦКЖН по ненаблюдаемым временным различиям в году t , показывает процентное изменение коэффициента эластичности в t -м году относительно 2015 года.

В исследовании проверялось несколько взаимосвязанных гипотез для периода 2015–2018 годов:

Н0: РРИЦКЖН оказывает статистически значимое влияние на реальный ВРП на душу населения (для Белгородской области) за период 2015–2018 годов;

Н1: временные ненаблюдаемые факторы оказывают статистически значимое влияние на степень влияния реального душевого ВРП на РРИЦКЖН;

Н2: региональные ненаблюдаемые различия других субъектов РФ (кроме Белгородской области) оказывают статистически значимое влияние на степень влияния РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП.

В первоначальном расчете модели панельных данных с фиктивными переменными (модель 2) оказались значимы 72 региональных эффекта, не значимы – 13. Незначимые переменные были удалены, и расчеты повторены.

Представленные в табл. 4 результаты расчетов свидетельствуют о подтверждении сформулированных гипотез.

Таблица 4

**Результаты вычислений параметров уравнения 3
для периода 2015–2018 годов со значимыми региональными коэффициентами**

Наименование показателя	Оценка показателя	Стандартная ошибка	Значимость
In (A)	12,447***	0,093	0,000
α	0,965***	0,202	0,000
1. Брянская область	–1,286***	0,095	0,000
2. Владимирская область	–0,821***	0,085	0,000
3. Воронежская область	–0,390***	0,086	0,000
4. Ивановская область	–1,676***	0,088	0,000
5. Калужская область	–0,378***	0,082	0,000
6. Костромская область	–0,976***	0,088	0,000
7. Курская область	–0,629***	0,092	0,000
8. Орловская область	–0,703***	0,092	0,000
9. Рязанская область	–0,660***	0,083	0,000
10. Смоленская область	–0,756***	0,083	0,000
11. Тамбовская область	–0,625***	0,083	0,000
12. Тверская область	–0,839***	0,097	0,000
13. Тульская область	–0,559***	0,081	0,000
14. Ярославская область	–0,303***	0,081	0,000
15. г. Москва	1,310***	0,078	0,000
16. Республика Карелия	–0,310***	0,077	0,000
17. Республика Коми	0,953***	0,079	0,000
18. Ненецкий автономный округ (НАО)	5,070***	0,082	0,000
19. Архангельская область без НАО	–0,240***	0,079	0,003
20. Калининградская область	–0,284***	0,078	0,000
21. Ленинградская область	0,268***	0,080	0,001
22. Мурманская область	0,412***	0,078	0,000
23. Псковская область	–1,311***	0,088	0,000
24. г. Санкт-Петербург	0,694***	0,077	0,000
25. Республика Адыгея	–1,626***	0,092	0,000
26. Республика Калмыкия	–1,248***	0,102	0,000
27. Республика Крым	–2,240***	0,094	0,000

Продолжение табл. 4

Наименование показателя	Оценка показателя	Стандартная ошибка	Значимость
28. Астраханская область	–0,451***	0,085	0,000
29. Волгоградская область	–0,581***	0,098	0,000
30. Ростовская область	–0,808***	0,083	0,000
31. г. Севастополь	–2,474***	0,090	0,000
32. Республика Дагестан	–2,081***	0,172	0,000
33. Республика Ингушетия	–3,036***	0,103	0,000
34. Кабардино-Балкарская Республика	–2,489***	0,123	0,000
35. Карачаево-Черкесская Республика	–2,393***	0,101	0,000
36. Республика Северная Осетия – Алания	–1,684***	0,111	0,000
37. Чеченская Республика	–3,110***	0,111	0,000
38. Ставропольский край	–1,260***	0,088	0,000
39. Республика Башкортостан	–0,460***	0,081	0,000
40. Республика Марий Эл	–0,999***	0,087	0,000
41. Республика Мордовия	–1,221***	0,082	0,000
42. Республика Татарстан	0,249***	0,077	0,001
43. Удмуртская Республика	–0,363***	0,084	0,000
44. Чувашская Республика	–1,375***	0,077	0,000
45. Кировская область	–1,245***	0,084	0,000
46. Нижегородская область	–0,419***	0,082	0,000
47. Пензенская область	–0,880***	0,085	0,000
48. Саратовская область	–1,035***	0,091	0,000
49. Ульяновская область	–1,097***	0,090	0,000
50. Курганская область	–1,406***	0,092	0,000
51. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО)	2,794***	0,076	0,000
52. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	2,991***	0,078	0,000
53. Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	0,598***	0,077	0,000
54. Челябинская область	–0,197**	0,083	0,019
55. Республика Алтай	–1,580***	0,087	0,000
56. Республика Бурятия	–1,251***	0,092	0,000
57. Республика Тыва	–1,951***	0,096	0,000
58. Республика Хакасия	–0,288***	0,091	0,002
59. Алтайский край	–1,394***	0,086	0,000
60. Забайкальский край	–1,037***	0,104	0,000
61. Красноярский край	0,740***	0,082	0,000
62. Кемеровская область	–0,259***	0,084	0,002
63. Новосибирская область	–0,268***	0,082	0,001
64. Омская область	–0,556***	0,081	0,000
65. Республика Саха (Якутия)	1,657***	0,092	0,000
66. Камчатский край	0,587***	0,080	0,000
67. Хабаровский край	0,195**	0,082	0,018
68. Амурская область	–0,337***	0,083	0,000
69. Магаданская область	1,957***	0,091	0,000
70. Сахалинская область	2,693***	0,079	0,000

Окончание табл. 4

Наименование показателя	Оценка показателя	Стандартная ошибка	Значимость
71. Еврейская автономная область	-0,772***	0,092	0,000
72. Чукотский автономный округ	2,587***	0,085	0,000
τ_{2016}	0,056**	0,027	0,040
τ_{2017}	0,127***	0,031	0,000
τ_{2018}	0,228***	0,034	0,000
Коэффициент детерминации	0,990		
F	326,686		0,000
Средняя ошибка аппроксимации, %	0,3		
Количество наблюдений	340		

Примечание: *** – значимость на уровне 1%, ** – значимость на уровне 5%, * – значимость на уровне 10%.

Источник: расчеты авторов

Гипотеза Н0 подтверждается, так как коэффициент α получился значим и равен 0,965. Повышение РРИЦКЖН в 2015 году в Белгородской области на 0,01 связано с повышением реального душевого ВРП на 0,965%. РРИЦКЖН оказывает статистически значимое влияние на реальный душевой ВРП за период 2015–2018 годов в Белгородской области. По критерию Фишера уравнение получилось значимо при уровне значимости менее 1%, т.е. все коэффициенты регрессионного уравнения не обращаются в ноль одновременно. Средняя ошибка аппроксимации составила 0,3%, что говорит о существенном улучшении качества модели 2 по сравнению с моделью 1.

Гипотеза Н1 подтверждается, так как все три коэффициента τ_t – положительные и статистически значимые. Временные ненаблюдаемые факторы оказывают значимое влияние на степень влияния РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП за период 2016–2018 годов. Динамика оценок показывает, что каждый год коэффициент эластичности душевого ВРП по РРИЦКЖН растет в пределах от 0,056% до 0,101%. На рис. 2 видно значительное увеличение скорректированного коэффициента эластичности (СКЭ) в 2018 году по сравнению с 2017 годом, что объясняется началом реализации в 2017 году государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

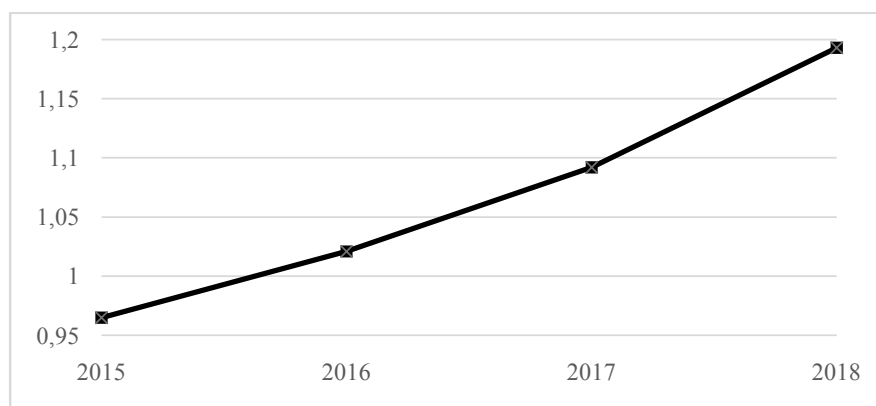

Рис. 2. Скорректированный коэффициент эластичности реального душевого ВРП по РРИЦКЖН для Белгородской области с учетом временных различий по отношению к 2015 году за период 2015–2018 годов (%)

Источник: расчеты авторов

Гипотеза Н2 частично подтверждается, так как 72 (85,7%) из 84 коэффициентов ρ_i получились значимые. Это свидетельствует о том, что региональные ненаблюдаемые факторы оказывают значимое влияние на степень влияния РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП за период с 2015 по 2018 год. Для таких регионов, как Липецкая, Московская, Вологодская, Новгородская, Оренбургская, Самарская, Свердловская, Иркутская, Томская области, а также Краснодарский, Пермский и Приморский края, коэффициенты $\rho_i = 0$, как и у Белгородской области.

На рис. 3 показана картограмма распределения регионов РФ по региональному коэффициенту коррективы ρ_i коэффициента эластичности реального душевого ВРП α по РРИЦКЖН.

Рис. 3. Картограмма распределения регионов РФ по коэффициентам региональных различий (ρ_i) (диапазоны коэффициентов в рамке даны в %)

Источник: расчеты авторов

К регионам с наибольшими значениями коэффициента коррективы ρ_i относятся северные и восточные регионы, два города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа. К регионам с наибольшими отрицательными значениями коэффициента относятся республики Северного Кавказа и Крым, а именно – Чеченская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики, Республика Крым и г. Севастополь.

Представляет интерес динамика скорректированных коэффициентов эластичности с учетом региональных и временных различий. На рис. 4 показано количество регионов за соответствующий период с положительными и отрицательными скорректированными коэффициентами эластичности.

Количество регионов с отрицательным скорректированным коэффициентом эластичности с течением времени имеет устойчивую тенденцию к снижению, а именно: в 2015 году таких регионов было 27, в 2018 году их стало уже 22.

Анализ результатов расчетов позволяет сделать вывод, что влияние РРИЦКЖН на благосостояние населения регионов РФ увеличивается, в том числе и благодаря системным действиям правительства по осуществлению государственной программы цифровизации.

Рис. 4. Динамика регионов с положительными и отрицательными скорректированными коэффициентами эластичности реального душевого ВРП по РРИЦКЖН (с учетом региональных и временных различий) в 2015–2018 годах

Источник: расчеты авторов

Цифровое неравенство в регионах и составляющих КЖН

Предыдущий анализ показал, что региональные различия существенно влияют на благосостояние населения, усиливая эффекты трансформации или уменьшая их, что может быть оценено как проявление региональных рисков.

Чтобы конкретизировать, какие региональные различия присутствуют и каков их уровень, рассмотрим цифровое неравенство на основе составляющих РРИЦКЖН.

Большинство коэффициентов цифрового неравенства по федеральным округам демонстрируют падение значений с 2015 года по 2017 год и некоторый рост в 2018 году. Максимальные значения коэффициента фондов характерны для Северо-Кавказского ФО в 2015 году (1,608), 2017–2018 годах (1,471 и 1,603), а также для Уральского ФО в 2016 году (1,46) (табл. 5).

Коэффициент вариации варьирует от 3,7 до 14,5 в четырехлетнем периоде, что свидетельствует о достаточно однородной совокупности объектов по относительному разбросу региональных индексов (рис. 5). Коэффициент вариации РРИЦКЖН уменьшился на 10,2% за период и составил 10,72 в 2018 году. Большие значения, чем в целом по России, имели два округа: Северо-Кавказский ФО – 13,58 и Уральский ФО – почти 14.

Таблица 5

Дифференциация значений российского регионального индекса цифровой составляющей КЖН в субъектах Российской Федерации по коэффициенту фондов в 2015–2018 годах

Федеральный округ	Цифровой коэффициент фондов			
	2015	2016	2017	2018
Центральный ФО	1,429	1,391	1,339	1,373
Северо-Западный ФО	1,328	1,227	1,256	1,160
Южный ФО	1,225	1,242	1,116	1,249
Северо-Кавказский ФО	1,608	1,394	1,471	1,603
Приволжский ФО	1,241	1,295	1,246	1,246
Уральский ФО	1,464	1,460	1,367	1,503

Окончание табл. 5

Федеральный округ	Цифровой коэффициент фондов			
	2015	2016	2017	2018
Сибирский ФО	1,379	1,353	1,245	1,295
Дальневосточный ФО	1,244	1,255	1,251	1,114
Российский региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения	1,543	1,531	1,406	1,471

Источник: расчеты авторов

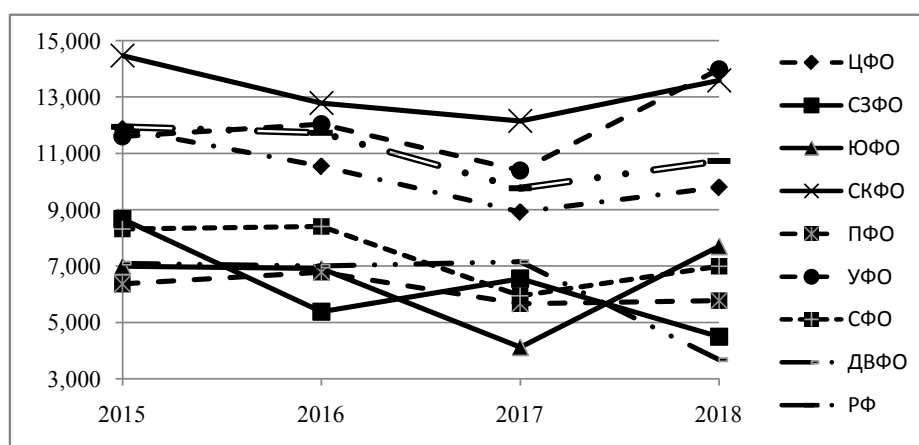

Рис. 5. Динамика цифрового коэффициента вариации по округам и РФ

Источник: расчеты авторов

Анализ неравенства по субиндексам показал, что безопасность информационной деятельности населения имеет коэффициент вариации меньший, чем РРИЦКЖН, почти во все годы рассматриваемого периода (табл. 6). Однако за период 2015–2018 годов наибольший рост коэффициента – в 1,24 раза – произошел именно в этом субиндексе.

Таблица 6

Неравенство населения в России по субиндексам российского регионального индекса цифровой составляющей качества жизни населения в 2015–2018 годах

Субиндекс	Коэффициент фондов по субиндексам и РРИЦКЖН				Коэффициент вариации по субиндексам и РРИЦКЖН			
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018
1. Индекс цифрового качества населения	1,977	1,948	1,712	2,050	18,817	19,816	14,938	19,090
2. Индекс обеспечения населения цифровыми благами	1,617	1,642	1,585	1,690	13,531	13,533	12,253	14,325
3. Индекс цифрового качества трудовой жизни	2,073	1,920	1,986	1,733	19,702	18,141	18,929	16,317
4. Индекс цифрового качества социальной сферы и услуг	2,050	2,077	1,885	2,056	19,842	19,982	17,749	20,252
5. Электронные государственные услуги населению	6,103	2,869	2,245	1,770	37,614	27,293	21,844	16,053
6. Безопасность информационной деятельности населения	1,316	1,357	1,468	1,364	7,409	8,476	11,150	9,163
РРИЦКЖН	1,543	1,531	1,406	1,471	11,935	11,726	9,753	10,724

Источник: расчеты авторов

Коэффициент вариации уменьшился только в двух субиндексах: больше всего – в 2,34 раза в электронных государственных услугах населению, на 17,2% в индексе цифрового качества трудовой жизни. Коэффициент вариации РРИЦКЖН также уменьшился на 10,2% за рассматриваемый период. В 2018 году самым высоким коэффициентом вариации характеризуются индекс цифрового качества социальной сферы и услуг (20,252) и индекс цифрового качества населения (19,09).

Заключение

Оценки российского регионального индекса показали, что уровень цифровизации жизни населения за 2015–2018 годы повысился на 0,051. Северо-Западный и Центральный ФО занимают высшие ранги, Северо-Кавказский ФО – последнюю позицию. Лидером по цифровому качеству жизни в 2018 году стал Ямало-Ненецкий автономный округ (0,711), на 85-м месте – Республика Дагестан (0,300).

Анализ результатов расчетов модели панельных данных позволил сделать следующие выводы. Временные факторы оказывают значимое влияние на степень воздействия цифрового индекса на реальный душевой ВРП, а именно: каждый год коэффициент эластичности душевого ВРП по РРИЦКЖН растет в пределах от 0,056% до 0,101%. Подтверждена гипотеза, что региональные факторы оказывают значимое влияние на степень воздействия РРИЦКЖН на реальный душевой ВРП: количество субъектов РФ с положительным скорректированным коэффициентом эластичности имеет устойчивую тенденцию к повышению, что отражает положительные региональные эффекты цифровизации.

Временные эффекты цифровизации можно показать на основе изменения неравенства в составляющих КЖН. Коэффициент вариации уменьшился только в двух субиндексах (электронных государственных услугах населению и цифровом качестве трудовой жизни) и РРИЦКЖН в целом. В 2018 году самым высоким коэффициентом вариации характеризуются индекс цифрового качества населения и индекс цифрового качества социальной сферы и услуг. Региональные различия характеризуются цифровым неравенством в субъектах РФ. Два округа – Уральский и Северо-Кавказский – имеют большие значения коэффициента вариации цифрового индекса, чем значения по России.

В целом наибольшее влияние цифровой трансформации наблюдается в экономически развитых и богатых регионах, в то время как в менее развитых регионах оно может иметь не очень благоприятные результаты. Однако цифровые неравенства присутствуют и в тех и в других регионах РФ. Это нужно учитывать при корректировке программ развития цифровой экономики.

Литература

- Басаев, З. В. (2018). Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // *Мир новой экономики*, 12(4), 32–38. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38
- Буфетова, А. Н. (2019). Исследование пространственных эффектов в региональной динамике производительности труда // *Регион: Экономика и Социология*, (2), 80–100. DOI: 10.15372/REG20190204
- Дугерти, К. (2009). *Введение в эконометрику*. М.: ИНФРА-М.
- Елохов, А. М., Александрова, Т. В. (2019). Подходы к оценке результатов цифровой трансформации экономики России // *Учет. Анализ. Аудит*, 6(5), 24–35. DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-5-24-35
- Зубаревич, Н. В. (2019). Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*, (4), 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7

- Исаев, А. Г. (2019). Инвестиционная динамика и потенциал эндогенного роста российских регионов // *Пространственная экономика*, 15(1), 18–38. DOI: 10.14530/se.2019.1.018-038
- Квасникова, М. А. (2020). Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // *Социально-политические исследования*, 1(6), 43–58. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58
- Кошовец, О. Б., Ганичев, Н. А. (2018). Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста // *Экономическая наука современной России*, (4), 126–143.
- Литвинцева, Г. П., Петров, С. П. (2019). Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // *Журнал экономической теории*, 16(3), 414–427. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.10
- Литвинцева, Г. П., Шмаков, А. В., Стукаленко, Е. А., Петров, С. П. (2019). Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // *Terra Economicus*, 17(3), 107–127. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127
- Морошкина, М. В. (2019). Пространственное неравенство российских регионов // *Региональная экономика: теория и практика*, 17(7), 1349–1367. DOI: 10.24891/re.17.7.1349
- Наумов, И. В. (2019). Исследование межрегиональных взаимосвязей в процессах формирования инвестиционного потенциала территорий методами пространственного моделирования // *Экономика региона*, 15(3), 720–735. DOI: 10.17059/2019-3-8
- Сабельникова, М. А., Абдрахманова, Г. И., Гохберг, Л. М., Дудорова, О. Ю. и др. (2019). *Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации: Стат. сборник*. М.: НИУ ВШЭ.
- Эскиндаров, М. А., Масленников, В. В., Масленников, О. В. (2019). Риски и шансы цифровой экономики в России // *Финансы: теория и практика*, 23(5), 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17
- Юревич, М. А. (2019). Социальное неравенство, инвестиции и экономической рост // *Вопросы регулирования экономики*, 10(4), 35–46. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.035-046
- Espinoza, H., Kling, G., McGroarty, F., O'Mahony, M., Ziouvelou, X. (2020). Estimating the impact of the Internet of Things on productivity in Europe // *Heliyon*, 6(5). DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e03935
- Geissinger, F., Laurell, Ch., Sandström, Ch., Eriksson, K., Nykvist, R. (2019). Digital entrepreneurship and field conditions for institutional change – Investigating the enabling role of cities // *Technological Forecasting and Social Change*, 146, 877–886. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.06.019
- Hartwell, C. A., Horvath, R., Horvathova, E., Popova, O. (2019). Democratic institutions, natural resources, and income inequality // *Comparative Economic Studies*, 61(4), 531–550. DOI: 10.1057/s41294-019-00102-2
- Horvat, D., Kroll, H., Jäger, A. (2019). Researching the Effects of Automation and Digitalization on Manufacturing Companies' Productivity in the Early Stage of Industry 4.0 // *Procedia Manufacturing*, 39, 886–893. DOI: 10.1016/j.promfg.2020.01.401
- Kaneva, M., Untura, G. (2019). The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions // *Growth and Change*, 50(1), 301–334. DOI: 10.1111/grow.12281
- Kurt, R. (2019). Industry 4.0 in Terms of Industrial Relations and Its Impacts on Labour Life // *Procedia Computer Science*, 158, 590–601. DOI: 10.1016/j.procs.2019.09.093

- Litvintseva, G., Karpovich, A. (2019). Application of elasticity theory for assessment of social and economic system sustainability, pp. 707–712 / In: *Proceedings of the “New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development” (NSRBCPED 2019)* (<https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.131>).
- McKinsey Global Institute (2016). *Digital Globalization: The New Era of Global Flows*. Report, March (<https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> – Accessed: 01.03.2020).
- Philip, L., Williams, F. (2019). Remote rural home based businesses and digital inequalities: Understanding needs and expectations in a digitally underserved community // *Journal of Rural Studies*, 68, 306–318. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.09.011
- UNCTAD (2019). Digital economy report 2019. *Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries* (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf – Accessed: 05.03.2020).

References

- Basaev, Z. V. (2018). The digitalization of the economy: Russia in the context of global transformation. *The World of New Economy*, 12(4), 32–38 (<https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38>). (In Russian.)
- Bufetova, A. N. (2019). The study of spatial effects in regional dynamics of labor productivity. *Region: economy and sociology*, (2), 80–100. DOI: 10.15372/REG20190204 (In Russian.)
- Dougherty, C. (2009). *Introduction to Econometrics*. Moscow: Infra-M Publ. (In Russian.)
- Elokhov, A. M., Alexandrova, T. V. (2019). Approaches to Assessing the Results of the Digital Transformation of the Russian Economy. *Accounting. Analysis. Auditing*, 6(5), 24–35. DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-5-24-35 (In Russian.)
- Eskindarov, M. A., Maslennikov, V. V., Maslennikov, O. V. (2019). Risks and Chances of the Digital Economy in Russia. *Finance: theory and practice*, 23(5), 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17 (In Russian.)
- Espinoza, H., Kling, G., McGroarty, F., O'Mahony, M., Ziouvelou, X. (2020). Estimating the impact of the Internet of Things on productivity in Europe. *Heliyon*, 6(5). DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e03935
- Geissinger, F., Laurell, Ch., Sandström, Ch., Eriksson, K., Nykvist, R. (2019). Digital entrepreneurship and field conditions for institutional change – Investigating the enabling role of cities. *Technological Forecasting and Social Change*, 146, 877–886. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.06.019
- Hartwell, C. A., Horvath, R., Horvathova, E., Popova, O. (2019). Democratic institutions, natural resources, and income inequality. *Comparative Economic Studies*, 61(4), 531–550. DOI: 10.1057/s41294-019-00102-2
- Horvat, D., Kroll, H., Jäger, A. (2019). Researching the effects of automation and digitalization on manufacturing companies' productivity in the early stage of industry 4.0. *Procedia Manufacturing*, 39, 886–893. DOI: 10.1016/j.promfg.2020.01.401
- Isaev, A. G. (2019). Investment dynamics and endogenous growth potential of russian regions. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 15(1), 18–38. DOI: 10.14530/se.2019.1.018-038 (In Russian.)
- Kaneva, M., Untura, G. (2019). The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions. *Growth and Change*, 50(1), 301–334. DOI: 10.1111/grow.12281
- Koshovets, O. B., Ganichev, N. A. (2018). Global digital transformation and its goals: declarations, reality and the new growth mechanism. *Economics of Contemporary Russia*, (4), 126–143. (In Russian.)

- Kurt, R. (2019). Industry 4.0 in Terms of Industrial Relations and Its Impacts on Labour Life. *Procedia Computer Science*, 158, 590–601. DOI: 10.1016/j.procs.2019.09.093
- Kvasnikova, M. A. (2020). Digital inequality and its impact on the socio-economic development of regions in Russia. *Socio-Political Studies*, 1(6), 43–58. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58 (In Russian.)
- Litvintseva, G. P., Petrov, S. P. (2019). Theoretical foundations of digital transformation of economy and people's quality of life. *Russian Journal of Economic Theory*, 16(3), 414–427. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.10 (In Russian.)
- Litvintseva, G. P., Shmakov, A. V., Stukalenko, E. A., Petrov, S. P. (2019). Digital component of people's quality of life assessment in the regions of the Russian Federation. *Terra Economicus*, 17(3), 107–127. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127 (In Russian.)
- Litvintseva, G., Karpovich, A. (2019). Application of elasticity theory for assessment of social and economic system sustainability, pp. 707–712 / In: *Proceedings of the "New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development" (NSRBCPED 2019)* (<https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200324.131>).
- McKinsey Global Institute (2016). *Digital Globalization: The New Era of Global Flows*. Report, March (<https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> – Accessed:01.03.2020).
- Moroshkina, M. V. (2019). Spatial inequality of the Russian regions. *Regional Economics: Theory and Practice*, 17(7), 1349–1367. DOI: 10.24891/re.17.7.1349 (In Russian.)
- Naumov, I. V. (2019). Investigation of the interregional relationships in the processes of shaping the territories' investment potential using the methods of spatial modelling. *Economy of Region*, 15(3), 720–735. DOI: 10.17059/2019-3-8 (In Russian.)
- Philip, L., Williams, F. (2019). Remote rural home based businesses and digital inequalities: Understanding needs and expectations in a digitally underserved community. *Journal of Rural Studies*, 68, 306–318. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2018.09.011
- Sabelnikova, M. A., Abdrahmanova, G. I., Gohberg, L. M., Dudorova, O. Ju. et al. (2019). *Information society: The main characteristics of the Russian Federation regions: A data book*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- UNCTAD (2019). Digital economy report 2019. *Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries* (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf – Accessed: 05.03.2020).
- Yurevich, M. A. (2019). Social inequality, investment, and economic growth. *Journal of Economic Regulation*, 10(4), 35–46. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.035-046 (In Russian.)
- Zubarevich, N. (2019). Inequality of regions and large cities of Russia: What was changed in the 2010s? *Social sciences and contemporary world*, (4), 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7 (In Russian.)

Value of political resource in the Russian economy: Past and present

Sergey N. Levin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Kirill S. Sablin

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
e-mail: sablin_ks@mail.ru

Citation: Levin, S. N., Sablin, K. S. (2020). Value of political resource in the Russian economy: Past and present. *Terra Economicus*, 18(3), 72–86. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-72-86

The study relies on the institutional economic history framework. We focus on the value of exclusive political resource leading to the building of hierarchically organized conglomerate of enclaves of wealth in the Russian economy. Various milestones of Russian history are emphasized. The functioning and evolution of enclaves of wealth are characterized through a complicated interweaving of added value chains and chains of value redistribution. The enclave nature of the Russian economy means that there is sustainable fragmentation of domestic economic markets. Integration of economy and society is ensured by the centralized market of power. Historically caused process of the building and functioning of enclaves of wealth in the modern Russian economy is the subject of special analysis. Their types are highlighted, and their impact on the development of the rest of the economy is characterized. The modern Russian economy is based on the export-resource enclaves of wealth. Industrial enclaves of wealth, which have been built in a number of Russian regions (for instance, Kaluga region), are the «inner maquiladoras» serving high-margin markets in the megalopolises and large cities. Innovation and scientific-educational enclaves of wealth have emerged as the result of projects of innovation development of the Russian economy and the transformation of the scientific-educational sector. These are positioned as the most important directions for building the innovation economy in Russia. However, the authors suggest that they are «pure recipients» receiving economic resources from the rest of the economy.

Keywords: political resource; enclaves of wealth; political-administrative market; added value chains; chains of value redistribution

Acknowledgement: The article is supported by the Grant of RFBR № 19-010-00244.

JEL codes: O43

Роль политического ресурса в экономике России: история и современность

Сергей Николаевич Левин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Кирилл Сергеевич Саблин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
e-mail: sablin_ks@mail.ru

Цитирование: Levin, S. N., Sablin, K. S. (2020). Value of political resource in the Russian economy: Past and present // *Terra Economicus*, 18(3), 72–86. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-72-86

Представленное исследование выполнено в русле институциональной экономической истории. Роль эксклюзивного политического ресурса, ведущего к формированию иерархически организованного конгломерата анклавов богатства в отечественной экономике, рассматривается на различных этапах исторического развития страны. Функционирование и развитие анклавов богатства характеризуется сложным переплетением цепочек создания и перераспределения стоимости. Анклавный характер экономики России означает, что во все рассмотренные исторические эпохи сохраняется ситуация фрагментации внутренних экономических рынков. В этих условиях интеграция экономики и социума обеспечивается рынками власти централизованного типа. Предметом специального исследования является исторически обусловленный процесс формирования и функционирования анклавов богатства в современной экономике России. Выделяются их типы, дается характеристика их влияния на развитие остальной экономики. Основой современной экономики России являются экспортно-ресурсные анклавы богатства. Сформировавшиеся в ряде регионов России, например, в Калужской области, индустриальные анклавы богатства представляют «внутренние макиладорас», обслуживающие высокомаржинальные рынки в мегаполисах и крупных городах. Проекты инновационного развития российской экономики и трансформации научно-образовательного сектора на практике привели к формированию новых инновационных и научно-образовательных анклавов богатства. Они позиционируются как важнейшее направление развития в России экономики инновационного типа. Оценка условий создания и результатов функционирования показывает, что они пока выступают «чистым реципиентом», получающим экономические ресурсы от остальной экономики.

Ключевые слова: политический ресурс; анклавы богатства; политико-административный рынок; цепочки создания стоимости; цепочки перераспределения стоимости

Благодарность: Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00244.

Introduction

The problem of the «enclaves of wealth» building in the countries with emerging markets is highlighted and analyzed in the international and Russian economic literature (Brich, 2003; Kryukov, 2002; Levin et al., 2017; Sokoloff, Engerman, 2000; Gallagher, Zarsky, 2007; Conning, Robinson, 2009; Hansen, 2014). The model of dual enclave economy of Joseph Stiglitz (Stiglitz, 2002) is of particular importance in the framework of the study. He noted that the enclaves of wealth have emerged in the export-oriented industries controlled by the foreign capital and privileged local business entities, and these enclaves of wealth were competitive on the global markets. The problem was that the functioning of these enclaves did not create incentives for the modernization of other sectors of the national economy. Still, they were a source of financial resources for public programs that focused on the implementation of projects to develop the rest of the economy and to invest in human capital and social infrastructure. In this case, there is a question about the specifics of the enclaves of wealth building in contemporary Russia and their impact on the development of the domestic economy.

The specifics of the economy of contemporary Russia are highlighted in the following features:

1. Russia is a member of a group of countries with emerging markets in which export-oriented enclaves of wealth are mainly represented with resource sector (we are referring to natural and mineral resources).

2. These enclaves of wealth are controlled not by foreign multinational corporations (MNCs), but by national state-owned companies and state-affiliated private companies and business groups (Pappe, Galukhina, 2009). Despite these companies IPO. are on the international financial markets, and foreign MNCs are among them, their controlling stakes remain in the ownership of either the Russian state (e.g. Gazprom, Rosneft, Slavneft) or private integrated business groups in the core of which there are the «scattered holdings» (Pappe, 2002). This fact means that there is a group of individuals («oligarchs») at the end of the chains of legal entities often located in «offshores» (e.g. V. Alekperov and L. Fedun for «Lukoil», A. Mordashov for «Severstal», V. Lisin for NLMK Group). This phenomenon impacts directly the ways of attracting and using the resources of these companies/business groups for the implementation of the public projects/programs initiated by the state.

3. Export-resource enclaves of wealth are embedded in a specific system, which is characterized by the complicated interweaving of added value chains and chains of value redistribution. The specificity of these relations is due to the fact that formal institutions are modified by informal norms. As a result, a white zone of interaction is complemented with a black zone and gray zone with the latter playing a crucial role. It is the norms of the gray zone that defines the set of quasi-fiscal obligations of the business to the authorities in the form of quasi-tax payments and organized sponsorship that determine the real financial burden of these companies/business groups (Levin, Kurbatova, 2011). At the same time, during the bargaining within the gray zone business gets access to the various benefits and other forms of «protectionist» support, which have an individual character. The centralized redistribution of financial resources leads to the emergence of additional enclaves of wealth. These enclaves do not have any competitive advantages on the economic markets. Still, they emerge as an *unintended consequence* when authorities implement public projects/programs aimed at reducing resource dependence and transferring the economy to innovation development path.

Implementation of these projects/programs is carried out within the framework of a specific institutional system, which ensures the integration of economy and society in the context of fragmentation of domestic economic markets and the lack of integrated national market economy. The key element of this system is the centralized political-administrative market.

This study examines the institutional foundations of the system built in the context of economic fragmentation and political-administrative centralization. As a result, the Russian economy is not an integrated economy of market type, but rather a fragmented economic space. The central element of this economic space is the pyramid of export-resource, industrial and innovation/scientific and educational enclaves of wealth. At the same time, the rest of the economy operates in a survival mode. This fact means that it does not have any sufficient economic and/or political resources that would ensure its competitiveness and ability for sustainable development. From our point of view, the building and development of such institutional system is a manifestation of the path dependence effect. This effect is because the economy and society in Russia were characterized as sustainably existed, with an interweaving economic fragmentation and political-administrative centralization processes in «imperial», Soviet and post-Soviet periods.

The research problem is the relationship between historically caused processes of building and functioning of the various enclaves of wealth in the Russian economy and the competitiveness of the participants of these enclaves on economic and political-administrative markets.

Theoretical framework

The study relies on the institutional economic history perspective, based on the conceptual approaches of Paul David and Brian Arthur (David, 1985; Arthur, 1989). They highlighted the path dependency effect and lock-in effect, and these approaches are integrated with new economic history (North, Thomas, 1973; North, 1981). Historical processes of political and economic interaction in the economy and society of Russia are in the core of the study, that is why the authors use the model of dual enclave economy of Joseph Stiglitz. This model is integrated with the approaches based on the new political economy. The institutional and historical nature of the study determines the fact that political markets are considered in the broad sense opposing to the basic models of public choice theory (Buchanan, 1986; Buchanan, Brennan, 2008; Tollison, 2012). Authors of the study point out various discrete structural alternatives of political market organization competing on the different territories and in different historical periods (Williamson, 1991; Levin, 2014).

This means that we proceed from the fact of historically caused coalescence of economy and politics, limited political and economic competition, and the key role of state-controlled and state-affiliated business structures in the economy when characterizing the institutional system of Russia. The current institutional system of Russia is considered as the next step in the country's historical development. This system is based on a historically caused relations between the resource-sectoral structure of the economy and the institutional organization of the society. Therefore, the existing institutional system of Russia suggests a specific type of relationship between economy and politics, and their coalescence as well as limited real autonomy of these subsystems. Path dependence effect is highlighted in the interaction between the resource-sectoral and political-economic structures of Russian society. This interaction defines the main parameters of the institutional organization, and it creates a system of restrictions in the implementation of modernization projects. These restrictions are quite rigorous. This means that lock-in effect (North, 1990; Cowan, Gunby, 1996; Pierson, 2000; Stack, Gartland, 2003; Khalil, 2013) is manifested in the process of institutional projects implementation when objective restrictions are not taken into account, and the institutional system returns to a historically caused path dependence.

This fact was clearly manifested during the post-Soviet development of the economy and society. The institutional project, which had been implemented since the early 1990-s, was focused on the separation of economy and politics, the development of economic and political competition, the building of market-type institutional system, and political de-

mocracy. However, the result was highlighted in the transformation of the Soviet system of administrative markets (Kordonsky, 2006) into a system built on the predominance of hybrid political-administrative market. The coalescence of economy and politics was reproduced in the new forms. Instead of separating the regimes of private and public property (Olson, 1995), a mixed and blurred system of real residual property rights established.

The Problem of Value of Political Resource and Enclaves of Wealth in the Modernization of the Russian Economy

The current situation is socially embedded not only in the Soviet practices but also in the pre-Soviet practices of modernization of the Russian economy. In Russia, the initiator of the modernization process was represented with the social-political forces that were not directly oriented towards the building market-type economy and liberal political regime (nobility-bureaucratic autocracy in the pre-Soviet period and the communist party in the Soviet period). These forces focused primarily on the external factors, and they pursued the goal of preventing the country from losing economic and political independence and preserving its geopolitical and military-strategic positions. Thus, the Russian version of modernization had an «imperial» character that was built on the selective adaptation of the achievements of developed countries. Development of certain segments of society was due to the deterioration of the economic situation and the social status of others.

Economy and society were separated into two enclaves. Capitalist enclave relied on the vast support from the state, while traditional enclave stagnated and carried the main costs of modernization. This fact meant that the initial functioning of entrepreneurial structures in Russia was linked with the use of an exclusive political resource. As a result, the functioning and development of the capitalist sector were based on the complicated and intertwined processes of creating and redistributing the value. On the one hand, the availability of political resource was a crucial condition to get access to the economic resources necessary for doing business.

On the other hand, the political resource was a source of additional benefits linked with the redistribution of added value from the traditional enclave. At the same time, the traditional enclave was the main supplier of export goods, primarily grain. However, the added value was redistributed in the favor of capitalist enclave through tax and other mechanisms designed by the state. Capitalist enclave was competitive mainly on the domestic market with the political support of the state. The emerging participants of the market economy could not ensure their re-emergence without the assistance of the state. This fact meant that they turned into «politicized entrepreneurs» whose activities were based on the close interweaving of authorities and business. As a result, closed networks of authorities and business were built, and there was an interweaving of the processes of «state capture» and «business capture». In this case, Russian (pre-Soviet) capitalism could be viewed as an early form of «crony capitalism» (Brou, Ruta, 2013; Aligica, Tarko, 2014; Zywicki, 2015; Rubin, 2015).

The Soviet economic system, which replaced «early» Russian capitalism, was formed initially in extreme conditions. The matter was not limited to solve the problems of warfare and organizing the post-war reconstruction of the country. There were problems related to maintaining high-quality economic and technological gap between the domestic economy and the developed capitalist countries in the context of strong political and ideological confrontation with them. At the same time, there was a situation when modernization fulfillment was the primary condition for the legitimization of the new authorities. Despite the existence of the various approaches to solve these problems¹, there was a common thesis about the central role of the state, which had authoritarian power

¹ See, for example: Koritsky, E. B. (ed.) (1990). *Ways of Development: Discussions of the 1920-s: Articles and Contemporary Commentary*. Leningrad: Lenizdat Publ.; Koritsky, E. B. (ed.) (1989). *What Should a Plan Be: Discussions of the 1920-s*. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian.)

and commanding heights in the economy. In the framework of a centralized system of economic administration, the state was guided not purely with economic motivation, but with a diverse set of attitudes when determining the goals of the administration and the indicators by which their implementation was assessed. These attitudes were set with the factors related to confrontation and interaction with the developed capitalist countries in the economic, geopolitical and military-strategic spheres. The tendency toward politicization and ideologization of the economic system as well as the subordinate role of the tasks of extracting economic benefits in relation to the goals of technological transformation of the country and strengthening its geopolitical and military-strategic position was the result. This fact led to the building and transformation of the military-industrial complex and heavy industry into the privileged enclave of wealth. Military-industrial complex concentrated the best resources of physical and human capital centrally. This fact ensured its technological competitiveness in the frame of the global competition during the Cold War, including significant status gains in space exploration and nuclear power. At the same time, the enclave nature of this sector was highlighted, because it did not create large-scale multiplier effects and it did not provide significant incentives for the modernization of the rest of the Soviet economy.

The Soviet state faced with the problem of information asymmetry and managerial opportunism when realized its centralized administration functions (Winiecki, 1990). Double agent chain was formed to solve the emerging problems within the framework of the centralized administration system. This double chain provided cross-control of the economy at all levels. The point is that two organizational trees branched off from the center of the Soviet state. The first one was the party apparatchiks, and the second one was the agents of multilevel economic nomenklatura (central economic bodies – departments – enterprises). Party bodies supervised the economic nomenklatura, including the selection of cadres at all levels. As a result, a formally unified top-down executive chain of command was divided into party-political nomenklatura and economic nomenklatura. Party-political nomenklatura realized political and administrative functions, while economic nomenklatura solved economic and administrative tasks.

The formally centralized system transformed gradually into a set of administrative markets (Aven, Shironin, 1989; Naishul, 1990) as the real autonomy of the various parts of the nomenklatura strengthened and transformed into organized interest groups (Olson, 1998: 403–413). The situation of a multilevel and segmented economic and social structure of society was reproduced gradually within the framework of this system. Soviet society turned into a set of corporate-clan structures of network type that permeated formally unified state hierarchy. Simon Kordonsky characterizes these emerging groups as a hierarchy of titular estates and non-titular estates (Kordonsky, 2016: 163–169). In this case, economic power spilt-over to various groups within the party-political hierarchy (apparatchiks) on the one hand, and the economic nomenklatura within the departments and enterprises on the other hand. This fact meant that representatives of special interest groups turned into principals controlling the largest amount of property rights for resources. At the same time, they remained formally as agents within the framework of management chains. There was gradual specialization into «politicized administrators» (bureaucrats), and specific entrepreneurs.

In our opinion, the term «politicized administrators» is preferable to «bureaucrats». The study is not about Weberian rational bureaucrats but about the members of an administrative hierarchy who actively used individual political resource to bargain and extract private benefits (Naishul, 1991). It is interesting to note that in this case a parallel exists between the behavior of Soviet party apparatchiks and the behavior of those persons whom Avner Greif called «powerful administrators» analyzing the motivation of behavior of dignitaries from the different historical epochs and geographical locations (Greif, 2006). On the other hand, the phenomenon of specific entrepreneurship within the framework of

administrative hierarchies is analyzed widely in the economic literature, and various terms are used, e.g. *entrepreneurchiks* (Tarkowski, 1990), *bureau-preneurs* (Lu, 2000), *entrepreneurchiki* (Stoner-Weiss, 2006), politicized entrepreneurs (Levin, Sablin, 2016).

It is essential to understand that «political administrators» performed economic functions, and they acted as carriers of a political resource. Representatives of economic nomenclatura performed administrative and political functions, and they used actively political resource to realize their economic interests. It seems that this moment was not taken into account explicitly by the Russian reformers during the privatization. Egor Gaidar wrote about the dilemma of «exchanging power for property», which led to the building of competitive market economy, and «property + power», which consolidated the non-market type of economy and the illiberal political system (Gaidar, 2009). However, in practice, mass privatization created an institutional framework for deepening functional specialization between the various interest groups that had emerged within the framework of Soviet administrative markets. As a result, Soviet-type politicized administrators turned into contemporary politicized administrators (bureaucrats), and the economic nomenclatura. The latter was replenished with the representatives of Komsomol business (*Kryshstanovskaya, White, 1998: 87–89*) and entrepreneurs from the so-called «new Russians» (Russian version of the *nouveau riche*), evolved into contemporary politicized entrepreneurs.

Soviet administrative markets transformed into a contemporary political-administrative market. There is a specific balance between specialization and interweaving of the functions of politicized administrators and politicized entrepreneurs in the framework of the political-administrative market. It is a fundamentally important fact that politicized entrepreneurs, on the one hand, act as organizers of production leading to the creation of added value, and, on the other hand, they are agents involved in the redistribution of added value within the framework of the power hierarchy. As a result, the situation was reproduced under current conditions as well as under «early» capitalism, which characterized the *dual role* of political resource. The political resource is the key factor that grants exclusive access to economic resources that are necessary for creating added value. At the same time, the political resource is the instrument for seeking and extracting rents. The economy is decomposed into the enclaves of wealth. Relationship between enclaves is based on the interweaving of added value chains and chains of value redistribution. Fundamental importance has the question about the enclaves of wealth, which are competitive in the global economy and provide value creation, and enclaves of wealth, which are based mainly on the value redistribution within the contemporary vertical of power.

Building of Export-Resource Enclaves of Wealth during Market Transformation of the Russian Economy

The emergence of the *pyramid of enclaves of wealth* is due to the fact that the Russian economy and society are developing between the poles of *economic fragmentation* and *political-administrative centralization*. Combination of internal market transformation with the integration of the Russian economy into global markets led to the fact that a narrow group of companies and business groups became competitive in the export-resource sector mainly. In this sense, an integrated and self-regulatory system of competitive markets of resources, goods and services had not been formed in modern Russia. Economic markets are fragmented, and Russian companies and business groups compete on the separate global and domestic markets that are unconnected. For instance, Gazprom competes on the markets of Europe and Asia with other suppliers of natural gas, i.e. both with suppliers of pipeline gas (e.g. alternative route TANAP²), as well as with Middle Eastern suppliers (Qatar) and American suppliers of liquefied natural gas. Also, one may note that personal

² Trans Anatolian Natural Gas Pipeline Project (<https://www.tanap.com/tanap-project/why-tanap/> – accessed May 11, 2020).

sanctions against Oleg Deripaska³ are the vivid example of the Russian economy dependence on the global markets. These personal sanctions endangered the aluminum industry in the Russian economy.

In these conditions, the Russian economy and society are integrated with the political-administrative market. The political-administrative market of centralized type has developed in Russia. Ruling group (ruler) is the ultimate source of the political resource. A high degree of personification in the figure of the President of the Russian Federation and «fuzziness» and non-transparency of the personnel of other members are the features of the Russian ruling group. This group may include a narrow circle of influential administrators and «oligarchs» who are close to the President of the Russian Federation (Arkady and Boris Rotenberg, Yuri Kovalchuk, Gennady Timchenko, Igor Sechin, Vladimir Yakunin). Administrative, and to a lesser extent political, bargaining is carried out within the framework of the unified vertical of power. Russian business is embedded in this vertical of power at various levels. As a result, in Russia, fragmented economic markets are intertwined with a centralized and integrated political-administrative market. The relationship between the subjects of these markets goes in two directions.

Firstly, availability of individual political resource within the vertical of power is a crucial condition for exclusive access to economic resources that determine the competitiveness of Russian companies/business groups, both on domestic and global economic markets. Access to political resource for politicized administrators and «oligarchs» is determined by their position in the administrative bargaining system. Therefore, this resource is administrative for them as recipients.

Secondly, participants of the political-administrative market directly substitute the participants of economic markets in many cases. They act as the main «buyers» of goods and services of domestic companies. Furthermore, participants of the political-administrative market determine the range of solvent «buyers» through the mechanisms of redistribution and centralization of incomes in the favor of certain social groups and territories. In this case, there is a problem of the origin of the sources and development of enclaves of wealth. These sources fall into two groups.

The first source is competitive advantages on the global economic markets. Domestic companies, public and private ones, integrate into global value chains (Humphrey, Schmitz, 2001; Gereffi, Sturgeon, 2013). The role of a political resource is limited, and it is to create favorable conditions for access to economic resources. In Russia, political resource grants access to natural and mineral resources that form competitive advantages.

The second source is to get status benefits (advantages) in the framework of value redistribution chains. In these conditions, the political-administrative market not only provides access to economic factors of value creation but also it is a direct source of wealth.

The foundation of the Russian economy is the export-resource sector, which is a key source of incomes that scraped from the global economic markets. As a result, Russian business groups and companies in this sector form export-resource enclaves of wealth. In this case, access to the political-administrative market and individual political resource allows them to monopolize access to natural and mineral resources and form favorable modes of its usage. Russian business groups and companies sell their products on the global economic markets. These markets were the most important source of technologies and financial resources, especially until recent times.

Export-resource enclaves of wealth are the enterprises from extractive industries and industries that manufacture intermediate goods that are competitive on the global economic markets. These enterprises are under the control of state-owned companies and state-affiliated private companies that have significant political resource. These enclaves of wealth form the revenues flow, which is the main source of profits for large business and

³ U.S. Treasury Department agrees to declassify grounds for sanctions against Deripaska (<https://www.rbc.ru/business/27/12/2019/5e04a73f9a794773dfc4fee8> – accessed April 14, 2020).

fiscal and quasi-fiscal payments for the state. At the same time, the owners of these business groups take on quasi-public obligations to finance projects of economic development in exchange for the political resource. In the current period, this is a system of national projects. Companies controlled directly by the state are fulfilled quasi-public obligations to the greatest extent. For instance, in the year 2018, «Rosneft» Oil Company implemented an extensive set of social programs including housing and mortgage lending, private pension programs, as well as improvement of the working and leisure conditions⁴. Taking up additional quasi-public obligations, «Rosneft» enjoys additional benefits from the state for the development of new hydrocarbon deposits in the shelf of the Arctic, Far Eastern and Southern Seas of Russia⁵, therefore increasing the commercial efficiency of «Rosneft».

Thus, the specifics of the position of the Russian companies and business groups that control export-resource enclaves of wealth is a combination of exclusive advantages, obtained domestically due to the high status within the vertical of power, and fairly firm competitive pressure within the global economy. In many cases, this fact creates quite strong incentives for the modernization of export-oriented industries within the resource sector. Serious success in the technological modernization of the metallurgical industry is an example (Gorbunov, 2013).

Summing up some results, one may conclude that export-resource sector determines Russia's competitive advantages on the global economic markets despite the comments about the danger of the «resource curse». Export-resource sector is the «*pure donor*» for the rest of the economy and society.

Industrial Enclaves of Wealth in the Economy of Russia as the «Inner Maquiladoras»

Industrial enclaves of wealth are the regional complexes of assembly enterprises of the manufacturing industry serving high-margin subjects of demand. Revenues of these subjects are connected with high status (direct or indirect) in the vertical of power, and this status grants access to the redistribution of value created in the framework of export-resource enclaves of wealth. The specifics of industrial enclaves of wealth allow characterizing them as «inner maquiladoras». A maquiladora is a factory that operates under preferential tariff programs established and administered by the United States and Mexico⁶. Materials, assembly components, and production equipment used in maquiladoras are allowed to enter Mexico duty-free. Products made can be exported into the U.S. at lower tariffs than those from other countries. The term «maquiladora» has been used for similar operations in Latin America and Asia, though its roots are deeply embedded in Mexico (Grunwald, 1990; Miramontes, 1992).

Russian industrial enclaves of wealth are «maquiladoras» because they host assembly plants of multinational corporations usually controlled by foreign capital. They are «inner», because they operate for high-margin markets of certain territories of Russia, but not for other countries. The impact of political resource on the building of industrial enclaves of wealth can be divided into direct and indirect one. Direct usage of the political resource is due to the fact that regional authorities were able to create favorable local environment for the formation of assembly plants. The indirect impact of the political resource is due to the fact that federal authorities and companies/business groups that control export-resource enclaves of wealth centralize revenues redistributing it in favor of central regions, primarily Moscow and St. Petersburg. As a result, high-margin consumer markets emerge, and they are the economic ground for the industrial enclaves of wealth.

⁴ Rosneft Annual Report 2018 «Technologies Shaping the Future» (https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/a_report_2018.pdf – accessed April 28, 2020).

⁵ Shelf Projects of «Rosneft» Oil Company (<https://www.rosneft.ru/business/Upstream/offshore/> – accessed April 28, 2020).

⁶ What is a Maquiladora in Mexico? // *Manufacturing in Mexico* (<https://manufacturinginmexico.org/maquiladora-in-mexico/> – accessed June 27, 2020).

In this sense, there are two interwoven chains of vertical redistribution of value in favor of political-administrative participants and economic agents that hold higher status positions within the vertical of power. The most vivid example of the «inner maquiladoras» is the clusters of car assembly plants controlled mainly by foreign MNCs (e.g. Renault-AvtoVAZ, Volkswagen) and focused primarily on the high-income population of megalopolises and large cities (e.g. Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, etc.).

The most successful case among industrial enclaves of wealth is the experience of the economic development of Kaluga region. Kaluga became the benchmark for the region, whose authorities were able to build a balanced system of developmental institutions that guaranteed the implementation of large-scale investment projects in the manufacturing industry. At the initial stage, the most significant success was associated with attracting foreign investments in the car assembly plants («poorly diversified S.K.D.»). In the future, it became possible to significantly diversify the sectoral structure of investments and increase the role of domestic investors (Skorobogaty, 2016: 63–65). However, this enclave of wealth is still dependent on the injections of foreign technologies and investments. This makes it vulnerable in the face of the sanctions' pressure on the Russian economy.

The usage of political resource in the building of such enclaves of wealth is closest to the practices of other countries with emerging markets. One may note that the tools of new industrial policy were used in the case of Kaluga region. Regional authorities had agreements with MNCs (and, to a lesser extent, with domestic companies) to implement the project using the decisions of federal authorities level to develop car assembly plants. This project implied transfer of a global value chain segment to the automotive industry of the region. Enterprises included in this enclave of wealth operate mainly on the competitive domestic consumer markets.

Programs of Innovation Transformation of the Economy and the Emergence of Innovation/Scientific and Educational Enclaves of Wealth

Liberal projects of diversification and transformation of the Russian economy, beginning with the economic program of Dmitry Medvedev (Malle, 2013; Clark, 2018), implied building the institutional conditions for the innovation sector development. This fact was consistently highlighted in «Strategy 2020»⁷. Actually, Conception was based on the «catching-up post-industrialization» project (Mau, 2002). This Conception involved three main tasks.

Firstly, building an institutional environment that stimulates the investment and innovation activity of private businesses. This meant that the private entrepreneurs operating on the economic markets would be modernized.

Secondly, consolidation and expansion of global advantages in traditional sectors (energy, manufacturing of natural and mineral resources). It was assumed that Russian private businesses would strengthen its competitive advantages in the framework of global value chains linked with the resource sector when favorable institutional conditions are created.

Thirdly, formation and forced development of the innovation sector embedded in the global economy was assumed to be the main direction of the national economy diversification. It was assumed that the innovation sector would need state support at the early stage of its creation. Set of measures for such support was grounded in the Strategy of Innovation Development of the Russian Economy⁸. Special attention was paid to the creation of developmental institutions focused on supporting the innovation sector (Innovation Center «Skolkovo», RUSNANO, technological parks, special economic zones, technology transfer centers, etc.).

⁷ Conception of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period 2020 (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ – accessed May 04, 2020).

⁸ Strategy of Innovation Development of the Russian Federation for the period 2020 (<http://government.ru/docs/9282/> – accessed April 28, 2020).

Innovation development Strategy of Russia was integrated with the public projects of transformation of the scientific and educational complex, which was focused on servicing the tasks of innovation transformation of the domestic economy. However, the assumption that the implementation of institutional and innovation transformation projects would be carried out in the framework of strengthening the autonomy of economic and political markets, as well as of the adoption of liberal type market rules of the game, turned out to be false. In practice, all these public projects were elaborated and implemented by the participants of the Russian integrated political-administrative market of centralized type. Moreover, the liberal expert community has acted as an institutional designer affiliated with the ruling group. As a result, public programs to stimulate innovations and to reform the scientific and educational complex of the Russian Federation (e.g. «Program 5-100»⁹) led to the emergence of *innovation/scientific-educational enclaves of wealth*. Skolkovo and the Higher School of Economics are the most vivid examples. In this regard, it is necessary to pay attention to the *paradox* of innovation policy in Russia. This policy was positioned as the main way to overcome resource dependency and to transit to «knowledge economy». However, our analysis shows that such entities as Skolkovo and Higher School of Economics are enclaves of wealth that are most dependent on the political-administrative market and least oriented towards gaining competitive advantages on the economic markets. Dependence of these enclaves of wealth from chains of value redistribution has dual nature.

Firstly, the establishment of such entities required large injections of public funds to give them access to the necessary resources, including human capital. For instance, in the years 2013–2015 Innovation Center Skolkovo spent on its activities 65.5 billion roubles from the state budget¹⁰. Higher School of Economics received an additional investment of 860 956 thousand roubles according to the Order of the Government of the Russian Federation in the year 2019 under the «Program 5-100»¹¹.

Secondly, it is the state that acts as the main «consumer» of the R&D, educational and expert services these structures create. They act mainly as suppliers of innovation, scientific and educational «semi-finished products» for the global innovation and scientific-educational sector (i.e., subcontractors of global innovation companies, undergraduates and doctoral students for universities in Europe and the U.S.A., junior partners in international scientific networks).

At the same time, the preservation of even such competitive positions on the global markets seems to be very problematic without constant injections of public funds. The senior managers of these structures are well aware of this fact. In this regard, the assessment of the situation given by Valeriya Kasamara, the Higher School of Economics Vice-Rector, is a vivid example. Commenting on the statements about the need to preserve the university's autonomy from the state, she clearly expressed the position of the Higher School of Economics leadership: «You know, to me, it seems to be somewhat childish to say that, keeping in mind that the Higher School of Economics is a university under the Government of the Russian Federation and the Government is the founder of the Higher School of Economics. We work with the Government and for the Government, and we are one of the consultants of the Government, but we are also the consultants for the other executive bodies and the Presidential Administration. It is very strange to oppose us»¹². These statements are true to life. Higher School of Economics is funded not by hypotheti-

⁹ Project to Increase the Competitiveness of Leading Russian Universities among the World's Leading Research and Educational Centers «5-100» (<https://www.5top100.ru/documents/regulations/97332/> – accessed April 29, 2020).

¹⁰ About the Results of the Control Event «Verification of the Use of Federal Budget Funds aimed at Implementing Measures Related to the Creation and Maintenance of Skolkovo Innovation Center in 2013–2015» (jointly with the Federal Security Service) (<http://audit.gov.ru/upload/iblock/1e6/1e665e7c4e51f8357188a9508f7cc847.pdf> – accessed May 4, 2020).

¹¹ Order of the Government of the Russian Federation No. 179-r on the Distribution of Subsidies to Leading Universities in Order to Increase their International Competitiveness (<https://www.5top100.ru/> – accessed May 5, 2020).

¹² Kasamara about the Words of Yegor Zhukov about the Relationship of Higher School of Economics with the State: It's Childish (<https://russian.rt.com/russia/news/696719-kasamara-zhukov-vshe> – accessed April 28, 2020).

cal taxpayers acting in an ideal contract state (Buchanan, 1975), but by the ruling group. Thus, the competitiveness of innovation and scientific and educational enclaves of wealth is determined by its position at the very top of the chains of value redistribution. Therefore, these enclaves are «*pure recipient*» receiving necessary economic resources from the export-resource enclaves of wealth and the rest of the economy (e.g., one may note large-scale processes of «*pumping*» of human capital from provincial universities and academic institutions).

Our analysis shows that efforts to create innovation type economy in Russia to ensure «smart», sustainable and inclusive economic growth have not been successful. Innovation and scientific and educational enclaves of wealth have an exclusive nature. They are not solid «epicenter» of «smart» and «green» technologies dissemination into other sectors of the economy (the latter are necessary to ensure sustainable growth). Export-resource enclaves of wealth remain locked in the low added value sectors of the global economy, and they do not form knowledge-intensive clusters. Oil and gas complex that formed in Norway is a vivid example of such a cluster (Grønning et al., 2008; Engen, 2009). This country is not the only supplier of oil and natural gas, but it also accumulated serious competitive advantages in the production of technologies and equipment for extraction and processing natural and mineral resources (e.g., shelf natural gas extraction technologies, etc.).

On the other hand, it was not possible to achieve strategic breakthroughs in implementing an alternative strategy of diversification and increasing the competitiveness of the Russian economy focused on the reindustrialization. Development of manufacturing industry in some regions has not led to the formation of long added value chains. Modernize centers of the manufacturing industry are the industrial enclaves of wealth that functioning according to the model of «inner maquiladoras».

Conclusions

The study confirms the hypothesis that there is no integrated system of autonomous and self-regulating economic markets in Russia at present. Economic markets are fragmented, and the conditions for their functioning are due to the limitations of the integrated political-administrative market of centralized type. As a result, the functioning and development of the Russian economy are determined by the complex interweaving of added value chains and chains of value redistribution. Enclaves of wealth of various types have been formed within these chains. Competitiveness of the participants within these enclaves of wealth is based on the relationship between economic and political resources.

The political resource is a crucial condition for monopolizing access to natural and mineral resources, and added value is created within competition on the global economic markets. Despite the serious problems linked with the danger of resource dependence, export-resource sector determines Russia's competitive advantages on the global economic markets. Moreover, the export-resource industry maintains its position as a «*pure donor*» for the rest of the economy and society.

Industrial enclaves of wealth are primarily producers of added value. However, the boundaries of their development are strictly limited with an orientation towards high-margin consumer markets of megalopolises and large cities. The welfare of their population is dependent on the centralization of incomes linked with export-resource enclaves of wealth. This is the evidence of the limited results of reindustrialization projects implementation in the Russian economy.

Efforts to implement innovation transformation of the Russian economy are even less successful. Development of innovation and scientific-educational sectors was to ensure decreasing the level of export-resource dependence. In practice, new enclaves of wealth were built based not on the creation of added value, but its redistribution within the vertical of power. This fact means that the Russian innovation sector failed to create serious

competitive advantages on the global economic markets. This sector is a «*pure recipient*» in the chains of value redistribution due to the high-status position within the vertical of power.

Accordingly, neither export-resource, nor industrial, nor innovation and scientific-educational enclaves of wealth, formed within the framework of the state redistribution of value, have any significant positive impact on the development of the Russian economy and its transition to a new model of economic growth, i.e. smart, sustainable and inclusive. This fact means that the modern Russian economy performs within the framework of path dependence, and faces with lock-in effect. The current situation is the same as the situations took place in the different historical forms in «imperial» and Soviet periods of Russian history. In these epochs, an exclusive political resource played a special role leading to the transformation of the economy into a hierarchically organized conglomerate of enclaves of wealth. This conglomerate was built on the interweaving of processes of value creation and redistribution.

References

- Aligica, P. D., Tarko, V. (2014). Crony capitalism: Rent seeking, institutions and ideology. *Kyklos*, 67(2), 156–176.
- Arthur, B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*, 99(394), 116–131.
- Aven, P. O., Shironin, V. M. (1987). Reform of the economic mechanism: the reality of the planned transformations. *Izvestiya of Siberian Branch of Academy of Sciences of USSR. Series «Economics and Applied Sociology»*, 3(13), 33–37. (In Russian.)
- Brich, A. (2003). Russia's path to prosperity in the post-industrial world. *Voprosy Ekonomiki*, (5), 19–41. (In Russian.)
- Brou, D., Ruta, M. (2013). Rent-seeking, market structure, and growth. *The Scandinavian Journal of Economics*, 115(3), 878–901.
- Buchanan, J. (1975). *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press.
- Buchanan, J. (1986). *Essays on the Political Economy*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Buchanan, J., Brennan, G. (2008). *The Reason of Rules: Constitutional Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark, D. (2018). *Russia's economic prospects – Modernization or stagnation?* Russia and Eurasia Studies Centre Research Paper, no. 14, 28 p.
- Conning, J., Robinson, J. (2009). Enclaves and development: An empirical assessment. *Studies in Comparative International Development*, 44, 359–385.
- Cowan, R., Gunby, P. (1996). Sprayed to death: Path dependence, lock-in and pest control strategies. *The Economic Journal*, 106(436), 521–542.
- David, P. A. (1985). Clio and the economics of QWERTY. *American Economic Review*, 75(2), 332–337.
- Engen, O. (2009). The development of the Norwegian petroleum innovation system: A historical overview, pp. 179–208 / In: J. Fagerberg, D. Mowery, B. Verspagen (eds.) *Innovation, Path Dependency, and Policy: The Norwegian Case*. Oxford: Oxford University Press.
- Gaidar, E. T. (2009). *Power and property: Distempers and institutions. State and evolution*. St. Petersburg: Norma Publishing. (In Russian.)
- Gallagher, K., Zarsky, L. (2007). *The Enclave Economy: Foreign Investment and Sustainable Development in Mexico's Silicon Valley*. Massachusetts, M.I.T. Press.
- Gereffi, G., Sturgeon, T. (2013). Global Value Chains and Industrial Policy: The Role of Emerging Economies, pp. 329–361 / In: D.K. Elms, P. Low (eds.) *Global Value Chains in a Changing World*. Geneva: W.T.O. Publications.

- Gorbunov, A. (2013). Pipes without commission. *Expert*, (25). (In Russian.)
- Greif, A. (2006). *The impact of administrative power on political and economic development: Toward political economy of implementation*. SSRN Working Paper (<http://www.papers.ssrn.com>).
- Grønning, T., Moen, S., Olsen, D. (2008). Low Innovation Intensity, High Growth and Specialized Trajectories: Norway, pp. 281–319 / In: C. Edquist, L. Hommen (eds.) *Small Country Innovation Systems: Globalization, Change and Policy in Asia and Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Grunwald, J. (1990). Opportunity Missed: Mexico and Maquiladoras. *The Brookings Review*, 9(1), 44–48.
- Hansen, M. (2014). *From enclave to linkage economies? A review of the literature on linkages between extractive multinational corporations and local industry in Africa*. DIIS Working Paper, no. 02.
- Humphrey, J., Schmitz, H. (2001). Governance in global value chains. *I.D.S. Bulletin*, 32(3), 19–29.
- Khalil, E. (2013). Lock-in institutions and efficiency. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 88, 27–36.
- Kordonsky, S. (2016). *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime: The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kordonsky, S. G. (2006). *Markets of Power. Administrative Markets of the USSR and Russia*. Moscow: OGI Publ. (In Russian.)
- Kryshtanovskaya, O., White, S. (1998). From Power to Property: The Nomenklatura in Post-Soviet Russia, pp. 81–106 / In: G. Gill (ed.) *Elites and Leadership in Russian Politics*. London: MacMillan Press Ltd.
- Kryukov, V. A. (2002). Who is the boss in the «oil home»? *E.C.O. Journal*, (2), 3–20. (In Russian.)
- Levin, S. N. (2014). Markets of power, property rights regimes and political resource of entrepreneurs in the modern Russia. *Mir Rossii – Universe of Russia*, 23(4), 35–58. (In Russian.)
- Levin, S. N., Kurbatova, M. V. (2011). Network relationships of the Russian business: Business corruption and the organic institute of the real model of institutional organization of the Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 3(2), 39–58. (In Russian.)
- Levin, S. N., Sablin, K. S. (2016). Entrepreneurs as a subject of development of the modern Russian economy: General characteristics and specifics of the «resource-type» regions. *Journal of Institutional Studies*, 8(2), 76–87. (In Russian.)
- Levin, S. N., Sablin, K. S., Kagan, E. S. (2017). Beyond bell jar: Innovative entrepreneurship in resource-type regions of Russia. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 119–132. (In Russian.)
- Lu, X. (2000). Booty socialism, bureau-preneurs, and the state in transition: Organizational corruption in China. *Comparative Politics*, 32(3), 273–294.
- Malle, S. (2013). Economic modernization and diversification in Russia. Constraints and challenges. *Journal of Eurasian Studies*, 4(1), 78–99.
- Mau, V. (2002). Post-communist Russia in the post-industrial world: Problems of catching up development. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 1–22. (In Russian.)
- Miramontes, E. Z. (1992). NAFTA and industrialization on the Northern border, pp. 43–47 / In: P. Ganster, E. Valenciano (eds.) *The Mexican-U.S. Border Region and the Free Trade Agreement*. San Diego: San Diego State University.

- Naishul, V. A. (1990). Can the Soviet economy stay left of the American? On the limits of the market in Soviet conditions. *Communist Economies*, 2(4), 481–497.
- Naishul, V. A. (1991). Liberalism, customary rights and economic reforms. *Moscow Libertarianium* (http://www.libertarium.ru/l_libnau_l_cright). (In Russian.)
- North, D. C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. New York: W.W. Norton & Co.
- North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North, D. C., Thomas, R. (1973). *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson, M. (1995). Why the transition from Communism is so difficult. *Eastern Economic Journal*, 21(4), 437–461.
- Olson, M. (1998). The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. Novosibirsk: EKOR. (In Russian.)
- Pappe, Y. (2002). Russian big business as an economic phenomenon: Specific features, models of its organization. *Problemy Prognozirovaniya*, (2), 83–97. (In Russian.)
- Pappe, Y. Sh., Galukhina, Y. S. (2009). Russian big Business: The First 15 Years. Economic Chronicles 1993–2008. Moscow: H.S.E. Publishing House. (In Russian.)
- Pierson, P. (2000). Increasing returns, path dependence, and the study of politics. *American Political Science Review*, 94(2), 251–267.
- Rubin, P. (2015). Crony Capitalism. *Supreme Court Economic Review*, 23, 105–120.
- Skorobogaty, P. (2016). Kaluga: from automotive assembly to cluster diversification. *Expert*, (24). (In Russian.)
- Sokoloff, K., Engerman, S. (2000). Institutions, factor endowments, and path of development in the new world. *Journal of Economic Perspectives*, 14(3), 217–232.
- Stack, M., Gartland, M. (2003). Path Creation, Path Dependency, and Alternative Theories of the Firm. *Journal of Economic Issues*, 37(2), 487–494.
- Stiglitz, J. (2002). *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton & Co.
- Stoner-Weiss, K. (2006). *Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Tarkowski, A. (1990). Endowment of nomenklatura, or apparatchiks turned into entrepreneurchiks, or from communist ranks to capitalist riches. *Innovation*, 3(1), 89–105.
- Tollison, R. D. (2012). The economic theory of rent-seeking. *Public Choice*, 152(1-2), 73–82.
- Williamson, O. (1991). Comparative economic organization: The analysis of discrete structural alternatives. *Administrative Science Quarterly*, 36(2), 269–296.
- Winiecki, J. (1990). Why economic reforms fail in the Soviet System – A property rights-based approach. *Economic Enquiry*, 28(2), 195–221.
- Zywicki, T. (2015). Rent-seeking, crony capitalism, and the crony constitution. *Supreme Court Economic Review*, 23, 77–103.

«Экономия и право первобытного общества»: разбор эпистолярного наследия Н.И. Зибера

Данила Евгеньевич Расков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: d.raskov@spbu.ru

Цитирование: Расков, Д. Е. (2020). «Экономия и право первобытного общества»: разбор эпистолярного наследия Н.И. Зибера // *Terra Economicus*, 18(3), 87–107. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-87-107

Статья посвящена изучению эпистолярного наследия Николая Ивановича Зибера (1844–1888), представителя классической политической экономии, последователя Рикардо и Маркса. Поскольку личного архива Зибера не сохранилось, наследие представлено в 22 письмах, которые он адресовал преимущественно из Европы Петру Лаврову, Розалии Идельсон, Петру Кропоткину, Павлу Аксельроду и своим ближайшим друзьям и коллегам – Александру Чупрову и Ивану Янжулу. Собранные вместе из архивных хранилищ Петербурга, Москвы и Амстердама письма Зибера проливают свет на круг его корреспондентов, характер отношений с издателями и редакторами, делают ясные ряд вопросов, касающихся его теоретического наследия. В контексте дискуссии о характере марксизма Зибера письма усиливают ту позицию, согласно которой он был последовательным теоретическим марксистом и приверженцем классической политической экономии. Крайне важными оказываются подробности, связанные с публикацией книги «Очерки первобытной экономической культуры». Для исследователей оставалось не совсем ясным: почему Зибер нигде не вводит понятие «экономическая культура» и практически не пользуется им в самой работе. Переписка с Янжулом четко прояснила, что автор предлагал другое название – «Экономия и право первобытного общества». Такое название строго соответствует логике книги, поскольку в ней прежде всего сопоставляются две тесно связанные сферы эволюции первобытного, догосударственного общества: экономические институты и правовые отношения. В целом письма Зибера косвенно подтвердили тезисы о том, что был последовательным марксистом до появления марксизма и экономистом-антропологом до появления экономической антропологии.

Ключевые слова: Николай Зибер; письма; марксизм; экономическая антропология; интеллектуальная биография

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутреннего гранта СПбГУ «Марксизм до марксизма: социально-экономическое и эпистолярное наследие Н.И. Зибера» (ID 53363115).

«Economics and Law of Primitive Society»: An inquiry into the epistolary heritage of Nikolaj Sieber

Danila E. Raskov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: d.raskov@spbu.ru

Citation: Raskov, D. E. (2020). «Economics and Law of Primitive Society»: An inquiry into the epistolary heritage of Nikolaj Sieber. *Terra Economicus*, 18(3), 87–107. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-87-107

The article deals with the epistolary heritage of Nikolaj Ivanovich Sieber (1844–1888), who was a representative of the classical political economy and a follower of Ricardo and Marx. Since Sieber's personal archive has not survived, the legacy is presented in twenty-two letters, which he addressed mainly from Europe to Pyotr Lavrov, Rosalia Idelson, Pyotr Kropotkin, Pavel Axelrod, and to his closest friends and colleagues – Alexander Chuprov and Ivan Yanzhul. Collected from the archives of St. Petersburg, Moscow and Amsterdam, Sieber's letters shed light on the circle of his correspondents, the nature of relations with publishers and editors, and clarify a number of issues of his theoretical legacy. In the context of the debate about the nature of Sieber's Marxism, the letters reinforce the position that he was a consistent theoretical Marxist and adherent of classical political economy. The details connected with the publication of the book «Essays on the Primitive Economic Culture» are extremely important. For researchers, it remained not entirely clear why Sieber never introduces the concept of «economic culture» and practically did not use it in his work. Correspondence with Yanzhul made it clear that the author proposed a different title – «Economics and Law of Primitive Society». This title clearly corresponds to the logic of the book, since it focuses primarily on the comparison of two spheres of the evolution of primitive, pre-state society strictly interconnected: economic institutions and legal relations. In general, the letters of Sieber indirectly confirmed the thesis that he was a consistent Marxist before the appearance of Marxism and an economist-anthropologist before the advent of economic anthropology.

Keywords: Nikolaj Sieber; letters; Marxism; economic anthropology; intellectual biography

Acknowledgement: The article was written with the support of an internal grant from St. Petersburg State University, «Marxism before Marxism: the socio-economic and epistolary heritage of Nikolaj Sieber» (ID 53363115).

JEL codes: B12, B14, B31

Введение

Признание вклада ученого бывает разного рода: премии, цитирование работ, память. В отдельных случаях значение приобретает сохранившаяся переписка или эпистолярное наследие. Пожалуй, это высшая форма признания, когда вслед за работами изучаются письма. Нередки случаи, когда именно переписка переворачивает и до-

полняет академическое наследие. Переписка Карла Маркса и Веры Засулич показала, что Маркс признавал особый путь экономического развития России и потенциал крестьянской общины¹, переписка Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт позволила по-иному взглянуть на этих двух философов (Арендт, Хайдеггер, 2015).

Николай Иванович Зибер (1844–1888) сразу уверенно вошел в научную политэкономическую дискуссию, его диссертацию (Зибер, 1871) и статьи прочел на русском языке Маркс и рекомендовал в своем послесловии ко второму изданию «Капитала». Зибер популяризировал высокую теорию и прежде всего учение Маркса и Рикардо², он стал марксистом до появления марксизма, в своем сочинении «Очерки первобытной экономической культуры» (Зибер, 1873) предвосхитил экономическую антропологию. При этом Зибер интересовала не только чистая теория, но и статистика, демография, фабричный, земельный и квартирный вопросы (Зибер, 1876; 1882), т. е. он живо откликался на многие вызовы современности. Очевидно, ему в теоретическом плане была близка социальная демократия, хотя нет признаков того, что он готов был участвовать в революционной борьбе и любой активной деятельности кроме подготовки текстов. Фигура Зибера интересна и своей биографией, поскольку он учился в Киевском университете и сразу стал частью группы ученых, которая мыслила себя как новая интеллектуальная элита Украины. В 1869 году Зибер был избран в члены совета Киевского потребительного общества (Зибер, 1869), долгое время сотрудничал с газетой «Киевский телеграф», участвовал в деятельности старой киевской Громады, читал лекции по политической экономии. Он принял активное участие в переписи населения Киева и в других инициативах Юго-западного отделения Императорского географического общества. Еще во время заграничной командировки 1872–1873 годов стал членом Русской библиотеки в Цюрихе, в конфликте между П.Л. Лавровым и М.А. Бакуниным был на стороне лавристов (Расков, 2018). Как С.А. Подолинский и М.В. Драгоманов, Зибер в 1875 году переезжает на постоянное место жительства в Швейцарию. Главным образом в Берне он живет вместе с женой – впоследствии известным химиком – Надеждой Олимпиевной Шумовой. Основная деятельность Зибера в Швейцарии связана с сотрудничеством с толстыми журналами, такими как «Отечественные записки», «Знание» и др. В 1884 году по причине болезни Зибер перебирается к сестре и матери в Ялту, где в 1888 году умирает.

Зибер достаточно часто издавался. Первое издание его работ начинает собирать и печатать его супруга, появляются коммерческие издания (Зибер, 1900). В советское время выходит собрание сочинений (Зибер, 1959), отдельно печатаются основные работы (Зибер, 1923; 1937a; 1937b). Тем не менее в предисловиях, специальных статьях о творчестве Зибера архивный материал не привлекался. Личного архива Зибера не сохранилось; тем ценнее те письма, которые удалось по крупицам обнаружить в различных архивах Москвы, Петербурга и Амстердама. Важно отметить, что активный поиск в швейцарских архивах Берна и Цюриха, а также в киевских архивах позволил найти документы делопроизводственного, учетного характера, но никаких автографов Зибера обнаружено не было.

В основу публикации легли находки в трех архивах, которые формируют настоящий корпус его переписки: в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук России (СПбФ АРАН), в Центральном Государственном архиве г. Москвы (ЦГАМ)³. Всего удалось обнаружить 22 письма и одну доверенность⁴ для издания книги. К периоду *заграничной командировки* Зибера 1872–1873 годов относятся письма Петру Лавровичу Лаврову (1872 года, из Лейпцига)⁵, Розалии Христофоровне Идельсон (два письма 1872 года из Лейпцига и одно письмо 1873 года из Мюнхена)⁶. Шире всего представлен швейцарский период

¹ См.: Stedman (2017); Переписка К. Маркса, 1951.

² Согласно историческому разбору П.Н. Клюкина Зибер сформировал целое направление русской экономической мысли в интерпретации теории Рикардо как «зачаточной трудовой» (Клюкин, 2016: 37–39).

³ Два письма П. Аксельроду хранятся в IISH, International Institute for Social History (Амстердам, Нидерланды).

⁴ См. Прил. 3.

⁵ ГАРФ, Ф. 109, Оп. 230, ед. хр. 1741.

⁶ ГАРФ, Ф. 1737, Оп. 1, ед. хр. 80.

(1875–1884): здесь письма – и все из Берна – Петру Кропоткину (1878 год)⁷, Петру Лаврову (1880 год), Павлу Аксельроду (1881 год), Ивану Ивановичу Янжулу (11 писем за 1882–1883 годы)⁸, Александру Ивановичу Чупрову (1883 год)⁹. Наконец, из Ялты в последние годы жизни Н.И. Зибер пишет своим коллегам-друзьям А.И. Чупрову и И.И. Янжулу.

Ценность выявленного эпистолярного наследия Н.И. Зибера в том, что становятся яснее проработка ряда тем и сюжетов: о теории ценности и классификации социальных наук, о полемике с Г. Джорджем. В результате знакомства с письмами проясняется контекст работы автора: черты его личности, отношения с друзьями и издателями, выясняются важные обстоятельства публикации книг и статей в журналах. Мы попытаемся выделить ряд вопросов, на которые переписка проливает дополнительный свет.

Марксист до марксизма¹⁰

На основании показаний не слишком надежных свидетелей охранка (III Отделение) причислила уже эмигрировавшего в Швейцарию Зибера к числу видных представителей социально-революционной партии за границей¹¹. Свидетельства эти были крайне ненадежны, но послужили почвой для последующей дискуссии. В частности, такие споры ретроспективно разгорелись в 1920-е годы на Украине: М. Яворский (1928) объявлял Зибера «прапором» революционного марксизма и организатором рабочего класса, с чем многие не могли согласиться, например, Д. Наумов (1930). Большинство авторов сходится во мнении, что Зибера не только затруднительно, но и невозможно причислить к революционерам и организаторам рабочего движения, поскольку он – в большей степени теоретик, которого интересовала высокая наука – отвлеченные вопросы теории стоимости в интерпретации Рикардо и Маркса. Еще одним аргументом можно считать убежденность Зибера в том, что экономическое развитие происходит эволюционным путем, а поскольку «русский мужик должен прежде вывариться в фабричном котле», то большого смысла искусственно форсировать этот процесс не было. Наконец, личные черты характера Зибера скорее говорят о его достаточной замкнутости, о постоянном чувстве повышенной обеспокоенности, что также не способствовало подпольной работе.

Активность Зибера в определенной степени подтверждается участием в киевской Промде и газете «Киевский Телеграф», но деятельность эта была частью прогрессивной, интеллектуальной и культурной работы. Для А.В. Романовича-Славатинского (1903), Д.Н. Овсяннико-Куликовского (1923), Л.М. Клейнборта (1923) Зибер – лучший истолкователь и популяризатор Маркса, правоверный марксист. Миклашевский в дореволюционной истории политической экономии пишет, что «Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учений Рикардо, Маркса, Родбертуса...»¹².

В чем сходились советские интерпретаторы, так это в том, что Зибер был односторонним марксистом. В частности, распространенной стала ранняя точка зрения В.В. Воровского. Различая первый период как «ранний теоретический марксизм, главным образом захвативший область политической экономии (70-е и 80-е годы)», второй период как группу «Освобождение труда», а третий период как «легальный марксизм 90-х годов», Воровский дает такую характеристику: «Зибер явился наиболее цельным и последовательным – пожалуй, единственно последовательным – марксистом этой эпохи. Он посвятил всю свою деятельность защите и развитию учения Маркса. И все же даже этот наиболее последовательный марксист был лишь односторонним марксистом» (Воровский, 1919: 7, 15). Воровский не оспаривает того, что Зибер был марксистом, но, отдавая ему должное, указывает на односторонность, на которую потом будут ссылаться и Реуэль и другие советские авторы, договорившись до

⁷ ГАРФ, Ф. 1129, Оп. 2, ед. хр. 1225.

⁸ СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, ед. хр. 379. См. Прил. 1.

⁹ ЦГАМ, Ф. 2244, Оп. 1, ед. хр. 1551/2. См. Прил. 2.

¹⁰ Целиком этому сюжету посвящена статья (Allisson et al., 2020).

¹¹ См. архивное дело: ГАРФ, Ф. 109, Оп. 230, Д. 1741., Л. 1–3.

¹² Цит. по (Реуэль, 1956: 336).

того, что Зибер не был в полном смысле марксистом. Наумов (1930: 92–93) в этом же ключе называет Зиберу «оскопленным марксистом», поскольку он не марксист-революционер, а марксист-рикардианец, не основоположник практического марксизма, но предтеча легальных марксистов 90-х годов. Однобокий, поскольку стоял на эволюционных позициях, не выступал за насильственную смену власти, не делал ставку на рабочий вопрос.

Если Воровский, Наумов, Цаголов, Реуэль высказываются осторожно и деликатно, то их последователи высказывались более прямолинейно: «Попытки представить Н.И. Зиберу марксистом лишены всякого основания. В начале 80-х годов, когда возникла группа “Освобождение труда”, Зибер, находившийся в Швейцарии и знакомый с Плехановым, не перешел на марксистские позиции. Н.И. Зибер не был марксистом, ибо он не признавал главное в учении Маркса – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, не придавал никакого значения революционной деятельности трудящихся масс. Он отрицательно относился к деятельности революционеров. В связи с этим ошибочно писать о большой роли Зиберу в распространении марксизма в России. Оставленное им литературное наследство дает право говорить лишь о распространении им отдельных положений “Капитала”» (Запольская, 1955: 11).

Можно сказать, что круг замкнулся: голос диссертации 1950-х годов стал напоминать голос Третьего отделения 1870-х годов по степени обоснованности выводов, по карательному тону, с той лишь разницей, что охранка считала, что Зибер – радикал и социалист, а соискатель кандидатской степени – что и не марксист вовсе.

Что приоткрывает в этом контексте переписка? Признаков какой-либо деятельности помимо развития теоретических вопросов, чтения книг, обсуждения рецензий и судьбы собственных текстов в переписке нет. Вместе с тем Зибер со времени своей заграничной командировки переписывается с Петром Лавровичем Лавровым, который в этот период уже после публикации «Исторических писем», бегства в Париж и встречи с Марксом в Лондоне создает русский заграничный журнал «Вперед» (1873–1877) и одноименную газету. В Цюрихе в 1873 году оказывается и Н.И. Зибер.

Письмо Зиберу Лаврову из Лейпцига от 21 декабря 1872 года посвящено исключительно теоретическим вопросам¹³. В конечном счете Зибер защищает и растолковывает позицию Маркса в вопросах соотношения сбережений и капитала, трудовой теории стоимости и в классификации наук. Зибер критикует Лаврова вслед за Ф.А. Ланге и Н.К. Михайловским за субъективный подход к классификации наук. По мнению Зиберу, «общественные явления должны исследоваться так, как исследуются естественные, или не исследоваться никак. В полит[ической] экономии – это кажется мне очевидным до последней степени возможного. Пока лавочник строит свою науку при том свете, какой попадал в его башню, мы имеем одностороннее метафизич[еское] исследование, а не науку»¹⁴. Субъективный подход, по мысли Зиберу, ведет к тому, что часть явления, его фантом или «конкретный факт с когтями и шкурой» затмевают целое. В основе политической экономии, как Зибер отстаивал и в своей диссертации, должно лежать общественное хозяйство, а не единичное, частное. В качестве примера Зибер приводит в письме известный сюжет о том, что капитал в обществе не может образовываться путем сбережений: «есть именно такие субъективные теории: экономист видит, как клали грош к грошу в единичном хозяйстве, и, не прикинув на счетах, так ли делается во всем общественном хозяйстве, объявляет, однако ж, что так»¹⁵. Зибер в данном случае пытается показать абсурдность субъективной школы тем, что доводит их аргументы до крайности. Проступает и сарказм. Как у Маркса, когда он пишет о первоначальном накоплении как о грехопадении, в результате которого «кучка трудолюбивых, разумных и, прежде всего, бережливых избранников» вкусила от яблока Адама и скопила капитал, а основная масса так и осталась лентяями (Маркс, 1949).

Другим примером отстаивания теоретических позиций марксизма является письмо Павлу Аксельроду, который в это время работал в Женеве под фамилией Штейнберг.

¹³ ГАРФ, Ф. 1762, Оп. 4., Д. 653. Л. 1–2 об.

¹⁴ ГАРФ, Ф. 1762, Оп. 4., Д. 653. Л. 1 об.

¹⁵ ГАРФ, Ф. 1762, Оп. 4., Д. 653. Л. 1 об.

Аксельрод попросил Зибер высказать свое мнение о недавно вышедшей книге Генри Джорджа «Прогресс и бедность». Новую книгу Джорджа ставили на один уровень с Марксом и считали огромным прорывом в науке. В ответе Зибер реагирует на краткое описание и критику Аксельрода. Впоследствии Зибер подробнее знакомится с книгой Джорджа и печатает свое видение в ряде статей в журнале «Вольное слово» (1882, сентябрь–декабрь) и позднее в журнале «Русская мысль» (1883, сентябрь–декабрь) (Зибер, 1883с).

В письме от 5 августа 1881 года Зибер пишет Аксельроду: «Признаться, трудно разбирать с толком теоретическое изложение целей книги, занимающее две страницы. Впрочем насколько мне кажется, автор доказывает своею новою теорией лишь то, что раз Америка открыта, ее нельзя открыть вновь даже и в самой Америке. Иными словами, раз Маркс развил и доказал учение о добавочной ценности, то новых важных сторон в этой отрасли общественной экономии открыть невозможно». Обращаясь к авторитету Маркса и Родбертуса, Зибер не проявляет никакой симпатии к высказанным идеям Джорджа о перераспределении ренты, поскольку «нельзя тронуть ренту, чтобы не тронуть всего экономического строя страны, обрезать ренту было бы столь же бесплодною попыткою, как, например, Прудоновское уничтожение наемной платы за дома»¹⁶.

Зибера в этой дискуссии беспокоит не справедливость притязаний Джорджа или Прудона на новый раздел ренты или прибыли, он в принципе готов присоединиться к констатации неравенства или важности рабочего вопроса. Но Зибер и в текстах расширенной рецензии на книгу Джорджа, и уже в этих немногочисленных словах – реакции на краткое резюме Аксельрода – крайне внимателен к используемым категориям. Его цельное видение как приверженца идей Маркса как раз проявляется в том, что невозможно решить вопрос неравенства механически, без того чтобы не сломать саму систему (в данном случае капиталистический строй). В этой системе главным движущим элементом является добавочная ценность (или прибавочная стоимость)¹⁷. Добавочная ценность – смысл всего процесса, поэтому Зибер прекрасно понимает, что в действующей системе невозможно просто изъять один их элементов. Подробно разбирая книгу Джорджа, он показывает, что в ней неправильно используются и интерпретируются категории ренты, заработной платы, прибыли. Зибер предпочитает теоретическую дискуссию практической. Как в кратких замечаниях, так и в более расширенных его прежде всего интересует правильная политэкономическая интерпретация, верное применение категорий, которые дал для понимания движения капитала Маркс. Для актуализации позиции Зибера можно рискнуть предположить, что в современной дискуссии о безусловном базовом доходе он занял бы крайне критическую позицию по отношению к современным радикальным высказываниям в духе Джорджа. Во всяком случае, наследие Зибера в этом вопросе учит внимательному разбору теоретических аргументов, стоящих за весьма привлекательными лозунгами.

Экономия и право первобытного общества

Благодаря найденным письмам вскрываются важные подробности относительно подготовки к изданию второй по значимости книги Зибера – «Очерков первобытной экономической культуры», которая в 1883 году была напечатана в Москве в издательстве Кузьмы Терентьевича Солдатенкова (Зибер, 1883а). Это наиболее значимый труд Зибера за швейцарский период, оформленный в виде книги (см. более подробно: Расков, 2016).

Зибер серьезно прорабатывает огромный массив литературы – прежде всего первичные свидетельства путешественников, миссионеров, ученых, которые сталкиваются с народами и племенами, находящимися на более раннем этапе развития, который принято обозначать как первобытный, а в настоящее время как архаичный. Усердно

¹⁶ Если продлить эту дискуссию в настоящее время, то аргументы Джорджа нашли поддержку в идеи безусловного базового дохода, когда рента равномерно перераспределяется между всеми членами общества. Тем самым как бы решается основное противоречие, которое поставил Джордж: между прогрессом материальной цивилизации и увеличением числа бедных и отверженных, которые подчас живут даже хуже, чем дики и варвары, поскольку могут видеть колоссальный разрыв в материальном и социальном положении.

¹⁷ См. подробнее о теории ценности Зибера: (Allison, 2015; Smith, 2001).

систематизируя первоисточники в лучших книгохранилищах Европы – не только в Швейцарии, но главным образом в Национальной библиотеке Парижа и Британском музее Лондона, – Зибер пытается на наглядном материале этих свидетельств, относясь к ним критически, раскрыть связь экономической организации и правовых учреждений у первобытных народов, сквозь различные свидетельства подойти к универсальным составляющим организации общества, а также обнаружить рудименты архаики в более поздних обществах, включая современное.

В огромном полотне свидетельств Зибер опирается на без малого три сотни авторов. В их числе авторы из Великобритании, США, Австралии, Канады, которые писали на английском языке (не менее 85), примерно одинаковое количество авторов на немецком (58 книг, опубликованных в Германии, Австрии, Венгрии, Швеции, Дании), не менее 50 авторов из Франции, Бельгии и Швейцарии. Наконец, в библиографию вошли более 30 российских авторов¹⁸, совсем мало представлены книги на испанском, итальянском, латинском языках.

Безусловно, Зибер не только собирает, обобщает и анализирует многочисленные свидетельства о первобытной экономической культуре, но органично встраивает свою работу в теоретическую дискуссию о примитивной культуре. Не будет преувеличением сказать, что его работа во многом находится в русле тогда только появившихся антропологии и эволюционной этнографии. В каком-то смысле это стало продолжением тех интеллектуальных изменений, которые произошли раньше в естественных науках – в физике, астрономии, геологии, биологии, – где эволюционизм вытеснил креационизм. В самом широком смысле эволюционизм противоположен неизменяемости и предполагает фиксацию постепенных изменений, которые, накапливаясь, приводят к серьезным сдвигам. Развитие и его универсальность стали центром понимания эволюционизма.

Если взять теоретические трактаты, на которые опирается в своем изложении Зибер, то их авторы действительно являются представителями эволюционизма в этнографии и антропологии. Разумеется, сама по себе частота цитирования не говорит однозначно о влиянии, но одним из самых цитируемых Зибером теоретиков стал немецкий антрополог Теодор Вайц. Его многотомная книга «Антропология первобытных народов» (*Anthropologie die Naturvolker*) цитируется практически во всех главах¹⁹. Значимое место принадлежит и другому представителю эволюционизма – американскому этнографу Льюису Генри Моргану и его книге «Древнее общество» (*Ancient Society*)²⁰. Встречаются также отсылки к вышедшей в 1871 году книге английского этнолога Эдварда Бёрнетта Тайлора «Первобытная культура» (*Primitive culture*) (Зибер, 1883а: 409)²¹. К эволюционизму можно отнести и такие упоминаемые Зибером работы из области юриспруденции, как «Материнское право» швейцарского юриста Иоганна Якоба Баховена и «Лекции по ранней истории институтов» английского историка права Генри Джеймса Мэйна (Зибер, 1883а: 97, 395, 425).

В логике изложения вопросов общественного труда и потребления Зибер идет от более простого к более сложному. Исторически первыми формами добычи являются охота и рыболовство, затем бродячее земледелие и сооружение оросительных систем. От форм строительства и обустройства жилища Зибер переходит к вопросам дара и гостеприимства, случайного труда и потребления. Большое внимание Зибер уделяет категориям труда, собственности (движимой и земельной) – значимым для экономико-правового устройства, не забывая вслед за этнографами и антропологами встроить в свое рассмотрение вопросы родства, семьи и обмена.

Теперь нам надо вернуться к тому вопросу, который был поставлен выше, а именно: что нового вносит в понимание этого текста обнаруженная переписка? Самое главное:

¹⁸ Зибер отдельно оговаривает, что не имел возможности пользоваться российскими библиотеками, поэтому эта часть источников представлена несколько слабее.

¹⁹ См.: Зибер, 1883а: 23, 83, 77, 240, 276, 290, 311, 314, 323, 380, 390, 451, 455, 463, 490.

²⁰ См.: Морган, 1935.

²¹ Книга Тайлора «Первобытная культура» издавалась в 1872 году, а также в 1896–1897 годах с купюрами, в 1939 году вышло издание, где восстановили цензурные купюры, но опустили устаревшие рассуждения и фактические данные; кроме того, в него включили ряд глав из книги «Антропология». Наконец, в 1989 году книга издана с восстановлением всех изъятий, за исключением двух глав, представляющих узкоспециальный интерес (Тайлор, 1989).

благодаря переписке становится ясно название работы, которое планировал сам автор – это «Экономия и право первобытного общества». Именно над такой работой много лет трудился Зибер, именно это название отражает изначальные интенции автора, которые обозначены в самом начале: «Задача настоящего труда – подвергнуть сравнительному рассмотрению и сближению известную долю материала, касающегося свойств экономической организации и некоторых учреждений права у первобытных народов ...» (Зибер, 1883а: 1). В этой же первой фразе обозначаются сравнительный метод исследования и два объекта: экономическая организация и учреждения права. Далее Зибер развивает ту же мысль, обозначая свое стремление «вникнуть в природу первобытных экономических учреждений» (Зибер, 1883а: 2). Достаточно странно, что ни в начале, ни по ходу разворачивания основных сюжетов он нигде не только не вводит понятие экономической культуры, но и практически не употребляет этот термин. Это при том постоянном внимании к терминологии, которое мы находим у самого Зибера, где в том числе в его полемических трактатах разбираются слабые стороны таких авторов как Прудон, Джордж, Жуковский, Чичерин. Гораздо чаще в терминологическом плане речь идет об экономической организации, экономических учреждениях, экономических институтах. Экономическая культура первобытного общества отсылает к более общему понятию первобытной культуры. Для Тайлора культура, которую он не отделяет от цивилизации, «слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» (Тайлор, 1989: 18). У человечества при всех отличиях культура развивается универсально, сохраняя пережитки и остаточные явления, о которых вслед за Тайлором, тоже часто говорит Зибер. Экономическую культуру можно было помыслить как редукцию культуры применительно к сфере экономических отношений. Во многом Зибер откликается на призыв Тайлора более внимательно исследовать связь нравственности и права: «Такие тесно связанные между собой области, как нравственность и право, были до сих пор недостаточно исследованы с общей этнографической точки зрения, чтобы можно было говорить о каких-то определенных выводах или результатах. Но, несмотря на это, можно с уверенностью сказать, что всегда, когда эти вопросы рассматриваются даже поверхностно, мы с каждым шагом открываем все новые сокровища знания» (Тайлор, 1989: 505). Зибер действительно подхватывает призыв Тайлора – для него такими «сокровищами знания» становятся экономические институты и право. При всей эвристичности и актуальности термина «экономическая культура», Зибер предпочитает излагать и описывать первобытную культуру в других терминах: «экономия» и «право».

Предисловие к «Очеркам» подписано 6/18 октября 1881 года (Зибер, 1883а: 4). Позднее, в феврале 1882 года Зибер пишет профессору И.И. Янжулу: «Извините великодушно, что повадился беспокоить Вас своими письмами. Но видите-ли в чем дело. У Антоновича родилась мысль, нельзя ли мою работу “Экономия и право первобытного общества” напечатать в “Приложении” к журналу “Русская мысль” Юрьева? Он взялся сам похлопотать об этом чрез Головачева, но я опасаюсь, что это опять затянется, а мне долгие ждать нельзя, нужно что-нибудь делать с работой»²². Работа Зибера имеет четкое название, которое и реализовано в тексте: «Экономия и право первобытного общества». Причем именно версия «экономия» в отличие от «экономики» четче отсылает к греческому пониманию догосударственного хозяйства как искусства управления домашним хозяйством, *ойкосом*. Этот различительный контур отделяет экономию от политической экономии, где экономика встроена в политику, в государственные отношения. Тем самым оригинальная версия названия Зибера имеет на сегодняшний день очевидные преимущества, поскольку не только лучше соответствует содержанию работы, но и предлагает разграничение понятий экономического: не экономика или политическая экономия, а именно экономия – область, подчеркивающая догосударственный характер институтов. Возможно, для Зибера термин «экономия» был тождественен понятию хозяйства. В отдельной серии статей «Обществен-

²² Зибер – Янжулу, 13 февраля 1882 года, Берн: СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379. Л. 9–10. См. подробнее: Прил. 1.

ная экономия и право» Зибер растолковывает, что его идея состоит в том, что правильное общественное устройство и любую деятельность следует рассматривать с двух точек зрения – экономической и правовой, поскольку право не является независимым и неизменным элементом жизни, но находится в тесной взаимосвязи с экономическим устройством, с трудовыми отношениями (Зибер, 1883b: 3–4).

Письма свидетельствуют о непростой судьбе книги. «Моя книга, – писал Зибер, – до сих пор не удостоилась просмотра и решения г. Билибина (вот уже почти четыре месяца), так что, не будучи в состоянии ждать долго, я просил сестру жены взять ее обратно и хочу напечатать хоть отрывками в каком-нибудь журнале. Вообще в мою литературную деятельность пришла какая-то черная полоса, никто ничего не хочет печатать»²³. Переписка показывает сложное взаимодействие автора и издателя. Замысел о месте публикации меняется несколько раз, на решения уходят месяцы. По ходу переписки Зибер отказывается от первоначального названия, уступая то ли И.И. Янжулу, то ли издателю К.Т. Солдатенкову.

Действительно, откуда же тогда появилось то название, под которым вышла книга? Переписка с И.И. Янжулом также содержит ответы на данный вопрос. В письме от 6 марта 1882 года Зибер отвечает Янжулу, что рад договору с К.Т. Солдатенковым, и обсуждает название: «Разумеется, это было бы хорошо, если бы Солдатенков согласился издать мою книгу. Только устроится ли это? <...> Относительно названия предоставляю свободный выбор, и даже, кажется, так будет более подходить к содержанию, как Вы пишете, – “Очерки экономической культуры у первобытных народов” – или еще проще: “Очерки первобытной экономической культуры”»²⁴. Из писем следует, что Зибер не напрасно пишет своим друзьям А.И. Чупрову и И.И. Янжулу, его рукопись после некоторых странствий попадает к независимому издателю, который совмещает бизнес и меценатство. Выявляется и инициатор названия. Им становится давний друг, коллега и посредник в устройстве публикации книги профессор Иван Иванович Янжул. Правда, поскольку писем Янжула Зиберу не обнаружено, из последующих писем следует, что новое название больше устраивает и издателя: «Заглавие пусть будет: “Очерки первобытной экономической культуры” – это не только уступка Солдатенкову, но и мне самому подобное заглавие кажется более скромным и потому более верным»²⁵. Ретроспективно можно сказать, что термин «экономическая культура» во многом оказывается удачным компромиссом. Тем не менее переписка открывает нам, что в условиях сложной судьбы самого текста, который долго ищет путь к читателю, изменение названия становится небольшой уступкой тем, кто подружески поддерживал швейцарского коллегу, хлопотал, тратил время и деньги.

27 февраля 1882 года (по новому стилю) Зибер подписывает доверенность на издание будущей книги «Очерки первобытной экономической культуры» близкому другу – А.И. Чупрову, который был уполномочен заключать договор, получать деньги и вести дела, Зибер же подтверждал, что «впредь спорить и прекословить не будет»²⁶. В письме Солдатенкову Чупров оговаривает передачу прав издателю на первые 1200 экземпляров, а также сумму вознаграждения для автора в размере 75 рублей за печатный лист. В приложении к письму за подписью Чупрова указано, что им для Зиберы было получено 300 руб. – 6 апреля 1882 года, 200 руб. – 21 октября 1882 года, 250 руб. – 14 ноября 1882 года и 600 руб. – 25 мая 1883 года, т.е. всего 1350 руб. Для Зиберы такой размер оплаты был не так привычен: «...столь большая сумма меня просто пугает, я никогда не имел таких денег в своих руках. Просто “embarrass der richesses” и только! Часть денег, если можно, пусть Солдатенков пришлет этак через месяц. Думаю на днях поехать в Париж, но это задержит первую корректуру всего на один день, а оттуда я вышлю свой адрес в типографию»²⁷. Из других писем складывается ощущение, что доход, который Зибер получал от журналов и от

²³ СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379. Л. 3–4.

²⁴ Курсив автора статьи. СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379. Л. 12–12об.

²⁵ СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379. Л. 14–15.

²⁶ ЦГАМ, Ф. 2244, Оп. 1, Д. 3070, Л. 3. См. подробнее: Прил. 3.

²⁷ Зибер – Янжулу, 15 марта, Берн: СПбФ АРАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379.

издания книг, был единственным его личным источником средств, что несколько усиливало его обеспокоенность затяжками и отсутствием ясности.

Как мы показали ранее, Зибер одним из первых антропологов и марксистов стал описывать экономическую культуру первобытного общества, элементы которой по диалектической логике должны были на новом уровне воплотиться в новом обществе, в котором произойдет окончательное обобществление средств производства и возврат к коллективным формам жизни. Зибер стал экономистом-антропологом до появления экономической антропологии. В этом смысле ему приходилось самому подбирать новую терминологию. Как показала переписка, изначальный план, воплощенный в книге, состоял в том, чтобы показать взаимосвязь экономических учреждений (институтов) и правового регулирования экономической деятельности, воплощенной в труде, собственности, обмене. Зибер дал книге название «Экономия и право первобытного общества», которое видимо не устроило издателя. В финальной же версии его заменило синтезирующее название «Очерки экономической культуры первобытного общества». В финальной версии было выбрано синтезирующее название «Очерки экономической культуры первобытного общества». Тем не менее эвристический потенциал понятия «экономическая культура» остался в книге не раскрыт и сохранил искусственность поздней добавки.

Нелегкая судьба автора книг и статей

Можно с уверенностью сказать, что один из лейтмотивов сохранившихся писем Зиберы – это обсуждение обмена книгами и выяснение судьбы своих текстов у различных издателей. Судьба рукописей – это главное, что беспокоило Зиберу. Как показывает переписка, заступничество и помощь его верных друзей, близко знавших его еще по заграничной командировке 1872–1873 годов – профессоров А.И. Чупрова и И.И. Янжула, – действительно помогали быстрее договариваться и продвигать интересы автора. Как было показано выше, так обстояло дело с рукописью книги «Экономия и право первобытных обществ». В результате посредничества А.И. Чупрова Зибер получил выгодный контракт от К.Т. Солдатенкова, и текст наконец-то увидел читателя (Зибер, 1883).

Зибер два раза издает Рикардо (Зибер, 1873; Рикардо, 1882). Второе издание, переработанное и исправленное, выходит уже в швейцарский период. Отношения с издателем касаются нескольких вопросов: согласия опубликовать текст, работу над корректурой, выплату вознаграждения, наконец, отправки авторских экземпляров. В случае с повторным изданием Рикардо Зиберу беспокоит то, что он не был проинформирован о выходе издания: «Вообще тяжело вести дела с нашими типографиями, журналами и т.п., которые отрицают за автором всякие человеческие права. Вот, напр., мой Рикардо печатался три года, год после того без всякой надобности лежал готовый, а теперь я от чужих людей узнаю, что он уже месяца три как вышел в свет... я совершенно беспомощен» (письмо Чупрову от 5 февраля 1883 года)²⁸. К беспокойству примешивается беспомощность. В такой ситуации Зибер вынужден писать своим друзьям, чтобы они выяснили информацию.

Не раз у Зиберы прочитываются недоумение и сожаление: «То же самое и с журналами, куда посылаешь статью, и месяца через три получаешь известие, что, к крайнему сожалению, она напечатана быть не может, потому ли, что слишком специальна, или потому, что уже есть такая же статья другого автора. Потом начинается печальнейшее путешествие статьи из журнала в журнал, причем в каждом она рассматривается два, три месяца и ни один из 22 редакторов не утомит себя вопросом, да что же в это время автор изволит кушать?»²⁹

С каждым разом Зибер еще более печально обобщает этику взаимоотношений с редакторами: «... но что Вы поделаете с росиянами-редакторами, которые берут у Вас статьи и полтора года их не печатают. По-моему, лучше бросать их в воду или оклеивать ими окна. Пока у нас не будет заведено элементарной честности в обращении с

²⁸ Зибер – Чупрову, 5 февраля 1883 г.: ЦГАМ, Ф. 2244, Оп. 1, ед. хр. 1551/2, Л. 1-2. См. Прил. 2.

²⁹ Там же.

сотрудниками, до тех пор не дожидаться нам порядочной литературы» (письмо Янжулу, 6 марта 1882 года)³⁰.

В последний год пребывания в Швейцарии печаль переходит уже в безысходность. Возможно, она усиливается общим расстройством и болезнью, которая заставляет переместиться в Ялту к сестре и матери: «Что касается этих дел, то они в последнее время пришли в такой упадок, из которого я начинаю терять надежду выбраться хоть когда-нибудь. Фактически говоря, что я ни напишу, ничего не печатается в журналах, а прежде печаталось все. Какие всему этому причины, трудно разъяснить, но еще труднее сохранить какое-то ни было спокойствие и довольство жизнью при подобных невозможных условиях» (письмо Янжулу, 5 июля 1884 года)³¹.

Зибер усиленно работает над текстами статей, каждый год в толстых журналах выходит от четырех до двенадцати его статей. Все статьи Зибер печатает на русском языке, и почти все выходят в Российской империи: в журналах «Знание», «Слово», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Юридический вестник». С каждым из этих журналов Зибер устанавливал прямые и косвенные отношения, пересылал тексты, получал гонорары, а иногда и экземпляры изданий.

Из писем мы узнаем, что, живя в Берне, Зибер испытывал недостаток литературы, поэтому заказывал книги в России, в других городах Европы, сам выезжал в Париж и Лондон – поработать в библиотеках. «В “Земстве” тоже постараюсь принять участие, как только вырвусь из проклятого Берна куда-нибудь на свет Божий и снова буду иметь под руками живую литературу» (письмо Янжулу, 9 февраля 1882 года)³².

Заключение

Собранные вместе из разных архивных хранилищ Петербурга, Москвы и Амстердама письма Н.И. Зибера проливают свет на круг его корреспондентов, характер отношений с издателями и редакторами. Эпистолярное наследие Зибера позволяет по-новому осмыслить ряд вопросов его теоретического наследия. Первый такой вопрос связан с марксизмом Зибера, по поводу чего высказывалось много разных суждений. Дополнительные аргументы получила точка зрения, в рамках которой Зибер трактуется как последовательный теоретический марксист, придающий первостепенное значение не практическим выводам, но четкости и строгости теоретических формулировок и понятийного аппарата. В переписку не просачивается никаких намеков и полутонов, связанных с практической позицией, с социал-демократическим выбором. Возможно, это может объясняться усиленной конспирацией или отсутствием интереса к этой проблематике. Второй вопрос касается вклада Зибера в исследование первобытного общества. Зибер раньше Ф. Энгельса³³ заполнил лакуну в марксистском изучении архаичных обществ. Он в гораздо большей степени обобщил различные свидетельства миссионеров и путешественников, а также построил свое сочинение, которое было опубликовано под именем «Очерки первобытной экономической культуры», в эволюционную парадигму этнографии и нарождающейся антропологии. Оставалось не совсем ясным, почему Зибер нигде не вводит понятие «экономическая культура» и практически не пользуется им в самой работе. Переписка с И.И. Янжулом четко прояснила, что авторское название Зибера – «Экономия и право первобытного общества», которое, по всей видимости, не устроило редактора. По совету Янжула Зибер принимает новое название. Но именно первоначальное название лучше отражает ряд других аспектов. Оно в точности отвечает призыву к исследователям Тайлора – изучать различные сферы первобытного общества, их тесную связь и пересечения. Экономические институты архаичных обществ – труд, присвоение, обмен (дар и потлач), движимая и недвижимая собственность, общее использование ресурсов – можно обозначить словом «экономия», тем самым подчеркнув принципиальное их отличие от

³⁰ Зибер – Янжулу, март 1882 г. СПбФ РАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379., Л. 12 об.

³¹ СПбФ РАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379., Л. 24.

³² СПбФ РАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379., Л. 6.

³³ Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и капитала» была завершена в 1874 году.

более поздних государственных институтов, когда социально-экономическая система будет описываться термином «политическая экономия». Выбор термина «экономия» в противовес более часто употребляемому – экономика – отражает попытку найти более удачную вербализацию в языке экономических практик первобытного общества. Что касается внимания к правовым учреждениям в их связи с трансформацией экономических институтов, то здесь Зибер четко очерчивает пересечение и неразрывную связь двух крупных областей: экономики и права. В целом можно с уверенностью сказать: переписка подтвердила, что Н.И. Зибер был марксистом еще до возникновения марксизма как полноценного движения и изобретательным экономистом-антропологом до появления экономической антропологии. Наконец, он говорит о тесной связи экономики и права задолго до появления огромного направления: права и экономики.

Литература

- Арендт, Х., Хайдеггер, М. (2015). *Письма 1925–1975 и другие свидетельства*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Воровский, В. В. (1919). *К истории марксизма в России*. М.: Гос. изд-во.
- Запольская, В. В. (1955). *Экономические взгляды Н.И. Зибера и его место в истории русской экономической мысли*. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.
- Зибер, Н. И. (1869). *Потребительные общества*. Киев.
- Зибер, Н. И. (1871). *Теория ценности и капитала Д. Рикардо с некоторыми из последних дополнений и разъяснений*. Киев: Университетская типография.
- Зибер, Н. И. (ред.) (1873). Начала политической экономии, соч. Д. Рикардо, перевод первой части // *Университетские известия (Киев)*, (1–10).
- Зибер, Н. И. (1876). Материалы для наблюдения над общественно-экономической жизнью русского города // *Знание*, (3–4).
- Зибер, Н. И. (1882). Фабричный закон в России // *Вольное слово*, (42).
- Зибер, Н. И. (1883а). *Очерки первобытной экономической культуры*. М.: Изд. К. Т. Солдатенкова.
- Зибер, Н. И. (1883б). Общественная экономия и право // *Юридический вестник*, (5).
- Зибер, Н. И. (1883с). О влиянии прогресса на бедность // *Русская мысль*, сентябрь, 235–293, ноябрь, 330–374, декабрь, 107–136.
- Зибер, Н. И. (1900). *Собрание сочинений*: В 2 т. СПб.: Издатель.
- Зибер, Н. И. (1923). *Очерки первобытной экономической культуры*. Одесса: Гос. изд-во Украины.
- Зибер, Н. И. (1937а). *Очерки первобытной экономической культуры*. М.: ГСЭИ.
- Зибер, Н. И. (1937б). *Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования*. М.: Соцэкгиз.
- Зибер, Н. И. (1959). *Избранные экономические произведения*: В 2 т. М.: Соцэкгиз.
- Клейнборт, Л. М. (1923). *Николай Иванович Зибер*. Петроград: Колос.
- Клюкин, П. Н. (2016). Значение теоретического наследия Д. Рикардо: П. Сраффа, российская аналитическая традиция и их синтетическое восприятие, с. 8–75 / В кн.: Рикардо, Д. *Начала политической экономии и налогового обложения*. М.: Эксмо.
- Маркс, К. (1949). *Капитал. Критика политической экономии*, Т. 1. М.: ГИПЛ.
- Морган, Л. Г. (1935). *Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Л.: Из-во института народов Севера ЦИК СССР.

- Наумов, Н. Б. (1930). *Зибер Николай Иванович. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России*. Харьков: Пролетарий.
- Овсяннико-Куликовский, Д. Н. (1923). *Воспоминания*. Петроград: Время.
- Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями* (1951). М.: Гос. из-во политической литературы.
- Расков, Д. Е. (2016). Зибер как кабинетный экономист-антрополог // *Terra Economicus*, (4), 92–106.
- Расков, Д. Е. (2018). Кем был Н. И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии // *Вопросы экономики*, (4), 111–128.
- Реуэль, А. Л. (1956). *Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм*. Москва: Госполитиздат.
- Рикардо, Д. (1882). *Сочинения Давида Рикардо*. СПб.: Л.Ф. Пантелеев.
- Романович-Славатинский, А. В. (1903). *Голос старого профессора по поводу университетских вопросов*, вып. II. Киев.
- Тайлор, Э. Б. (1989). *Первобытная культура*. М.: Из-во политической лит-ры.
- Яворский, М. (1928). *Нариси з історії революційної боротьби на Україні: В 2 т., т. II, ч. I*. Киев: ДВУ.
- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the Birth of Russian Social-democracy // *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 298–323.
- Allisson, F. (2015). *Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, (19), 47–66.
- Stedman, J. G. (2017). *Karl Marx: Greatness and Illusion*. London: Allen Lane.

References

- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the Birth of Russian Social-democracy. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 298–323.
- Allisson, F. (2015). *Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Arendt, H., Heidegger, M. (2015). *Letters of 1925–1975 and other evidence*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian.)
- Correspondence of K. Marx and F. Engels with Russian political figures* (1951). Moscow: State Political Literature Publishing. (In Russian.)
- Kleinbort, L. M. (1923). *Nikolay Ivanovich Sieber*. Petrograd: Kolos Publ. (In Russian.)
- Klyukin, P. N. (2016). The value of the theoretical legacy of D. Ricardo: P. Sraffa, the Russian analytical tradition and their synthetic perception, pp. 8–75 / Ricardo, D. *On the principles of political economy and taxation*. Moscow: Eksmo. (In Russian.)
- Marx, K. (1949). *Capital. Criticism of Political Economy*, vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian.)
- Morgan, L. H. (1935). *Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. Leningrad: Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR. (In Russian.)
- Naumov, N. B. (1930). *Sieber Nikolay Ivanovich. From the history of Marxist economic thought in Ukraine and Russia*. Kharkov: Proletariy Publ. (In Russian.)
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D. N. (1923). *Memories*. Petrograd: Vremya Publ. (In Russian.)

- Raskov, D. E. (2016). Sieber as an armchair economist-anthropologist. *Terra Economicus*, (4), 92–106. (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2018). Who was N.I. Sieber? The context of intellectual biography. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 111–128. (In Russian.)
- Reuel, A. L. (1956). *Russian economic thought of the 60–70s of the XIX century and Marxism*. Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian.)
- Ricardo, D. (1882). *Works of David Ricardo*. Saint Petersburg: L.F. Panteleev Publ. (In Russian.)
- Romanovich-Slavatinsky, A. V. (1903). *An old professor's voice on university issues*, vol. II. Kiev. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1869). *Consumer societies*. Kiev. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1871). *D. Ricardo's theory of value and capital with some of the latest additions and clarifications*. Kiev: University Printing House. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (ed.) (1873). On the principles of political economy, D. Ricardo, translation of the first part. *Universitetskiye Izvestiya*, (1–10). (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1876). Materials for observation of the socio-economic life of a Russian city. *Znanie*, (3–4). (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1882). Factory law in Russia. *Volnoe Slovo*, (42). (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1883a). *Essays on the primitive economic culture*. Moscow: K.T. Soldatenkov. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1883b). Social economy and law. *Yuridicheskiy Vestnik*, (5). (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1883c). On the impact of progress on poverty. *Russkaya mysl*, September, 235–293, November, 330–374, December, 107–136. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1900). *Collected works*: in 2 vols. St. Petersburg: Izdatel Publ. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1923). *Essays on the primitive economic culture*. Odessa: State Publishing House of Ukraine. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1937a). *Essays on the primitive economic culture*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1937b). *David Ricardo and Karl Marx in their socio-economic studies. Experience in critical economic research*. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1959). *Selected economic works*: in 2 vols. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature. (In Russian.)
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, (19), 47–66.
- Stedman, J. G. (2017). *Karl Marx: Greatness and Illusion*. London: Allen Lane.
- Taylor, E. B. (1989). *Primitive culture*. Moscow: Political literature. (In Russian.)
- Vorovskiy, V. V. (1919). *On the history of Marxism in Russia*. Moscow: State Publishing House. (In Russian.)
- Yavorsky, M. (1928). *Essays on the History of Revolutionary Struggle in Ukraine*: in 2 vols, vol. II, part I. Kiev: State Publishing House of Ukraine. (In Ukrainian.)
- Zapolskaya, V. V. (1955). *Economic views of N.I. Sieber and his place in the history of Russian economic thought*. Abstract of the dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Cand. Sci. (Econ.). Moscow. (In Russian.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Письма Н.И. Зиберы И.И. Янжулу, 1882
(СПбФ РАН, Ф. 45, Оп. 2, Ед. хр. 379)

Bern
Inkerngasse, 168
25/13 февраля 1882

Л. 9

Дорогой Иван Иванович.

Извините великодушно, что повадился беспокоить Вас своими письмами. Но видите, в чем дело. У Антоновича родилась мысль: нельзя ли мою работу «Экономия и право первобытного общества»³⁴ напечатать в «Приложении» к журналу «Русская мысль» Юрьева? Он взялся сам похлопотать об этом чрез Головачева, но я опасюсь, что это опять затянется, а мне дольше ждать нельзя, нужно что-нибудь делать с работой. Если бы поэтому Юрьев выразил согласие вступить в переговоры о напечатании сей работы, то я мог бы ее доставить (Л. 9 об.) в самом скором времени, частью из Петербурга, частью отсюда, где в настоящее время находятся три главы для дополнения их новым материалом. Только одно было бы важно, чтобы Юрьев не задерживал меня своим решением, а то книга уже лежит два года без движения и если пролежит еще столько же, то ни к чему не будет годна. Так вот в чем состоит моя просьба к Вам дорогой Иван Иванович, спросить у Юрьева, имеются ли шансы на это. Я бы написал ему лично, но, во-первых, у нас, как известно, ничего не достигнешь личною перепискою, а во-вторых, не знаю его адреса, потому что во всем Берне нет ни одного экземпляра «Русской мысли».

Еще один вопрос насчет «Устоев». Что это будет за журнал, т.е. в каком приблизительно направлении? Антонович хотел справиться, напечатают ли они мои две статьи, оставшиеся в наследство от «Слова», так хотелось бы (Л. 10), с кем будешь иметь дело.

Относительно соответственного сюжета моей работы с программой «Русской мысли» могу сказать, что трудно подобрать более подходящую тему. На днях выходит в свет мой Рикардо. Простите, что все пишу о себе и о своих делах, – что у кого болит, тот о том, и говорит.

Прошу передать от нас обоих приветы Екатерине Николаевне, а от жены моей и Вам.

Ну, до свидания, Ваш Н. Зиберъ

³⁴ Подчеркивание редактора.

9

Берн
Junkerstrasse 168
25/13 фебр. 1882

Дорогой
Иван Иванович!

Извините великодушно, что победилась безв-
конно все свои письма. Но виднелись
и еще много. У Антонюшко родилась девочка,
назвали мою братицу, экономия и право
вероятно была "наказана" в "Философе-
нии" и "Курьеру" "Русская жизнь" Юрсева?
Она была еще в состоянии ада, потому что
Годовщина, и я опасался, что это будет за-
каз, а мне должно было писать, потому что не
было времени и средств. Видно, что Юрсева
выразил согласие выкупить и переписать в не-
печатном ее письме, но я мог бы ее догнать.

900.

Видно, что Антонюшко был очень занят, потому что
Годовщина, потому что еще, еще и потому что
и потому что он был в состоянии ада, потому что
Годовщина, и я опасался, что это будет за-
каз, а мне должно было писать, потому что не
было времени и средств. Видно, что Юрсева
выразил согласие выкупить и переписать в не-
печатном ее письме, но я мог бы ее догнать.

Видно, что Антонюшко был очень занят, потому что
Годовщина, потому что еще, еще и потому что
и потому что он был в состоянии ада, потому что
Годовщина, и я опасался, что это будет за-
каз, а мне должно было писать, потому что не
было времени и средств. Видно, что Юрсева
выразил согласие выкупить и переписать в не-
печатном ее письме, но я мог бы ее догнать.

10

Видно, что Антонюшко был очень занят, потому что
Годовщина, потому что еще, еще и потому что
и потому что он был в состоянии ада, потому что
Годовщина, и я опасался, что это будет за-
каз, а мне должно было писать, потому что не
было времени и средств. Видно, что Юрсева
выразил согласие выкупить и переписать в не-
печатном ее письме, но я мог бы ее догнать.

Видно, что Антонюшко был очень занят, потому что
Годовщина, потому что еще, еще и потому что
и потому что он был в состоянии ада, потому что
Годовщина, и я опасался, что это будет за-
каз, а мне должно было писать, потому что не
было времени и средств. Видно, что Юрсева
выразил согласие выкупить и переписать в не-
печатном ее письме, но я мог бы ее догнать.

Л. 12

Bern
Inkerngasse, 168
6 марта 1882

Опять отвечаю сразу на оба Ваши письма, дорогой Иван Иванович, – вчера получил одно, сегодня другое. Печально, что причиняю Вам столько хлопот, да что поделаешь... Разумеется, это было бы хорошо, если бы Солдатенков согласился издать мою книгу. Только устроится ли это? Сказать правду, мне что-то не верится нынче ни во что, слишком «укатали сивку крутые горки». Относительно же 5-й книжки «Слова» и того, что в ней была помещена моя статья, и особенно того, что мне за нее было заплачено, я положительно слышу в первый раз в жизни. Должно быть, какой-нибудь мазурик взял деньги, да положил себе в карман, как это несколько раз случалось еще в «Слове». Конечно, я не имею претензии получать деньги за невышедшие в свет статьи, но не дурно ли навести справку о том, комугодились эти деньги, если точно они были мне назначены. – Не возьмется ли Юрьев поместить у себя тоже несколько глав моей книги по собственному его выбору, все равно, устроится ли или нет (Л. 12 об.) дело с Солдатёнковым. Относительно названия предоставляю свободный выбор и даже, кажется, так будет более подходить к содержанию, как Вы пишете, – «Очерки экономической культуры у первобытных народов» – или еще проще: «Очерки первобытной экономической культуры»³⁵. Вот только и корректирую, чтобы не вышло затруднений. Корректуру Рикардо делал я сам, и, кажется, не задерживал этим издания.

Иван Иванович, если увидите случайно Гольцева, то будьте добры напомните ему его обещание выслать мне в «скором времени» сколько-нибудь денег, так как сие скорое время уже прошло. Не могу... о деньгах, но что Вы поделаете с росиянами-редакторами, которые берут у Вас статьи и полтора года их не печатают. По-моему, лучше бросать их в воду или оклеивать ими окна. Пока у нас не будет заведено элементарной честности в обращении с сотрудниками, до тех пор не дожидаться нам порядочной литературы.

Ну, до свидания, приветы от нас обоих Екатерине Николаевне. Ваш Н. Зибер.

³⁵ Теперь понятно, почему Зибер не обсуждает сам термин «экономическая культура», поскольку И.И. Янжул предложил его уже после написания книги Н.И. Зибером.

Л. 14

Берн
18 11/III 82

Всего два часа, как получил Ваше последнее письмо, дорогой Иван Иванович, и уже добыл себе свидетельство на доверенности, каковую при сем и посылаю. Кроме того, отдельно посылаю под бандеролью последние три главы своей работы, исправленные и дополненные новым материалом. Относительно остальных глав сейчас же пишу Екатерине Олимповне, чтобы взяла их у Антоновича и выслала бы под бандеролью на Ваше имя. Можно бы и прямо самого Антоновича попросить, но в жизни бывает прямая линия не самая короткая.

Ну спасибо Вам, большое спасибо с Александром Ивановичем, что устроили сие предприятие. Теперь мне начинает уже вериться, что (Л. 14 об.) моя двухлетняя работа увидит хоть кусочек света. Боюсь только, что причинил Вам немалые расходы, каковые с удовольствием уплачу, если Вы только не будете по-всегдашнему в претензии. Кроме того, и возню взвалил на Вас чрезвычайную, да что уже тут поделаешь!

Теперь вот еще два-три мелкие вопросы: не будет ли слишком высока цена, если ее назначит сам издатель? Впрочем, это касается его больше, чем меня. Далее, нельзя ли выговорить несколько экземпляров для рассылки от автора, или как там делается вообще?

Мне немножко..., что я не просмотрю еще раз первые семь глав, хотя в них я тогда ничего бы не мог бы прибавить. Но в последние три я вставил много нового и многое в них переделал. Заглавие пусть будет: «Очерки первобытной экономической культуры» – это не только уступка Солдатёнкову, но и мне самому подобное заглавие кажется более скромным и потому более верным. (Л. 15)

Корректуру боюсь Вас беспокоить даже последнюю, но важно иметь хорошего корректора, без которого далеко не уедешь.

В прошлом письме я просил Вас, Иван Иванович, напомнить обо мне Гольцеву, но, каюсь, в тот же день получил от него деньги, т.е. от редакции Юр. Вестника, так что устыдился, что просил Вас об этом.

Ну, до свиданья, наш привет Вам обоим и Александру Ивановичу.

Еще раз искренне благодарящий Вас
Н. Зиберъ

2. Письмо Н. И. Зибера А. И. Чупрову
(ЦГАМ, Ф. 2244, Оп. 1, ед. хр. 1551/2, Л. 1–2.)

Берн
Inkerngasse, 8
5 февраля 1883
24 января

Дорогой Александр Иванович!

Простите великодушно, что беспокою Вас частыми просьбами, зная в то же время, что у Вас нет ни минуты свободной. В настоящую минуту моя просьба к Вам состоит в том, чтобы Вы были так добры, уведомили меня, почему уже почти целый месяц прекратилась высылка корректур. И как нарочно до Нов. года присылали буквально в неделю раз, а тут вдруг почему-то ни разу. Вообще тяжело вести дела с нашими типографиями, журналами и т. под., которые отрицают за автором всякие человеческие права. Вот, напр., мой Рикардо печатался три года, год после того без всякой надобности лежал готовый, а теперь я от чужих людей узнаю, что он уже месяца три, как вышел в свет. После этого пишу Антоновичу, чтобы он прислал ко мне

несколько экземпляров и сообщил мне, какой контроль находится в моих руках, чтобы следить за продажей книги. Получил ответ без всякого содержания, кроме обещания выслать несколько экземпляров, исполнения которого я жду до сего дня. А между тем я несомненно имею право на десятка два экземпляров и давно уже жажду послать Вам, Янжулу, Каблукову, Михайловскому, Ковалевскому и другим, но решительно не имею способа сделать это, так как даже разговаривать с этими людьми все равно что бить горохом об стену, а не то что добиться от них исполнения какой-нибудь элементарной обязанности всякого порядочного человека. Слово какое-то полное разложение всяких нравственных понятий. Быть может, Вы, дорогой Александр Иванович, сами возьмете на себя труд потребовать моим именем известное число экземпляров и распределите их между собою. Знаю, что это не особенная любезность с моей стороны, но я совершенно беспомощен со всеми ими и даже, представьте, не знаю до сих, в каком книжном магазине находится склад сочинений Рикардо! То же самое и с журналами, куда посылаешь статью, и месяца через три получаешь известие, что, к крайнему сожалению, она напечатана быть не может, потому ли, что слишком специальна, или потому, что уже есть такая же статья другого автора. Потом начинается печальнейшее путешествие статьи из журнала в журнал, причем в каждом она рассматривается два-три месяца, и ни один из 22 редакторов не утомит себя вопросом: да что же в это время автор изволит кушать? Кажется, не было б характера и уверенности в собственных силах, так никогда бы не взялся за перо. Только и помогает что юмор, представляющий в комическом виде суждения людей, весьма мало смыслящих в деле и в то же время имеющих силу судить и вершить дела. Поистине, положение у нас писателя, не лишенного известности и кое-каких знаний и способностей, хуже положения всякого поделщика, который все-таки знает вперед, когда получит свою заработную плату. Такого жалкого невнимания к интересам сотрудников, такого полнейшего равнодушия к их судьбе, такого истребления их способностей, как в настоящее время господствует в русской литературе, нельзя представить себе даже и во сне. И еще смеют жаловаться на пустоту литературы, не доставляя литератору человеческого существования. Прости, дорогой Александр Иванович, что высказываю Вам столько жалоб, которые, быть может, Вам вовсе не интересны, но уже очень накопилось на душе. – Переходя еще раз к корректурам, замечу, что дальнейшее откладывание их высылки тем скучнее, что теперь уже остались самые пустяки, – вероятно, не более каких-нибудь пяти-шести корректур.

Шлем Вам и Ольге Егоровне искренний привет.
Ваш Н. Зибер

3. Доверенность Н.И. Зибер А.И. Чупрову (1882) на издание книги «Очерки первобытной экономической культуры» и письмо А.И. Чупрова издателю К.Т. Солдатенкову

Центральный Государственный архив г. Москвы (ЦГАМ), Ф. 2244, Оп. 1, Д. 3070
Л.3

Доверенность
Милостивый Государь
Александр Иванович!

Желая передать принадлежащая мне в качестве автора сочинения «Очерки первобытной экономической культуры» права на первое издание и повсеместную продажу такового господину Солдатенкову на условиях, какие Вы признаете наиболее соответствующими моим интересам, сим уполномочиваю Вас по означенному предмету заключить договор с господином Солдатенковым и совершить его установленным порядком, при чем можете включить в договор и условие о неустойке и сделать расчет

с господином Солдатенковым, получать от него деньги для доставления мне и вообще совершать все действия для окончания настоящего моего поручения, по Вашему усмотрению. Во всем вышеописанном я Вам верю, и что Вы по сему учините, впредь спорить и прекословить не буду.

Бывший доцент Университета Св. Владимира
Николай Зибер (подпись)

Г. Берн
1882 г. 11 марта
27 февраля

Сия доверенность принадлежит профессору Московского Университета Александру Ивановичу Чупрову

№ 83. Пошлина 4 фр. –
Явлена в Императорской
Миссии в Швейцарии для
Удостоверения подписи бывшего
доцента Университета Св. Владимира
Николая Зибера. Берн 27 февраля 1882 г.
11 марта

Старший секретарь [подпись, К. Зыбина, печать Росс. Импер. миссии в Швейцарии]

Л. 5

Москва 12 марта 1882 года

Милостивый Государь
Козьма Терентьевич!

В силу доверенности, полученной мною от бывшего доцента Университета Св. Владимира Николая Ивановича Зибера, и на основании словесного с Вами соглашения, я имею честь передать Вам право литературной собственности на первое издание написанного г. Зибером сочинения «Очерки первобытной экономической культуры» на следующих условиях: 1. Сочинение печатается Вами в количестве 1200 экземпляров, причем выбор шрифта и бумаги, равно как назначение (Л. 5 об.) продажной цены предоставляется вполне на Ваше усмотрение. 2. Наблюдение за печатанием и корректурами, равно как сношения с автором по этим предметам возлагается на мою обязанность. 3. Напечатанные экземпляры сочинения остаются в полном Вашем распоряжении; от Вас зависит назначение порядка их продажи и распространения. 4. В вознаграждение автора Вы благоволите, по отпечатании каждых пяти листов, выдавать мне, для пересылки г. Зиберу по семидесяти пяти рублей за печатный лист.

С совершенным почтением и искреннею преданностью имею честь быть
Вашим покорным слугою А. Чупров, Профессор Московского Университета
...Верно Коммерции Советник
Козьма Солдатенков

14 марта 1882 г.

Л. 6.

6 апреля 1882 г.	получено	300 р. А Чупров
21 октября 1882 г.	получено	200 р. А Чупров
14 ноября 1882 г.	получено	250 р. А Чупров
25 мая 1883 г.	получено	600 р. А Чупров

Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н.И. Зиберы против маржинализма до его триумфа

Александр Анатольевич Погребняк

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.pogrebnyak@spbu.ru

Цитирование: Погребняк, А. А. (2020). Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н.И. Зиберы против маржинализма до его триумфа // *Terra Economicus*, 18(3), 108–124. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-108-124

В статье предлагается анализ критических аргументов, высказанных Н.И. Зибером в адрес концепции ценности, которая принимается экономистами субъективной школы. Эти критические аргументы Зибер высказал еще в своей диссертации, опубликованной в 1871 году. Однако они сохраняют свою силу и для маржинализма, принципы которого в основном продолжают линию субъективной школы (в числе авторов, которых цитирует Зибер, был и Леон Вальрас). В анализе позиции Зиберы принята во внимание не только логика, но и риторика его аргументации, что позволяет выявить более широкий контекст, в рамках которого эта позиция сохраняет свой актуальный характер. Взгляды сторонников субъективной школы Зибер критикует с позиций классической школы. Последняя в роли основания для формирования ценности рассматривает среднее, типическое состояние хозяйственной жизни, в то время как первая базируется на рассмотрении изолированного, исключительного момента – т.е. момента, когда имеет место радикальное изменение параметров экономической деятельности. Для описания этого «исключительного момента» Зибер использует целый ряд метафорических образов, таких, например, как осадное положение, угроза жизни и здоровью, положение переселенцев и т.п. Использование Зибером этих образов позволяет нам сравнить его аргументы с рядом важнейших положений политических теоретиков XX столетия (К. Шмитт, В. Бенджамин, М. Фуко, Дж. Агамбен), связанных с такими понятиями, как «суверенитет», «чрезвычайное положение», «голая жизнь». В результате точка зрения Зиберы может быть рассмотрена как предвосхищение современной критики неолиберализма – идеологии, в рамках которой маржиналистское понимание экономики используется как важнейший ресурс для формирования биополитической парадигмы управления жизнью людей.

Ключевые слова: Зибер; маржинализм; классическая школа; субъективная школа; ценность; чрезвычайное положение; суверенитет; марксизм

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутреннего гранта СПбГУ «Марксизм до марксизма: социально-экономическое и эпистолярное наследие Н.И. Зибер» (ID 53363115).

Exception and Rule. Political and economic arguments of N.I. Sieber against Marginalism before its triumph

Aleksandr A. Pogrebnyak

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: a.pogrebnyak@spbu.ru

Citation: Pogrebnyak, A. A. (2020). Exception and Rule. Political and economic arguments of N.I. Sieber against Marginalism before its triumph. *Terra Economicus*, 18(3), 108–124. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-108-124

The article proposes an analysis of the critical arguments expressed by N.I. Sieber regarding the concept of value, which is accepted by economists of the subjective school. Sieber made these critical arguments in his dissertation, published in 1871. However, they remain valid for Marginalism, the principles of which basically continue the line of the subjective school (Leon Walras was among the authors cited by Sieber). In the analysis of Sieber's position, not only logic was taken into account, but also the rhetoric of his argumentation, which makes it possible to identify a broader context within which this position remains relevant. Sieber criticizes the views of economists of the subjective school from the standpoint of the classical school. The latter, as the basis for the constitution of value, considers the average, typical state of economic life, while the former is based on the consideration of an isolated, exceptional moment – that is, the moment when a radical change in the parameters of economic activity takes place. To describe this «exceptional moment», Sieber uses a number of metaphorical images, such as state of siege, threats to life and health, the situation of immigrants, etc. Sieber's use of these images allows us to compare his arguments with a number of the most important positions of political theorists of the 20th century (K. Schmitt, W. Benjamin, M. Foucault, G. Agamben) associated with such concepts as «sovereignty», «state of exception», «bare life». As a result, Sieber's perspective can be viewed as an anticipation of the modern criticism of neoliberalism – an ideology in which the marginalist understanding of the economy is used as an essential resource for the formation of a biopolitical paradigm for managing people's lives.

Keywords: Sieber; marginalism; classical school; subjective school; value; state of exception; sovereignty; Marxism

Acknowledgement: The article was written with the support of an internal grant from St. Petersburg State University, «Marxism before Marxism: the socio-economic and epistolary heritage of Nikolaj Sieber» (ID 53363115).

JEL codes: B12, B14, B31

Введение

Имя Н.И. Зибер знакомо сегодня лишь узкому кругу специалистов по истории экономической мысли. Но интерес к истории идей не может быть исключительно антикварным – ценность идей, в каком бы далеком прошлом они впервые ни были высказаны, состоит в том, чтобы указывать на те развилки исторического пути, где их содержание не было по тем или иным причинам актуализировано и было отложено до будущих времен. Вот почему в обращении к интеллектуальному наследию прошлого необходимо, по известному выражению В. Бенямина, «чесать историю против шерсти» – взламывать наше привычное представление о времени как о некоем однородном континууме и осуществлять в его обход прямую коммуникацию запросов прошлого и той способности на эти запросы отвечать, которая возникает, возможно, впервые именно сегодня. Такой метод может быть назван *критической герменевтикой*: смысл прошлого может быть «разгерметизирован» только в моменты кризиса, переживаемого в настоящем.

Заголовок данной статьи отсылает к названию выдающейся книги А.О. Хиршмана «Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа» (Хиршман, 2012). Мотивировано это тем, что Зибер в своей диссертации «Теория ценности и капитала Давида Рикардо» (Зибер, 1871) не просто излагает постулаты так называемой классической школы, но защищает эти постулаты посредством критики концепций, которые он относит к «субъективной школе» (Бастия, Маклеод, Шторх, Рошер, Вальрас и др.) и которые предлагают прямо противоположный способ трактовать природу экономической ценности – не возводить ее к затратам труда как к некоей объективно существующей общественной субстанции, но сводить к субъективной оценке полезности блага, выдвинутой тем или иным индивидом: *«У немецких писателей (а также у большинства французских, вслед за Сэем) полезность – родовое свойство, ценность – видовое. Та и другая основаны, вытекают, составляют результат человеческого суждения, оценки. Отсюда определения в роде: степень полезности, косвенная полезность, значение для сознания»* (Зибер, 1871: 11).

Что же касается *триумфа* маржинализма, то здесь имеется в виду так называемая маржиналистская революция, которую принято датировать 1874 годом и которая открывает эпоху победного шествия этой методологической и мировоззренческой парадигмы, в дальнейшем образующей фундамент как «основного направления» экономической теории, так и – спустя столетие! – неолиберального курса экономической политики, реализующей гегемонию капитала в наши дни. Однако это вовсе не означает, что аксиоматика маржинализма возникает с нуля в этот «триумфальный» момент его истории – напротив, большая часть положений данной доктрины уже была высказана и обоснована в более ранних работах, содержание которых как раз и обобщается Зибером под рубрикой «субъективной школы». В подтверждение этого можно привести замечание В.С. Автономова о том, что сам термин «революция» по праву приложим далеко не ко всем основоположникам маржиналистской доктрины: *«...Что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж.С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не ускользала от внимания исследователей, в частности отца Леона Вальраса – Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась»* (Автономов, 2015: 59–60).

Стоит напомнить, что диссертация Зибер была опубликована в 1871 году в Киеве, т.е. за несколько лет до пресловутой «революции». При этом в числе цитируемых и критически анализируемых авторов мы встречаем как раз одного из главных будущих революционеров – Леона Вальраса, на тот момент еще не создавшего свои «Элементы политической экономии».

Прежде чем перейти к изложению главного аргумента Зибер против субъективной теории стоимости, нужно сделать одно замечание методологического характера. Ни в коем случае нельзя забывать, что теория ценности связывает экономическую науку с об-

ластью социальных наук в целом и, таким образом, необходимо имеет дело с философско-онтологической проблематикой – с вопросом об отношении науки к *реальности* ее предмета. Если мы говорим именно о *теории* ценности (стоимости), то речь должна идти о понимании тех условий, которые необходимо соблюдать для того, чтобы данное конкретное понятие (например, выработанное в рамках «субъективной школы») было пригодным для схватывания *действительного* положения вещей. И здесь нужно вспомнить высокую оценку, данную работе Зибер Марксом. Дело в том, что именно Маркс определил свою собственную задачу в качестве *критики* политической экономии, т.е. сделал предметом своего анализа характеристики той конкретно-исторической ситуации (а именно капиталистического способа производства), в рамках которой основные положения существующей экономической науки могут по праву претендовать на адекватность действительному положению дел. Осмысляя сегодня позицию Зибер, мы должны поэтому учитывать принципиальную *историчность* социальной реальности, включая все базовые характеристики экономических отношений, – а значит, видеть эти характеристики не только как позитивные определения, но и как источник и в то же время предмет преобразований (в том числе политических). Нельзя забывать, что теория стоимости, выработанная самим Марксом, заключается вовсе не в том, чтобы противопоставлять «труд вообще» «полезности вообще», но в том, чтобы рассматривать их отношение на основе исторически сложившейся *формы* экономической жизни, а именно – товарно-денежного хозяйства. Именно это «историческое чувство» при рассмотрении абстрактных экономических законов и привлекало Зибер в мысли Маркса (Allisson et al., 2020: 301–304).

Исходить из исторической обусловленности как самой теории, так и ее объекта означает, таким образом, две вещи: во-первых, понимать, что исследуемая реальность не есть нечто вневременное, что ее процессы имеют характер взаимодействия различных тенденций – прогрессивных и регрессивных, отсылающих как к прошлому, так и к будущему; во-вторых, те категории, с помощью которых реальность постигается, также исторически нагружены – как своей генеалогией (например, своими теологическими корнями), так и своей проективностью (включая утопические притязания конструировать некое должное состояние социальной системы).

Итак, гипотеза, на которой основывается последующий ход размышлений, состоит в следующем: в своей критике теории ценности субъективной школы Зибер высказал ряд положений, исключительно важных для понимания специфики того комплекса экономических, политических и социокультурных процессов, который характерен для развития капитализма *вплоть до сегодняшнего его состояния*. Можно даже сказать, что Зибер предвосхитил некоторые концепции, которые сформировались только в XX веке и которые во многом определяют актуальную повестку дня. Но для того чтобы суметь зафиксировать эти предвосхищения, следует удерживать в поле внимания не только логику, но и риторику его текста: контекст, фигуры речи, метафоры, примеры, которые использует Зибер, крайне существенны по той простой причине, что ключевые понятия экономической науки (как, впрочем, и прочих социальных наук) имеют помимо эксплицитного, сознательного уровня своих значений еще и имплицитный, «бессознательный», обыкновенно не принимаемый в расчет теми, кто лишь применяет эти понятия в качестве однозначно определенных в своем назначении инструментов¹. Конstellация такого рода образов должна позволить увидеть в реальности то,

¹ Этот уровень, вслед за Джорджо Агамбен, может быть определен с помощью термина *сигнатура*: так называется эффект смещения и переноса понятий и знаков из одной сферы в другую (например – из сакральной в светскую), при которых не происходит их семантического переосмысления (см.: Агамбен, 2018: 19). Так, «редкость» в качестве экономического понятия, на котором строится концепция стоимости субъективной школы, самими экономистами обыкновенно рассматривается как естественное свойство хозяйственных благ, как некий факт природы. Но с точки зрения герменевтики редкость может быть рассмотрена в качестве «сигнатуры» в том смысле, что она отсылает к христианской политико-теологической парадигме экономики как доктрины личного спасения с акцентом на том, что в «предприятии» спасения значение имеет *каждый* момент как, возможно, последний («Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное» (Мф., 4:17)) – иными словами, «запас времени» имеет ограниченный характер. Дело, конечно, не в том, что редкости нет в природе вещей, но в том, что природные свойства культурно опосредованы, всегда уже определенным образом истолкованы – благодаря чему только и становится возможной *универсализация* того или иного представления.

что обыкновенно не схватывается взглядом специалиста, наивно рассматривающего допущения, принятые в его области исследования, как однозначные характеристики реального положения вещей; риторика в этом смысле указывает на тот зазор между понятием и реальностью, выявляя который, мы постигаем конкретно-исторические ограничения, наложенные на концептуальный аппарат той или иной доктрины.

Аргументация Зибер

Чем примечательна аргументация, используемая Зибером в его критике субъективной теории ценности?

Исходным пунктом для Зиберы служит принципиальное различие между теми основаниями, на которых строится анализ ценности сторонников «классической» и «субъективной» школ: если в первом случае в качестве основы берется большой временной промежуток, благодаря чему внимание сосредоточивается на усредненном, типическом состоянии хозяйственной жизни, то во втором, наоборот, обращают внимание лишь на тот момент, в который происходит радикальное изменение или нарушение обычной ситуации; говоря проще, за основу в первом случае берется некое установившееся правило, во втором – исключение из него. Таков, в частности, знаменитый пример с находкой алмаза, который часто используется для иллюстрации факта высокой ценности блага при нулевых затратах труда на его производство. По его поводу Зибер замечает, что перед нами именно исключение, на основе которого нельзя делать общего вывода: «*Вообще алмазов не собирают на площадях и улицах, а ищут и тратят на это долговременный и усиленный труд*» (Зибер, 1871: 135).

Теоретическое предпочтение, которое отдается исключительному моменту, как раз и позволяет рассматривать ценность хозяйственных благ в качестве базирующейся на принципе предельной полезности; и наоборот, как утверждает Зибер, только для такого рода исключений данный принцип может применяться по праву, адекватно выражая реакцию субъекта на те уникальные обстоятельства, которыми оказалась обусловлена его хозяйственная активность:

«Ясно, что нельзя, напр., сказать – дрова полезнее хлеба, – если разуместь под этой сравнительно большею полезностью *постоянное* или *среднее* отношение дров к хлебу, со стороны значения их для удовлетворения потребностей. Приведенное выражение может относиться единственно к тому *моменту*, когда человеческому организму необходима теплота *более*, нежели хлеб. Классифицируя предметы по мере настоятельности потребностей, мы найдем следующий, приблизительно, динамический ряд: человек умирает *сначала* без пищи, *потом* без крова, *потом* без нагретого воздуха и т.д., закон ряда – убывающая настоятельность или опасность, сначала для жизни, затем для здоровья всего организма, затем частей его, сначала навсегда, затем на время, сначала на более, затем на менее продолжительные его периоды. Так можно дойти и до булавки, отсутствие которой, при известных требованиях наряда, причиняет простуду, катарр горла, наконец, просто недовольство. Само собою разумеется, что в эту классификацию не входят фиктивные, болезненные потребности, потому что речь идет о среднем, здоровом организме. Перед нами случай постепенного вымирания организма, систематически лишаемого необходимых для поддержания его внешних предметов» (Зибер, 1871: 30–31).

Как уже было сказано, имеет смысл внимательно присматриваться не только к логике этого аргумента, но и к его риторике – к той системе образов, метафор, сравнений, которая используется ученым для более убедительного изображения ситуации. Образы эти употреблены отнюдь не для «красного словца», но для соотнесения анализируемого принципа с реальными характеристиками той ситуации, в рамках которой этот принцип может оказаться воплощенным в жизнь. Такая ситуация фактически, конечно же, *может* иметь место, но сторонники субъективной школы из перио-

дически возможной превращают ее в постоянно необходимую: на основе единичных случаев конструируется «исключительный момент» как некая общая характеристика экономического времени как такового. Иначе говоря, исключение становится здесь парадигмой правила. Зибер настойчиво подчеркивает, что понимание ценности сторонниками «субъективной школы» базируется как раз на подобной специальной конструкции, где в качестве специфической характеристики для времени хозяйственной жизни предлагается использовать *момент смертельной опасности*. Итак, дело вовсе не в том, что в основе выбора того или другого предмета лежит количественная оценка его обыкновенной полезности, но в том, что мы реализуем наш выбор так, *как если бы* мы во всякий момент нашей жизни находились в ситуации смертельной опасности; так, *как если бы* в данную минуту мы абсолютно не могли бы обойтись без этих конкретных предметов под страхом смерти или опасности для здоровья (или, как хочется добавить сегодня, в эпоху одержимости обеспечением безопасности на всех уровнях существования, – под страхом некой неопределенной опасности, «опасности вообще»): «Выбор того или другого предмета в рассматриваемом случае основывается не на том, что один из них содержит более единиц удовлетворяющего потребности вещества, а единственно на том, что обойтись без одного из них в *данную*, вырванную из ряда, минуту абсолютно невозможно, под *страхом* смерти, опасности для здоровья» (Зибер, 1871: 31).

Таким образом, там, где представители критикуемой школы видят функцию человеческой субъективности *как таковой*, там Зибер указывает на *специфическую интерпретацию* этой субъективности, на выделение одного из возможных аспектов нашего отношения к миру; там, где ученые претендуют просто исходить из фактов, там Зибер словно бы указывает на то специфическое настроение (что-то типа экзистенциальной тревоги), которое предопределяет картину мира этих ученых на ее дотеоретическом уровне.

Однако, с позиции Зибера, выводы, сделанные на основе такой изоляции «опасного момента», ни в коем случае нельзя генерализировать – ведь если бы такая ситуация повторялась непрерывно в течение продолжительного времени, то ситуация в экономике была бы подобной осадному положению: «Такое предпочтение (сравнительно более настоящего менее настоящему. – А.П.), если бы оно повторялось непрерывно в течение продолжительного времени, оказало бы на всю экономическую деятельность то же действие, какое оказывает осада на снабжение пищею жителей и гарнизона крепости» (Зибер, 1871: 33).

Здесь важно подчеркнуть, что сам Зибер видит в подобном рассуждении прежде всего ошибку, которую допустили представители «субъективной школы». С его точки зрения, моменту исключительному, в рамках которого только и действует принцип «сравнительной настоятельности потребностей», необходимо противопоставить *средний момент* экономической жизни, когда «булавка, гребень, ножницы находятся совершенно в такой же степени на своем месте, как и дрова, уголь, хлеб, а потому все попытки построить на принципе настоятельности статическую классификацию вещей ни к чему не могут привести» (Зибер, 1871: 30). Единственное, от чего зависит стоимость, рассмотренная в такого рода средних, типичных обстоятельствах, – это затраты труда, необходимые для производства перечисленных предметов: «...Мы должны придти к заключению, что равенство значения (т.е. субъективных оценок полезности. – А.П.) обмениваемых предметов отнюдь не указывает еще на равенство пожертвований (т.е. затрат труда. – А.П.), а между тем только уверенность, что, при данных средних технических условиях производства, известный продукт не может быть добыт дешевле, решает в каждом данном случае вопрос о размере, в каком должны быть обменены продукты. Поэтому только труд, потраченный на производство того и другого предмета, может служить элементом, подлежащим сравнению. Только сравнение между количествами труда может объяснить, во-первых, постоянство отношений между обмениваемыми продуктами, во-вторых, сравнительно низкую

оценку вещей, удовлетворяющих таким потребностям, какова, напр., потребность в хлебе» (Зибер, 1871: 45–46).

Представляется, однако, что дело не исчерпывается тем, что обнаруженная в теоретических построениях субъективной школы ошибка попросту должна быть исправлена на основе постулатов классической школы, выражающих истинное положение дел; аргумент Зибера сегодня должен быть дополнен, и та *форма*, в которой являет себя эта «ошибка», заслуживает того, чтобы к ней присмотреться внимательнее. Похоже, что именно на этой форме строится та идеология, которая обеспечивает функционирование современного политико-экономического устройства². Иначе говоря, «ошибка» субъективной школы носит *проективный* характер: исключения имеют характер учреждения новых правил, которые надстраиваются над старыми, подчиняя их своей гегемонии.

Интерпретация аргументов Зибера в свете теории чрезвычайного положения

Образ осажденной крепости, который Зибер использовал для того, чтобы выявить специфику экономической картины мира, конструируемой теоретиками субъективной школы, заслуживает более пристального внимания. Как показал в наши дни Дж. Агамбен, как раз ситуация осадного положения в истории государственного права послужила парадигмой для законов о так называемом чрезвычайном положении, играющих фундаментальную роль в учреждении современных политических порядков; именно чрезвычайное положение играет роль главного принципа общепринятых сегодня техник управления жизнью людей, и управление экономикой здесь не представляет исключения – в подтверждение Агамбен цитирует речь Франклина Д. Рузвельта, требовавшего в период Великой депрессии у конгресса «широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией (*to wage war against the emergency*), столь же неограниченных, как те полномочия, которые были бы ему даны в случае реального вторжения иноземного врага» (Агамбен, 2011а: 39). Понятно, что лишь в теории право, политика и экономика полагаются в качестве обособленных сфер, в реальности же они образуют узел, развязать который в принципе невозможно без того, чтобы не поставить под вопрос общественное устройство в целом. По этой причине имеет смысл вслед за Фуко и Агамбеном анализировать управление жизнью людей в качестве единого *диспозитива*, т.е. некоего «гетерогенного комплекса, объединяющего в себе дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения и тому подобное с целью *давать ответ на чрезвычайную ситуацию*» (Агамбен, 2012: 14).

Основоположником политико-правовой теории чрезвычайного положения является немецкий теоретик права и политический философ Карл Шмитт, согласно учению которого именно в принятии решения о введении такого положения заключается политическая функция, придающая властителю статус суверена (Шмитт, 2000: 15). Смысл необходимости данного решения объясняется Шмиттом следующим образом: для того чтобы в рамках общественной жизни могло применяться право, сама эта жизнь долж-

² С марксистской точки зрения, идеология – не всего лишь видимость, которую нужно просто отбросить, но конститутивный момент самой реальности, ее *форма*. «...Нужно с предельным вниманием, – предупреждает нас сегодня С. Жижек, – относиться к разрыву, который отделяет Маркса от Рикардо и его левых последователей, которые уже совершили переход от видимости к сущности, т.е. от зачарованности областью обмена к пространству производства как его тайному ядру; Маркс же движется в обратном направлении, назад к тайне самой формы. Основная ловушка состоит не в ослеплении формой, а в сведении формы к “просто форме”, т.е. упущении того, что тайная сущность НУЖДАЕТСЯ в этой форме, что *существенна* сама форма» (Жижек, 2008: 417–418). Зиберу неоднократно ставили в упрек то, что он недооценивает различие концепций стоимости Рикардо и Маркса (Резуль, 1931: 167–174), видит между ними скорее переход, нежели наличие разрыва. Возможно, именно поэтому Зибер не столь отчетливо акцентирует тот момент (безусловно, осознавая его!), что труд в качестве «субстанции стоимости» *всегда уже* опосредован «формой проявления» в качестве того существенного отношения, которое характерно именно для капиталистического способа производства.

на быть упорядочена, нормализована – ведь «не существует нормы, которая была бы применима к хаосу» (Шмитт, 2000: 26); а поскольку это так, постольку гарантировать возможность применения права способен лишь тот, кто определяет границу, отделяющую пространство номоса от «аномии». Но, чтобы такая гарантия была возможна, сам гарант, очевидно, должен пребывать по ту сторону данной границы (именно в этом смысле суверен является аналогом Бога в мирском порядке). Таким образом, возникает парадокс, когда действие права гарантируется лишь наличием неких исключительных полномочий, т.е., по сути, права на приостановку права; или, говоря более обобщенно, само правило базируется на исключении: *«Исключение интереснее нормального случая. Последний ничего не доказывает, а исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило; само правило живет только исключением...»* (Шмитт, 2000: 29).

Но что конкретно оказывается в этой «зоне чрезвычайного положения», что (или кто) именно исключается в качестве носителя «аномичного» существования, социального хаоса? Отвечая на этот вопрос, мы не должны забывать, что речь идет о парадоксе «включенного исключения», т.е. всегда есть возможность того, что исключенное здесь *специально производится* для того, чтобы было возможным учредить суверенное управление³. Критико-герменевтическое прочтение концепции Шмитта, предпринятое Агамбенем, показывает, что в качестве подобного «хаоса» представляется на самом деле отнюдь не жизнь, лишенная какой-то разумной формы, но, наоборот, жизнь, которая *неотделима* от своей формы. Таким образом, на месте этого изначального единства жизни и ее внутренней формы (в связи с которой можно говорить о достоинстве, манере, этосе и т.п.) учреждение суверенной власти производит феномен *голой жизни*, т.е. конституирует жизнь, абстрагированную от своей сущностной формы и потому нуждающуюся в каком-то внешнем упорядочивании: правовом регулировании, полицейском надзоре, социальном обеспечении, воспитательном формировании, медицинской нормализации и т.п. Иначе говоря, в основе управленческих техник, базирующихся на модели чрезвычайного положения, лежит тенденция отделения жизни как чисто биологического процесса от тех ее форм, которые придают ей такие подлинно человеческие измерения, как смысл и достоинство; именно благодаря подобному отделению жизнь превращается в ресурс для деятельности различных предприятий, каждое из которых обладает теми или иными суверенными полномочиями, выступая, таким образом, подобием государства или даже «государством в государстве». В этом месте своего рассуждения Агамбен восполняет логические аргументы Шмитта генеалогическими исследованиями Фуко, в соответствии с которыми суверенная власть в современном мире связана уже не столько с правом отбирать жизнь, сколько с функцией эту жизнь производить и воспроизводить в определенном режиме – появление таких категорий, как «население», «трудовые ресурсы», «человеческий капитал», подтверждает это (Агамбен, 2011а: 155–156). Таким образом, политика становится биополитикой, а чрезвычайное положение оказывается не исключением, а правилом (или, точнее, – исключением как правилом).

Именно в этом пункте следует вернуться к критике позиций сторонников субъективной школы, которую развил Зибер. С его точки зрения, принцип оценки на основании субъективной полезности действителен лишь для исключительных моментов, что же касается моментов, характеризующих нормальное, среднее течение хозяйственной жизни, то здесь ценность благ определяется объективно, на основе затрат обществен-

³ А.В. Ахутин в своей переписке с переводчиком и комментатором К. Шмитта А.Ф. Филипповым выражает это в форме тезиса о том, что если в логике обратимость импликации запрещается, то в политике этому ничто не мешает: «Если чрезвычайная ситуация всеобщей мобилизации для защиты бытия политического индивида (государство, народ) или конституционного строя (от внутренних врагов) требует экстраординарных полномочий Суверена, например ЧК, то эти полномочия очень удобны, чтобы сохранить свое сверхзаконное положение в частных (корпоративных) интересах, создавая или выдумывая чрезвычайное положение, врагов вне и внутри и т.д.» (Ахутин, Филиппов, 2013: 35).

но необходимого труда. Но в каком именно смысле следует трактовать *нормальность* этого положения – как нечто, соответствующее некой неизменной природе вещей, или же как то, что характерно для определенной исторической ситуации, а значит, произведено людьми в процессе их общественного развития и, следовательно, в дальнейшем может быть преобразовано? Представляется, что позиция Зибера по этому вопросу должна быть уточнена на основании той же интерпретации, которую он сам использовал в своей критике постулатов субъективной школы. Все дело в том, что «субъективное» и «объективное» следует рассматривать не столько в качестве характеристик экономики как таковой, но ее конкретно-исторической формации, т.е. в данном случае капиталистического способа производства, который сам находится в процессе своего движения (в противном случае мы рискуем совершить регресс к рассмотрению экономики на уровне некой абстракции, носящей к тому же идеологический характер). Иначе говоря, такие категории, как, например, труд и полезность в их конкретной определенности, не даны нам как таковые непосредственно, но лишь как моменты, обусловленные характером способа производства. И если верно, что капитализм (читай: современная экономика) осуществляет управление хозяйственной деятельностью в режиме «чрезвычайного положения, ставшего правилом», то это означает, что как *объективность труда*, так и *субъективность полезности* не являются какими-то естественными качествами, но производятся в качестве таковых. Именно поэтому проект критики политической экономии, разработанный Марксом, должен быть способным показать, что труд и полезность при капитализме представляют собой две соотнесенные друг с другом *реальные абстракции*⁴ в той мере, в какой оба они предполагают редукцию человеческого существования к «голой жизни» – т.е. к жизни трудящегося, вынужденного «производительно» реализовывать свою рабочую силу, и жизни потребителя, вынужденного «рационально» реализовывать свою покупательную способность (причем в обоих случаях эта вынужденность маскируется фикцией их «собственного» суверенного решения). Сам Маркс показал это в своем анализе воспроизводства и первоначального накопления на примере того, как рабочий на всем протяжении капиталистического процесса непрерывно отделяется от средств производства, благодаря чему он вновь и вновь должен не только продавать свою

⁴ Как отметил Г. Лукач, теория предельной полезности вовсе не преодолевает абстрактно-формалистический анализ, характерный для классической школы (но не для Маркса!), противопоставляя ему примат субъективного фактора, поскольку конкретная материя хозяйственной жизни все равно остается за границей метода, используемого в этой теории: «Акт обмена в его формальной всеобщности, который как раз и остается фундаментальным фактом для “теории предельной полезности”, также ликвидирует потребительную стоимость как потребительную стоимость, также создает то отношение абстрактного равенства конкретно не равных, даже несравнимых материй, откуда возникает указанная граница. Таким образом, субъект обмена столь же абстрактен, формален и овеществлен, как его объект»; эта формальная абстракция как первый и конечный пункт анализа, заключает Лукач, «исподволь превращает политическую экономию в замкнутую частичную систему, которая, с одной стороны, не способна ни объяснить свой субстрат, ни, исходя из него, найти путь к познанию тотальности общества, а с другой – рассматривает поэтому эту материю как неизменную, вечную “данность”» (Лукач, 2008: 267).

В дополнение к этому рассуждению Лукача здесь следует напомнить, что чисто формальным (идеальным) абстракциям соответствуют абстракции реальные: категория абстрактного труда прежде всего обнаруживает себя в реальности капиталистической экономики и лишь затем входит в объяснительный аппарат политической экономии. Поэтому нельзя не увидеть, что индивидуальное предпочтение той или иной «конкретной» потребительной стоимости точно так же обусловлено действующими *моделями* потребительского спроса, как «выбор» рода нашей деятельности – потребностями производства. Функция этих моделей – выделить в жизненной активности людей «чистую энергию потребления» и обеспечить ее эффективное задействование, без чего произведенный товар не способен совершить свое *salto mortale* (превращение в деньги). Очевидно также, что следует различать «потребление вообще» как чисто теоретическое обобщение от потребления как формы всеобщей практики в конкретно-исторических условиях «позднего капитализма». Так, Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления» выделил четыре стадии генезиса современной экономической модели – если на первых трех происходит выделение таких реальных абстракций, как техническая система, капитал и рабочая сила (они абстрагированы, соответственно, от традиционного орудия, богатства и конкретного труда), то на четвертой создается «система потребностей, спрос», которые «производятся как элемент системы, а не как отношение индивида к объекту потребления (точно так же рабочая сила не имеет больше ничего общего с отношением рабочего к продукту его труда, а меновая стоимость не имеет больше ничего общего с конкретным и личным обменом, и товар – с реальными благами и т.д.)» (Бодрийяр, 2006: 104).

рабочую силу, но и реализовывать свое потребление исключительно в производительной форме⁵.

Таким образом, «средний момент» или «нормальное состояние» экономической жизни, о которых говорит Зибер, необходимо рассматривать как производные от того *ставшего правилом* «чрезвычайного положения», которое Маркс описал в знаменитых главах первого тома «Капитала», посвященных анализу применения машин (глава 13), раскрытию тайны так называемого первоначального накопления (глава 24) и современной теории колонизации (глава 25), где показано дистиллирование рабочей силы, производство трудовой «субстанции» посредством радикальной и систематической *десубъективации* трудящегося. Что же касается «исключительного момента» субъективной оценки, то в той мере, в какой эволюционирует капиталистический «дух», в ней должна быть опознана форма нового, текущего «чрезвычайного положения», задача которого – сформировать на основе работника индивида, способного к «производительному потреблению» (потребление превращается в гражданскую добродетель), облеченного заработной платой как «покупательной способностью»⁶. Если в первом случае той формой, в которой осуществляется капиталистический процесс, является формальная (юридическая) свобода работника, основанная на фикции договора, то во втором этой формой будет фикция потребительского суверенитета, «непрерывного выбора себя», поиска «наименьшего маргинального различия»⁷ (Бодрийяр, 2006: 117–131).

Общеизвестно, что речь у Маркса идет не об отказе от разделения труда в пользу натурального хозяйства, а о критике его отчужденного характера. Сегодня больше, чем когда-либо, очевидно, что вместе с научно-техническим прогрессом в сфере производства прогрессируют и формы отчуждения – от политико-правовых до экзистенциально-психологических. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по ходу развития капиталистической экономики производство начинает ориентироваться на создание все более «персонализированных» предложений, в то время как потребление этих «эксклюзивных» продуктов (товаров, услуг, «брендов» и «трендов») обнаруживает на уровне поведенческих установок полную стереотипность. Но все это разнообразие, изменение «дизайна» капитализма, игра его масок не должны помешать увидеть то, что остается в нем неизменным, а именно – условия возможности присущего ему способа производства. И к числу этих условий, повторим, относится управленческий механизм, функционирующий по принципу чрезвычайного положения.

Актуальность зиберовского аргумента в контексте критики современной экономики

Попробуем теперь привести несколько конкретных примеров того, как функционирует подобное устройство экономического аппарата.

Современная экономическая идеология предписывает нам исходить из принципа суверенности экономического субъекта. Самый яркий пример здесь – теория потребительского выбора. Принцип потребительского суверенитета означает, что свое жизненное время и свои жизненные силы субъект должен рассматривать как то, что ему

⁵ Ф. Руда продемонстрировал нам, что производство и воспроизводство пролетариата капиталистической системой представляет собой наиболее чистый пример производства «голой жизни», поскольку «рабочий индивид становится в итоге странным (животным-)дивидом, разделенным животным, хрупким конгломератом своих партикуляризованных телесных функций. Рабочий представляется так, словно бы он был то желудком, то пенисом, то глоткой и т.д.» (Руда, 2019: 98).

⁶ На самом деле, как показали Ж. Делёз и Ф. Гваттари, понятие покупательной способности (силы) денег в современных условиях глубоко иронично, поскольку в реальности это лишь производная от платежной функции, т.е. схем финансирования – следовательно, скорее неспособность, чем способность (слабость, а не сила) (Делёз, Гваттари, 2007: 361–364).

⁷ Так Бодрийяр называет принцип, встроенный в саму модель потребления, или, если точнее, в потребление как в *модель*: потребитель стремится реализовать свою «уникальность» на основе тех дифференций, пролиферация которых запрограммирована в самой системе.

надлежит эксплуатировать с целью максимально эффективного удовлетворения своих потребностей. Только что же здесь представляет собой сам этот субъект? Очевидно, что душа и тело того, кто «суверенно» принимает решения о потребительском выборе, на самом деле является проводником интересов неких структур, претендующих на то, чтобы представлять «наши собственные» вкусы и предпочтения «наиболее адекватным образом» – настолько, насколько это не способны никогда сделать мы сами; поэтому, с одной стороны, экономическая теория постулирует суверенитет потребителя, но с другой – в реальности различные инструменты и технологии (маркетинг, реклама и т.п.) непрерывно производят «наши» представления о «наших» вкусах и предпочтениях. Все дело в том, что эти вкусы и предпочтения не являются внутренней формой нашей жизни, они предписываются извне. Поэтому истинный субъект суверенного решения («рационального выбора») – не сам индивид, но та его роль в системе капиталистической экономики, с которой он более или менее успешно идентифицировался. Человек-потребитель производится точно так же, как и человек-производитель, человек наслаждения – это более позднее дополнение к человеку труда, и если вместо кровавых законодательств эпохи первоначального накопления сегодня действуют «мягкие» и «тонкие» механизмы настройки, подталкивания и т.п., суть дела от этого не меняется: эксплуатации подвергаются все формы жизненного процесса – воображение, эмоциональная сфера, общение, досуг и т.п. Возможно, уместной здесь была бы метафора потребительской «полиции нравов», бдительно следящей за тем, чтобы предотвращать возможные покушения на суверенитет «потребительной стоимости», которая уже не является некой естественной стороной товара, удовлетворяющей некую столь же естественную потребность, но выступает элементом означающей цепочки, осуществляющей непрерывную эскалацию желания.

В этой связи уместно вспомнить замечание Ф. Джеймисона о том, что маркетизация универсума представляет собой операцию перекодирования гетерогенных областей (семьи, например) в качестве вариаций гомогенной структуры предприятия; на уровне теории об этом свидетельствует, например, концепция Г. Беккера: «Значительная доля убедительности и ясности порождается в таком случае за счет переписывания таких феноменов, как свободное поведение и индивидуальные черты, в терминах потенциального сырья» (Джеймисон, 2019: 536). Еще важнее его суждение о том, что рыночное «дерегулирование» по сути выполняет *полицейскую* функцию: *«Рыночная идеология заверяет нас, что люди устраивают бардак, когда пытаются управлять своей судьбой (“социализм невозможен”), и что нам повезло, поскольку у нас есть межличностный механизм – рынок, – которым можно заменить человеческую гордыню и планирование, устранив вообще все человеческие решения. Нам нужно лишь держать его в чистоте и хорошо смазывать, и он – подобно монарху несколько столетий назад – присмотрит за нами и будет держать нас в узде»* (Джеймисон, 2019: 542).

Метафора монарха мотивирована здесь тем, что на рыночный механизм переносится функция принятия решений в последней инстанции. В самом деле, если частные решения (что именно потреблять, что именно производить) в определенной мере зависят от «свободной воли» тех или иных лиц, то *всеобщее* решение – решение о том, что все процессы должны быть представлены в форме производства и потребления товаров, причем в буквальном, а не метафорическом смысле, – оказывается *всегда* уже принятым, как если бы оно не имело реальной альтернативы; то, что не вписывается в пространство рынка (точнее, множества рынков, какими бы странными, экзотическими, извращенными ни были обращающиеся на них товары), таким образом, выступает в качестве чего-то «аномичного».

Ярким примером вторжения логики делового предприятия в сферу, которая традиционно этой логике не подлежала, является судьба науки и образования в современном мире. Ставшие популярными полвека назад разговоры об «экономике знания» сегодня закономерно сменились темами пролетаризации труда ученого и формирования

(благодаря внедрению в университетскую жизнь принципов «эффективного менеджмента») *академического капитализма*, т.е. «внедрения рыночной системы в сферу науки и образования с вытекающими последствиями: коммерциализацией, превращением результатов исследовательского труда в объекты интеллектуальной собственности, которую продают на рынке, выстраиванием образовательной и научной деятельности в перспективе снижения издержек и максимизации прибыли» (Камнева и др., 2019: 52). В результате разрушается целостный этос деятельности ученого – можно только представить себе, какотреагирует любой управленец на определение смысла деятельности ученого как «поиска истины»; вытесняющие подобную установку императивы конкуренции и рентабельности приводят к тому, что «научное сообщество теряет смысл *collegium*’а, или ученого братства, республики ученых, и заменяется моделью абстрактных рациональных связей индивидуумов» (Там же: 57). Ситуация здесь в точности аналогична описанной Зибером: возможная «неэффективность» науки и образования играет роль «момента смертельной опасности», благодаря чему режим работы университета мгновенно уподобляется жизни в осажденной крепости, и вместо смыслового континуума характер деятельности ученых приобретает дискретный вид «скопления товаров», ценность каждого из которого определяется на основе «настоятельности» нужды в нем – идет ли речь о ценности отдельно взятой публикации или целого направления научной работы. Все то, что не редуцируется к системе *KPI*, автоматически оказывается в зоне чрезвычайного положения – например, превращается в форму «низкоквалифицированного» труда, что позволяет подчинять его сверхэксплуатации при снижении уровня оплаты и гарантий занятости⁸.

Но есть и другой аспект «экономики знания», который здесь можно привести как пример, подтверждающий актуальность взглядов Зибера. Результаты современных научных исследований могут быть использованы для «огораживания» целых областей того, что традиционно рассматривалось в качестве *общего* достояния человеческого рода (того, что выступало в качестве проявлений родовой сущности человека). Подобная «приватизация общего» приводит к тому, что объектами частного присвоения оказываются жизненные формы, традиционные знания, пространство и модели коммуникации и многое другое; при этом, как показали М. Хардт и А. Негри, здесь налицо отнюдь не исторический прогресс, но прямо противоположное явление – эти процессы можно уподобить барочной реакции на ренессансный прорыв к новому: «*Над сегодняшними приватизационными процессами – частным присвоением знаний, информации, коммуникационных сетей, взаимных симпатий, генетических кодов, природных ресурсов и тому подобного – отчетливо веет неофеодальный дух барокко. Формирующаяся биополитическая продуктивность множества (т.е. формы объединения людей, альтернативной государству или иным структурам суверенной власти. – А.П.) подрывается и блокируется процессами частного присвоения*» (Хардт, Негри, 2006: 231). Важно еще и то, что эта неофеодальная (или необарочная) система господства строится на основе не упразднения, но *парцелляции* суверенитета, благодаря чему власть политическая и власть экономическая переплетаются и сливаются друг с другом; как пишет об этом Д. Дин:

«Неофеодальные сеньоры, такие как финансовые институты или цифровые платформы, используют долг, чтобы перераспределять глобальное благосостояние от самых бедных к наиболее богатым. При неофеодализме, как и при феодализ-

⁸ Нельзя не согласиться с тем, что сегодня «на примере образования мы можем наблюдать не просто очередной институциональный кризис, а кризис институционализации как принципа регулирования человеческой деятельности – по крайней мере, тех ее сфер, которые связаны с воспроизводством и развитием сущностных человеческих сил – жажды созидания, творчества, социально значимой активности» (Очкина, 2018: 126). Но тогда под вопросом оказывается и сам принцип *суверенитета*, на основе которого, как пишет автор, университет традиционно существовал как автономная корпорация, способная «предоставлять определенную свободу своим членам, контролируя и сдерживая их субъективизм системой коллективных оценок индивидуальной работы и этическими критериями, совместно вырабатываемыми внутри процесса» (Там же: 111) – в той в мере, в которой этот принцип сегодня трудно отделить от чрезвычайного положения как условия возможности его применимости.

ме, экономические игроки обладают политической властью над отдельной группой людей в силу установленных самими этими игроками условий. Вместе с тем политическая власть становится неотделимой от экономической власти и дополняет ее: кроме налогов, используются штрафы, залоги, изъятия активов, лицензии, патенты, право юрисдикции и пограничный контроль. При неофеодализме правовая фикция буржуазного государства, определяемого нейтральностью закона, действующего для свободных и равных индивидов, развеивается, а непосредственно политический характер общества вновь выходит на передний план» (Дин, 2019: 89)⁹.

Таковы доводы в пользу того, что «чисто экономическая» теория ценности (стоимости) – это фикция, поскольку сам объект данной теории имеет непосредственно политическое значение. Вспомним знаменитый аргумент Бём-Баверка против теории стоимости Маркса: не только труд, но, например, факт редкости блага или его нахождение в чьей-либо собственности являются теми факторами, которые определяют стоимость товаров на рынке (Бём-Баверк, 2002: 85). В самом деле, именно эти факторы используются для того, чтобы извлекать ренту. Путем отчуждения в частную собственность даров природы и достижений науки искусственно возникает социальная форма редкости¹⁰, позволяющая снижать себестоимость (т.е. затраты труда), не снижая цены. Именно это и означает «ставшее правилом чрезвычайное положение» в экономике: непрерывный поиск ренты за счет «суверенных решений» о преобразовании производства в пользу его большей рентабельности.

Заключение

Итак, каково сегодняшнее значение сформулированных Зибером критических аргументов в адрес теории ценности субъективной школы?

Как было показано, аргументы эти расширяют горизонты *общей критики политической экономики*, занятой выявлением тех исторических границ, в рамках которых жизнь людей (как в хозяйственном, так и других аспектах) оказывается подчиненной определенной политико-экономической форме. Эта форма, которая сегодня связывается с идеологией неолиберализма, синтезирует в себе маргиналистские критерии ценности, преподносимые как выражающие саму вечную и неизменную природу экономических отношений, с политическим институтом суверенной власти, базиру-

⁹ О том, что перманентная проблематизация традиционных форм суверенной власти в современном мире означает не упразднение или хотя бы ослабление самого принципа суверенитета, но лишь перемещение его на другой уровень системы, говорит также Й. Фогль: «Капитализм финансовых рынков – это не экономическая система, а, скорее, формация глобального управления (governance), создающая собственные правила, законы и институты, отделяющаяся от территорий и национальных государств, преобразующая геополитический порядок в геоэкономический, обустроивающая центры накопления и зоны эксплуатации и вырабатывающая иммунитет против ставящихся все более неуместными народных суверенитетов. Это новые линии конфликта и, следовательно, точки притяжения теории» (Интервью с Йозефом Фоглем, 2019: 20–21). В свою очередь, М. Хардт и А. Негри указывают, что формирование глобального суверенитета («Империи») опирается на механизмы полицейского управления в условиях перманентного чрезвычайного положения: «Даже наиболее сильные национальные государства не могут далее признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ. Но тем не менее ослабление суверенитета национальных государств вовсе не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок» (Хардт, Негри, 2004: 11). И далее: «Функция чрезвычайного положения здесь очень важна. Чтобы контролировать подобную исключительно неустойчивую ситуацию, необходимо предоставить вмешивающейся инстанции власти: во-первых, возможность определять – всякий раз исключительным (чрезвычайным) образом – необходимость вмешательства; и, во-вторых, возможность приводить в движение силы и инструменты, применяемые различным способом ко множеству разнообразных кризисных ситуаций. Таким образом, здесь ради чрезвычайного характера вмешательства рождается форма права, в действительности являющаяся *правом полиции*. Формирование нового права вписывается в использование превентивных мер, репрессивных действий и силы убеждения, направленных на восстановление социального равновесия: все это характерно для деятельности полиции» (Хардт, Негри, 2004: 30–31).

¹⁰ Как показал в своей последней книге Андре Горц, современная экономика строится на постоянных инновационных метаморфозах продукта, цель которых – предотвратить угрозу изобилия с помощью изобретения новых форм дефицита; на эту экспансию экономики, считает Горц, необходимо ответить новым пониманием *экологии* не просто как охраны природы, но как «сопротивления частному присвоению и разрушению того общественного достояния, которое представляет собой мир жизненного обихода как таковой» (Горц, 2010: 112).

ющимся на принципе чрезвычайного положения, что опять-таки претендует на легитимность как устройство, адекватное самому естеству человека как *animal sociale*. То, что на определенном этапе выступает в качестве исключения – будь то лишение человека средств производства, благодаря чему он превращается в наемного рабочего, или такое преобразование его жизненного мира, вследствие которого целостная материальная среда существования превращается в скопление товаров, обретающих свою ценность на фоне потенциальной катастрофы, – становится правилом: жизнь, отделенная от своих форм, становится «голой жизнью», т.е. рабочей силой и потребительской способностью, которые теперь превращаются в абстрактную материю, способную принимать какие угодно формы¹¹. Но тем самым вновь подтверждается не только сущностное единство экономики и политики, но и выявляется глобальный кризис той исторической формации, в рамках которой это единство осуществляется: если всякий суверенитет сегодня базируется на принципах полицейского права как своего «условия возможности», то всякий суверен может быть уверен, что «однажды его коллеги будут обращаться с ним как с преступником» (Агамбен, 2015: 109)¹².

Анализируя концепцию Маркса, Зибер подчеркивает, что именно товарно-денежный фетишизм¹³ приводит к тому, что экономисты не видят различия между обычными товарами и рабочей силой: поскольку рабочая сила наряду с другими товарами выступает как предмет рыночной, денежной оценки, постольку возникает иллюзия, что товарная форма – это естественное состояние жизненного времени людей (Зибер, 1871: 263). Фетишизм товара является основой для того, чтобы перекодировать жизнь людей, сообщая их потребностям форму потенциально безграничного желания (объект желания никогда не дан, он метонимичен, всегда предстает как потребность в чем-то еще), – а следовательно, превращать ее в ресурс возрастающей эксплуатации и самоэксплуатации.

Неслучаен поэтому интерес Зибера к изучению экономики первобытного общества¹⁴ – интерес этот находится в прямой связи с его критикой субъективной школы. На примере первобытного отношения к труду (Зибер цитирует замечание Александра Гумбольдта об апатичном характере жизни индейцев Центральной Америки, который не исчезнет до тех пор, пока не будут вырублены банановые деревья, дающие им изобильное пропитание) можно показать, что трудовой потенциал людей не обязательно должен непрерывно и полностью актуализироваться – народ может обладать свободным временем, которое не обязательно тратится на производство добавочного продукта. И дело здесь, разумеется, не в банальной апологии лени и праздности, а в том, что между фактом наличия свободного времени и актом его использования для произ-

¹¹ Здесь уместно еще раз провести параллель с эпохой барокко – эпохой, когда возникает политическая теория суверенитета и зарождается политическая экономия. *Эстетика* этой эпохи является своеобразным ключом к пониманию всего комплекса начинающихся процессов – здесь вслед за Жаном Бодрийяром нужно вспомнить о начавшемся активном применении лепнины, которая «позволяет свести невероятное смешение материалов к одной-единственной новой субстанции, своего рода всеобщему эквиваленту всех остальных, и она прекрасно подходит для создания всевозможных театральных чар, так что она сама является представительной субстанцией, зеркальным отражением всех остальных» (Бодрийяр, 2000: 116). Подобно тому как в экономике снимается запрет на ростовщичество, в искусстве перестает осуждаться обольщение, зачарованность; субстанция – как эстетическая, так и экономическая – теперь существует исключительно как производство эффектов.

¹² Как показал Агамбен (Агамбен, 2011b: 84–100), шмиттовская концепция суверенной власти возникала в процессе неявной полемики с В. Бенямином, который противопоставил определению суверена как того, кто способен принимать решение о чрезвычайном положении, фигуру *барочного* суверена, как ни на какое решение не способного. Соответственно, чрезвычайное положение из чуда, с которым его сравнивал К. Шмитт в своей «Политической теологии», становится катастрофой – т.е. в политическом плане революцией, а не реставрацией. Модель «экономического человека», принятая в «основном направлении» экономической науки, таким образом, – это не только теоретическое допущение, но и политический проект, вмещающий каждому из нас «чудотворную» способность генерировать «чрезвычайные положения» как производные от собственных «рациональных решений», благодаря чему воспроизводство рыночных отношений происходит не только вопреки, но и благодаря всем «катастрофическим» сценариям радикальных преобразований.

¹³ Подробнее о концепции фетишизма у Маркса и Зибера см.: (Smith, 2001).

¹⁴ В качестве «кабинетного экономиста-антрополога» его можно считать предтечей М. Мосса (Расков, 2016).

водства прибавочной стоимости есть много промежуточных состояний, которые нельзя понять только на основе экономических понятий производства и потребления (Зибер, 1871: 208–209). Зибер указывает на этот интервал, эту паузу, как на *потенциальность*, присущую нашей жизни – например, в своих замечаниях о статье Ю. Жуковского о «Капитале» Маркса он отмечает, что ни при каких обстоятельствах «сама природа прибыли человеку не приносит, а дает ему только *досуг или возможность прибыли* (выделено мной – А.П.)» (Зибер, 2012: 114). Потенциальность эта не означает что-то ущербное, но как раз и является подлинной формой человеческой жизни (Агамбен, 2018: 409–413). И дело здесь, нужно повторить, не в ностальгии по досовременным формам жизни – в конце концов, история «чрезвычайного положения» столь же стара, сколь и традиция «правил», которое оно нарушает (и тем самым поддерживает), так что их оппозиция находится в плане синхронии, а не диахронии, – но в теоретическом обосновании возможности альтернативных укладов хозяйственной жизни в рамках современности. В этом плане еще в 1871 году Зибер смог предвосхитить проблематику целого ряда направлений мысли, которые разовьются лишь в следующем столетии, как то: различные альтернативы «основному течению» экономической науки, экономическая социология, экономическая антропология, социальная философия неомарксизма, критическая теория общества и др.

Литература

- Автономов, В. С. (2015). Самая значительная перемена в истории экономической науки: возвращаясь к осмыслению маргиналистской революции, с. 59–60 / В кн.: В.С. Автономов, О.И. Ананьин, Д.И. Мельник и др. (ред.) *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Агамбен, Дж. (2011a). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Агамбен, Дж. (2011b). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
- Агамбен, Дж. (2012). Что такое диспозитив? / В кн.: Агамбен, Дж. *Что современно?* Киев: Дух і літера.
- Агамбен, Дж. (2015). *Средства без цели. Заметки о политике*. М.: Гилея.
- Агамбен, Дж. (2018). *Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Ахутин, А. В., Филиппов, А. Ф. (2013). Переписка о Шмитте и политическом // *Социологическое обозрение*, 12(1), 34–47.
- Бём-Баверк, О. (2002). *Критика теории Маркса*. М., Челябинск: Социум.
- Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Республика.
- Горц, А. (2010). *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2007). *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Дин, Д. (2019). Коммунизм или неофеодализм? // *Логос*, 29(6).
- Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Интервью с Йозефом Фоглем (2019) // *Экономическая социология*, 20(5).
- Зибер, Н. И. (1871). *Теория ценности и капитала Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями*. Киев.

- Зибер, Н. И. (2012). Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», с. 102–132 / В кн.: Зибер Н. И. *Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования: Теория государственного социализма*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Камнева, А. В., Куприянов, В. А., Шиповалова, Л. В. (2019). Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива) // *Социология науки и технологий*, 10(4).
- Лукач, Г. (2008). Овеществление и сознание пролетариата / В кн.: Лукач, Г. *Ленин и классовая война*. М.: Алгоритм.
- Очкина, А. (2018). Образование как фиктивный капитал: кризис социальной значимости знания // *Логос*, 28(6).
- Расков, Д. Е. (2016). Н.И. Зибер как кабинетный экономист-антрополог // *Terra Economicus*, 14(4).
- Резуль, Я. Г. (1931). Н.И. Зибер (библиография) // *Каторга и ссылка*, (7), 132–174.
- Руда, Ф. (2019). Маркс в пещере, с. 74–125 / В кн.: Жижек, С., Руда, Ф., Хамза, А. *Читать Маркса*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
- Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
- Хиршман, А. (2012). *Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the birth of Russian social-democracy // *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 301–304.
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, (19), 47–66.

References

- Agamben, G. (2011a). *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)
- Agamben, G. (2011b). *State of Exception*. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)
- Agamben, G. (2012). What is an apparatus? / In: Agamben, G. *What is the Contemporary?* Kiev: Dukh i literatura. (In Russian.)
- Agamben, G. (2015). *Means Without End: Notes on Politics*. Moscow: Gileia. (In Russian.)
- Agamben, G. (2018). *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*. Moscow; Saint Petersburg: Gaidar Institute Press; Faculty of Liberal Sciences and Arts, St. Petersburg State University Publ. (In Russian.)
- Akhutin, A. V., Filippov, A. F. (2013). Correspondence about Schmitt and the political. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 12(1). (In Russian.)
- Allisson, F., D'Onofrio, F., Raskov, D. E., Shirokorad, L. D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the birth of Russian social-democracy. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27(2), 301–304.
- Avtonomov, V. S. (2015). The most significant change in the history of economics: A return to understanding the Marginalist Revolution, pp. 59–60 / In: V.S. Avtonomov, O.I. Ananyin, D.I. Melnik et al. (eds.) *Origins: Qualitative Shifts in Economic Reality and Economic Science*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)

- Baudrillard, J. (2000). *Symbolic Exchange and Death*. Moscow: Dobrosvet Publ. (In Russian.)
- Baudrillard, J. (2006). *The Consumer Society: Myths and Structures*. Moscow: Respublika Publ. (In Russian.)
- Bohm-Bawerk, E. (2002). *Criticism of Marx's Theory*. Moscow, Cheliabinsk: Sotsium Publ. (In Russian.)
- Dean, J. (2019). Communism or Neo-Feudalism? *Logos*, 29(6). (In Russian.)
- Deleuze, Zh., Guattari, F. (2007). *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Faktoriia Publ. (In Russian.)
- Gorts, A. (2010). *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Hardt, M., Negri, A. (2004). *Empire*. Moscow: Praxis Publ. (In Russian.)
- Hardt, M., Negri, A. (2016). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. Moscow: Kulturnaia revoliutsiia Publ. (In Russian.)
- Hirschman, A. (2012). *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism Before Its Triumph*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian.)
- Interview with Joseph Vogl. Intellectual History and Political Economy of Modern Capitalism (interviewed by Ivan Boldyrev) (2019). *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 20(5), 11–27. (In Russian.)
- Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian.)
- Kamneva, A. V., Kupriianov, V. A., Shipovalova, L. V. (2019). Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective). *Sotsiologiia nauki i tekhnologii*, 10(4). (In Russian.)
- Lukács, G. (2008). Reification and the Consciousness of the Proletariat / In: Lukács G. *Lenin and the class struggle*. Moscow: Algoritm Publ. (In Russian.)
- Ochkina, A. (2018). Education as Fictitious Capital: The Crisis of Social Importance of Knowledge. *Logos*, 28(6). (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2016). N.I. Sieber as an armchair economic anthropologist. *Terra Economicus*, 14(4), 92–106. (In Russian.)
- Rezul, Ya. G. (1931). N.I. Sieber (bibliography). *Katorga i ssylka*, (7). 132–174. (In Russian.)
- Ruda, F. (2019). Marx in the cave, pp. 74–125 / In: Žižek, S., Ruda, F., Hamza, A. *Reading Marx*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Schmitt, K. (2000). *Political Theology*. Moscow: Kanon-Press-Ts Publ. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1871). *The theory of value and capital of Ricardo with some of the later additions and clarifications*. Kiev. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (2012). A few comments on the paper by Yu. Zhukovsky «Karl Marx and his book on capital», pp. 102–132 / In: Sieber, N. I. K. *Rodbertus-Jagetzow and His Economic Research: The Theory of State Socialism*. Moscow: LIBROKOM Book House. (In Russian.)
- Smith, D. N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, (19), 47–66.

Теория ренты Рикардо в трактовке Зибер

Александр Николаевич Дубянский

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.dubianskii@spbu.ru, assig@inbox.ru

Цитирование: Дубянский, А. Н. (2020). Теория ренты Рикардо в трактовке Зибер // *Terra Economicus*, 18(3), 125–139. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-125-139

В статье рассматриваются вопросы теории ренты Рикардо в интерпретации одного из первых русских марксистов Н.И. Зибер. Этот русский ученый внес большой вклад в популяризацию идей К. Маркса в России, видя свою миссию в приведении сложных теоретических конструкций Маркса к более простым и понятным большинству читателей формам. Свой путь в марксизм Зибер начинал с изучения и перевода работ классика политической экономии – Д. Рикардо. Кроме этого, в тексте данной работы представлена широкая палитра мнений относительно земельной ренты в трудах российских и зарубежных экономистов XIX–XX веков, чтобы показать, насколько важны были вопросы ренты для экономической теории тех лет. В публикации уделяется значительное внимание и политическим аспектам ренты, играющим, пожалуй, решающую роль в вопросе ренты. Это обусловлено тем, что рента была и остается важным инструментом перераспределения национального дохода и, следовательно, является элементом формирования политического устройства государства. Теория ренты Рикардо появилась на свет в ходе дебатов по поводу высоких хлебных пошлин в Англии и, по сути, была инструментом борьбы против землевладельцев, получавших рентные сверхдоходы из-за высоких цен на хлеб. Впоследствии эта теория стала рассматриваться уже как орудие борьбы против промышленной буржуазии, что вызвало ее ожесточенную критику со стороны апологетов буржуазии.

Ключевые слова: Зибер; рента; Рикардо; Мальтус; хлебные пошлины; Англия

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке внутреннего гранта СПбГУ «Марксизм до марксизма: социально-экономическое и эпистолярное наследие Н.И. Зибер» (ID 53363115).

Ricardian theory of rent as interpreted by Sieber

Alexander N. Dubyansky

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: a.dubianskii@spbu.ru, assig@inbox.ru

Citation: Dubyansky, A. N. (2020). Ricardian theory of rent as interpreted by Sieber. *Terra Economicus*, 18(3), 125–139. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-125-139

The article deals with the Ricardian theory of rent as interpreted by one of the first Russian Marxists, Nikolai Sieber. Sieber made great efforts to popularize Marx's ideas in Russia. He believed it was his mission to make complex theoretical constructions of Marxism simpler and more understandable for the majority of readers. Sieber began his way to Marxism with the study and translation of the writings on classical political economy by D. Ricardo. Furthermore, Sieber's texts focus on a wide range of opinions on land rent presented in the works of Russian and foreign economists of the XIX–XX centuries. This article also pays considerable attention to the political aspects of rent, which are perhaps crucial to the issue of rent. This is due to the fact that rent has been and remains an important tool for the redistribution of national income and, therefore, is an element of the political structure. Ricardian theory of rent came into being during the debate over high bread duties in England and was, in fact, an instrument of struggle against landowners who received rental super profits because of high grain prices. Subsequently, this theory was considered as a tool of struggle against the industrial bourgeoisie, which caused its fierce criticism from the apologists of the bourgeoisie.

Keywords: Sieber; rent; Ricardo; Malthus; duties on grain; England

Acknowledgement: *The article was supported by the internal grant of St. Petersburg State University «Marxism before Marxism: socio-economic and epistolary legacy of N.I. Sieber» (ID 53363115).*

JEL codes: B12, B14, B31

Введение

Работа Зибер «К учению о ренте» относится, пожалуй, к одной из самых малоизученных работ этого автора. Можно сказать, что данная статья практически не введена в научный оборот, и на нее почти не ссылаются авторы, исследующие вопросы теории ренты в целом и теорию ренты Рикардо в частности, что может быть объяснено неизвестностью автора научной общественности во времена публикации работы. Только позднее имя Н.И. Зибер стало широко известным благодаря его переводу «Начала политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо (1882), а затем и его главной работе «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (Зибер, 1885), а также другим работам, посвященным популяризации марксистской теории (Расков, 2016; 2018; Широкопад, 2018).

Статья о ренте является одной из его первых научных статей, изданной в 1870 году, когда молодому ученому было всего 26 лет. Несмотря на молодость, Зибер обращается к одному из самых сложных в политической экономии вопросов, а именно – к теории ренты. В ней он обращается к вопросам происхождения и распределения земельной ренты, солидаризируясь с позицией Рикардо. Зибер достаточно подробно рассматривает теорию ренты Д. Рикардо, опираясь не только на детально проработанные работы английского классика политической экономии, но и на труды других ученых, посвященные данной проблематике, в частности – Т. Мальтуса. Лейтмотивом работы Зибера является защита и противопоставление теории ренты Рикардо ее мальтузианскому толкованию. Так, он отмечал, что «при рассмотрении определений ренты и значения ее для народного хозяйства самое важное будет – обратить внимание на точки отправления противников Рикардо» (Зибер, 1870: 3). Немало внимания уделяется Зибером критике оппонентов Рикардо, в первую очередь Р. Джонса (Jones, 1831), Г. Кери (Кери, 1869), Т. Мальтуса и др. Характерно, что в дальнейшем своем научном творчестве Зибер никогда больше не обращался к проблемам земельной ренты. В своей главной работе «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Зибер мог бы еще раз рассмотреть в сравнении концепции ренты Рикардо и Маркса, что было бы логично, но не стал этого делать. Поэтому работа «К учению о ренте» для Зибера является, по сути, единственной его публикацией, полностью посвященной вопросам ренты, притом что он был глубоко погружен в проблематику российского сельского хозяйства в целом и крестьянской общины в частности (Дубянский, 2011; 2016).

Тема ренты обращает на себя внимание еще и тем, что к ней обращались многие ведущие русские и зарубежные ученые-экономисты, такие как С.Н. Булгаков, И. М. Кулишер (Кулишер, 1904), Ю. Янсон (Янсон, 1864), К. Маркс, М.Я. Герценштейн, К.И. Родбертус-Ягцов, Дж. Р. Мак-Куллох и др. Посредством рассмотрения вопросов ренты раскрывались также вопросы одной из важнейших проблем в политической экономии, а именно – проблемы распределения национального дохода. Эта проблема является одной из самых значимых в экономической науке: ее анализ позволяет понять, как производится прибавочный продукт, в данном случае в сельском хозяйстве, и кем он присваивается.

В силу этого вопрос о ренте всегда имел и важное идеологическое значение в обществе, где господствует частная собственность на природные ресурсы. Владельцы земли, являющиеся главными бенефициарами в капиталистическом сельском хозяйстве, посредством ренты желали бы обосновать свое право на ее получение. Именно поэтому вопросы ренты рассматриваются в работах современных экономистов: С. А. Яцкого (Яцкий, 2017), П.Н. Ключкина (Ключкин, 2007), С. Фратини (Fratini, 2012), Дж. Монтани (Montani, 1972), Л. Пазинетти (Pasinetti, 2014), И. Стивдман (Steedman, 1982), П. Видон (Vidonne, 1977). Такое внимание лишний раз подтверждает значимость теории ренты Рикардо для экономической науки.

Дорикардовские теории ренты

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов ренты, представляется необходимым рассмотреть различные подходы к трактовке категории ренты, существовавшие в экономической теории. Это необходимо для того, чтобы определиться с трактовкой этой категории и войти в проблематику теории ренты. Этим приемом пользовался Н.И. Зибер, когда в своем переводе труда Рикардо опубликовал статью, в которой изложил краткую историю дорикардовской политической экономии для лучшего понимания читателями значимости вклада Рикардо в ее развитие. Дело в том, что понимание ренты у разных экономистов сильно разнится: одни слишком сужают понятие ренты и сферу ее использования только сельским хозяйством, а другие, наоборот, понимают эту категорию расширительно, перенося ее проявления за пределы сельскохозяйственного производства в другие сферы человеческой деятельности.

Классификация различных подходов в понимании ренты, предложенная русским экономистом А.И. Вошениным, представляется наиболее полной, охватывающей практически все варианты толкования ренты. Этот ученый, подробно изучавший теорию ренты в трудах различных исследователей, выделял четыре основные формулировки ренты. Согласно первой концепции «...рента есть часть дохода, выпадающего на долю владельцев природного фактора производства, как результат этого последнего» (Вошенин, 1882: 1). Так ренту трактовали, например, представители школы физиократов. Ко второй разновидности теории ренты Вошенин относил взгляды ученых, считавших, что «...рента является результатом распределения как особый доход, не вновь созданный, а перетекающий лишь из одних рук в другие». Наиболее ярким представителем этой теории был Д. Рикардо и другие последователи его учения.

Сторонники третьей теории ренты не считали ренту особым доходом, а полагали, что она представляет собой «...особый вид прибыли, подчиняющийся общим законам последней» (Вошенин, 1882: 1). Например, американский экономист, взгляды которого на ренту позже будут рассмотрены, Г. Кэри (1869) полагал, что рента – это разновидность прибыли в сельском хозяйстве. Четвертая теория носит расширительный характер, в котором рента считается за «...особый экстраординарный или чрезвычайный доход, вытекающий отчасти из условий распределения, отчасти обязанный своим происхождением непрерывному развитию человеческой предприимчивости...», в результате которого понятие ренты выходит за пределы сельского хозяйства (Вошенин, 1882: 1). Представитель английской классической политической экономии Дж. С. Милль понимал ренту расширительно: «В действительности же все преимущества, которыми одно лицо располагает по отношению к конкуренту, будь то естественные или приобретенные, личные или являющиеся результатом социального устройства... < > ...уподобляют обладателя преимуществ получателю ренты» (Милль, 2007: 531).

Несмотря на то что вопросами ренты ученые стали интересоваться достаточно давно, более глубоко ими стали заниматься только физиократы. По мнению Ф. Кенэ, рента представляет собой «...доход или чистый продукт от земледелия...», который уплачивается производительным классом землевладельцам, «...после того как последний [производительный класс. – А.Д.] вычел из ежегодно воспроизводимых им богатств часть, необходимую на возмещение ежегодных затрат...» (Кенэ, 2008: 350). Данное определение ренты свидетельствует о том, что физиократическая школа в лице ее основателя Ф. Кенэ считала источником ренты непосредственно землю как фактор производства, а не труд земледельцев.

Данное понимание ренты не могло устроить классика английской политической экономии А. Смита, так как оно противоречило трудовой теории стоимости, сторонником которой он являлся. Согласно идеям Смита, рента является производным продуктом собственности на землю. Рассуждения шотландского ученого сводятся к тому, что арендная плата, включающая в себя и ренту, должна быть таковой, чтобы и арендатор получал приемлемый средний доход, и землевладелец – ренту. В результате рента представляет собой «всю ту часть продукта, или, что то же самое, всю ту часть его цены, которая остается сверх этой доли», ее «землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет представлять собою наивысшую сумму, какую только арендатор может платить при данном качестве земли» (Смит, 2007: 189).

Из этого определения ренты видно, что Смит считал, что рента входит в состав цены продукта. С чем категорически не был согласен Рикардо, отмечавший, что «...так как регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся при наибольшей затрате труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену» (Рикардо, 2008: 119). Кроме того, в определении ренты Смит допускал, что в ее формировании участвует земля как самостоятельный фактор производства, что противоречило трудовой теории стоимости, которой придерживался знаменитый шотландец.

Наиболее удачное определение ренты было предложено в 1777 году английским ученым и публицистом Дж. Андерсоном в его трактате под названием «Исследование природы хлебных законов, с учетом нового законопроекта о зерне, предложенного для Шотландии» (Anderson, 1777). Андерсон считал, что рента не представляет собой особого дара природы, как, например, полагали представители школы физиократов. Это был своего рода «прорыв» в методологическом плане, так как позиция Андерсона представлялась более взвешенной, нежели понимание ренты у физиократов. Рента существует в силу того, что земля имеет различную плодородность, и к тому же в сельском хозяйстве действует закон убывающего плодородия почвы. Благодаря действию этого закона использование капитала на землях разного качества должно приводить к падению доходов от использования этого капитала. Другими словами, Андерсон признавал дифференциальную ренту, но отрицал существование закона убывающего плодородия почвы (Гордеев, 1924: 24).

Андерсон пришел к выводу, что хлеб всегда продается по своей «естественной» цене, т.е. по цене, необходимой для его рентабельного производства в необходимых объемах. В любой стране земли отличаются по уровню плодородия, и если производство зерна на лучших землях не в состоянии обеспечить хлебом все население страны, то в земельный оборот вовлекаются относительно худшие участки земли. В этом случае цена на хлеб поднимается, что приводит к повышению рентабельности производства на худших землях. Издержки производства на вовлекаемых в оборот худших земельных участках должны быть компенсированы. Владельцы лучших земельных участков при этом будут получать премию. Эту премию, которую получают владельцы относительно лучших участков, Андерсон и считал рентой. Нетрудно заметить, что теория ренты Рикардо по своей сути очень похожа на концепцию ренты Андерсона. Можно сказать, что теория ренты Андерсона предвосхитила рикардианское учение о ренте. В первую очередь – в переходе от обработки плодородных участков к худшим землям. Однако книга Андерсона не получила известность у английской научной общественности, так как позиционировалась, главным образом, как пособие для фермеров и специалистов по сельскому хозяйству.

Теория ренты Рикардо

Прежде чем приступить к рассмотрению основных положений теории ренты Рикардо, нужно показать ту экономическую и политическую обстановку, которая сложилась в Англии в начале XIX века. Как известно, Англия активно участвовала в так называемых «наполеоновских войнах» на европейском континенте, и против нее Наполеоном были применены «санкции», оформленные в виде континентальной блокады. Кроме того, английский сельскохозяйственный рынок защищался высокими, практически заградительными, импортными пошлинами на зерно. Эти меры по повышению хлебных цен оправдывались интересами землевладельцев. Для увеличения производства зерна требовалась распашка целинных земель и пустошей, что было экономически целесообразно только при высоких ценах на хлеб. В результате роста цен арендные платежи постоянно повышались, и, естественно, росла рента. Английский экономист Джеймс Роджерс отмечал, что «...арендная плата увеличилась в 20 раз, а средняя цена пшеницы увеличилась в 6½ раза, в то время как заработная плата возросла почти в 3½ раза» (Роджерс, 1899: 396). В свою очередь, Арнольд Тойнби эмоционально восклицал: «Рента поднялась до неслыханных размеров, она с 1790–1812 годов без исключения, по крайней мере, удвоилась, а в отдельных случаях упятилась» (Тойнби, 1898: 136).

В 1814 году были опубликованы результаты исследования парламентской комиссии, занимавшейся изучением вопроса о высоких хлебных ценах в Англии. Заключение комиссии сводилось к тому, что ввиду большого спроса на хлеб и высоких цен на него землевладельцами были произведены «...массовые запашки новых земель худ-

шего качества, в результате чего самая цена покрывает только издержки производства на этих землях» (Гордеев, 1924: 25). Кстати, накануне выхода этого доклада цены на зерно снизились, что было негативно воспринято английскими лендлордами как признак новой понижательной тенденции. Всем было очевидно, что заключение парламентской комиссии было сформулировано в интересах земельных собственников и являлось своеобразным вызовом английскому обществу в целом и английской промышленной буржуазии в частности. В результате в 1815 году одновременно вышли четыре работы, посвященные земельным проблемам и в первую очередь вопросам ренты: Е. Уэста (West, 1815), Р. Торренса (Torrens, 1815), Т. Мальтуса (Malthus, 1815a; 1815b) и Д. Рикардо (Рикардо, 1908). В каждом трактате независимо от остальных была сформулирована теория дифференциальной ренты (Блауг, 1994: 71).

Таким образом, мы видим, что теория ренты Рикардо сформировалась в ходе обсуждения хлебных законов в Англии в начале XIX века: «В результате споров вокруг хлебных законов появились теории ренты, прибыли и, косвенно, теория заработной платы» (Роббинс, 2013: 251). Суть этих споров сводилась к главному вопросу: стоит отменять высокие ввозные пошлины на зерно или нет? Очевидно, что высокие цены на хлеб способствовали возрастанию ренты и были в интересах землевладельцев, а более низкие цены – выгоднее промышленным капиталистам, так как они снижали ценность рабочей силы и сырья.

Вплоть до конца XVIII века высокая рента в сельском хозяйстве считалась признаком процветания страны. Это неудивительно, так как господствующим классом в тот период был класс землевладельцев, для которых рента являлась основным доходом. Собственно, благодаря рентным платежам и сформировалось благосостояние английской аристократии. Однако развитие капитализма в Англии способствовало тому, что прибыль, получаемая капиталистами, стала приемлемым и желательным явлением в отличие от ренты. Рента стала считаться, если можно так выразиться, «недостойным» доходом. В первую очередь потому, что ее причиной являлась собственность на землю, а не какая-либо деятельность ее владельца по эффективному использованию земельного ресурса: «С развитием капитализма в земледелии землевладелец стал сходить на роль только получателя ренты. Действительно, ведь он не был ни организатором, ни тем более производителем продуктов земли» (Гордеев, 1924: 29). Кроме того, основным производителем в английском сельском хозяйстве конца XVIII – начала XIX веков становится фермер. В отношении к ренте, а вернее, в принципах ее распределения проявлялось противоречие между зарождающейся промышленной буржуазией и землевладельцами. Экономический рост определяется накоплением капитала, а значит, зависит от нормы прибыли, и поэтому все, что способствует снижению прибыли капиталистов, препятствует накоплению капитала. «Если мы принимаем величину излишка за данную, то прибыль падает, когда земельная рента возрастает» (Ронкалья, 2018: 227). Прогрессивными считались взгляды тех ученых, которые полагали, что рента представляет собой несправедливо получаемый доход ввиду монополии земельных собственников на землю.

Для доказательства справедливости или несправедливости требовалось научное обоснование, подкрепляющее или опровергающее ту или иную позицию. В этой связи интересно рассмотреть взгляды Т. Мальтуса и Д. Рикардо, которые предложили наиболее обоснованные гипотезы о природе ренты и ее происхождении. Как уже отмечалось, в 1815 году Мальтус издал трактат «Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах, ее регулирующих», в котором он предложил свой вариант определения ренты как экономической категории.

Мальтус полагал, что земельной рентой может считаться «...та часть ценности всего продукта, которая остается собственнику земли за уплатой всех расходов... включая сюда и прибыли на затраченный капитал, соответственно с обычным и обыкновенным уровнем прибылей на земледельческий капитал в данное время» (Мальтус, 1908: 1).

Непосредственной причиной существования ренты Мальтус считал «...излишек цены над издержками производства, по которой сырой продукт продается на рынке» (Мальтус, 1908: 2). В то же время он указывал на три основные причины высоких цен на зерно. Первую причину Мальтус видел в производительном качестве земли, «...благодаря которому она может дать большее количество продуктов для жизни...» в сравнении с издержками производства этих продуктов. Вторая причина состояла в том, что произведенный излишек сельскохозяйственных продуктов может порождать «...спрос на самих себя или увеличивать число желающих получить их пропорционально с количеством произведенных средств необходимости» (Мальтус, 1908: 5–6). Другими словами, чем больше производилось продуктов питания, тем более увеличивалось население страны, здесь Мальтус имеет в виду сформулированный им закон народонаселения. Третья причина виделась Мальтусу в сравнительной редкости плодородных земель (Мальтус, 1908: 5–6). В силу указанных Мальтусом причин земельная рента представляла объективным необходимым институтом, не несущим в себе негативных издержек для общества. Такая позиция Мальтуса показывала, что «...он рыцарь феодальной аристократии» (Гордеев, 1924: 24).

Рикардо был в корне не согласен с такой позицией, так как он считал, что рента образуется благодаря другим причинам. В частности, он утверждал, что рента возникает из-за разности в плодородии различных земельных участков: «Когда с развитием общества поступают в обработку земли второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков» (Рикардо, 2008: 114). Данное высказывание лишнее раз подтверждает, что Рикардо являлся сторонником дифференциальной ренты и оспаривал существование абсолютной ренты, которую Мальтус как раз признавал.

Трактовка Зибером теории ренты Рикардо

Как уже отмечалось, основной задачей своей статьи Зибер считал защиту позиции Рикардо в вопросе земельной ренты от критики ее оппонентов. Вначале Зибер вслед за Рикардо формулирует три гипотезы происхождения ренты, которые, по сути, являются основными элементами концепции дифференциальной ренты. Согласно первой гипотезе рента образуется на лучших землях при переходе к обработке относительно худших участков земли. Рост населения и нехватка продовольствия вынуждает приступать к использованию земель «худшего плодородия». Вторая гипотеза сводится к возникновению ренты при дополнительном вложении капитала: «Рента и тут остается разницею между количествами продукта, полученными вследствие равных количеств капитала и труда» (Зибер, 1870: 5). Третья гипотеза происхождения ренты предполагает, что лучшие земли обрабатываются раньше, чем другие земельные участки: «Меновая ценность всякого продукта всегда определяется по наибольшему количеству труда, затраченного при самых неблагоприятных условиях...» (Зибер, 1870: 5).

Стоит отметить, что свою работу Зибер строил, опираясь в первую очередь на работы Рикардо, в которых затрагивались вопросы ренты. Речь идет, по существу, о двух работах Рикардо, а именно: «Опыт о влиянии низкой цены хлеба...» (1815) и «Начала политической экономии» (1817). В этих трудах Рикардо прямо или косвенно полемизировал с Мальтусом относительно сущности ренты и принципов ее распределения. Поэтому становится понятным, почему Зибер, отстаивая позицию Рикардо, критикует в первую очередь подход Мальтуса к вопросам ренты.

Касаясь причин ренты, приводимых Мальтусом, в частности первого довода, Зибер замечал, что чрезвычайно странно слышать, что земледелие приносит большие выгоды, нежели другие отрасли промышленности, вследствие того что земля дает излишек» (Зибер, 1870: 6). Тем самым Зибер вслед за Рикардо отстаивал принцип равноценности

факторов производства. Еще физиократы отстаивали эту позицию, предполагающую большую значимость земли как фактора производства, который помимо прочего самостоятельно повышает урожайность в земледелии, обеспечивая производство чистого продукта: «Рента никогда не составляет нового дохода, она всегда часть дохода уже существующего» (Зибер, 1870: 5–6).

При этом не стоит забывать, что Рикардо сам был крупным землевладельцем, и в его классовых интересах было бы логичным оправдывать присвоение земельной ренты. Однако он подходил к вопросу о ренте с объективных позиций ученого, для которого важен поиск истины, а не обоснование классовых интересов. Рикардо по этому поводу писал: «...ясно, что интересы землевладельцев всегда находятся в прямой противоположности с интересами каждого другого класса общества» (Рикардо, 1908: 108–109).

Учение о ренте Рикардо основывается на следующем определении этой категории: «Рента есть та часть земледельческого продукта, которую платят собственнику за право эксплуатировать производительные и неистощимые свойства почвы» (Рикардо, 2008: 112). Зибер считал, что ренту неправомерно смешивают с процентом и прибылью ввиду их схожей формы проявления, а в обычной речи под рентой подразумевают годовую платеж фермера собственнику (Зибер, 1870: 3).

Другим очень важным вопросом в теории Рикардо, по мнению Зибера, был вопрос о том, считать ли ренту доходом, вновь созданным или только перенесенным «...из одних рук в другие...» (Зибер, 1870: 22). Здесь Зибер всецело поддерживает позицию Рикардо. Рикардо считал ренту доходом, перенесенным от одних (фермеров) к другим (землевладельцам). «Словом, рента, у Рикардо будучи прибылью, прибытком для одной стороны, вступающей в меновую сделку, есть не иное что, как убыток для другой» (Зибер, 1870: 23).

Далее Зибер, вслед за Рикардо, делает вывод о том, какая на самом деле категория является важнейшей для экономики страны с точки зрения прироста национального дохода. «Прибыль есть чистый доход общества, она соответствует лишним часам труда всей совокупности или большинства народонаселения» (Зибер, 1870: 23).

В этом высказывании заключается основной идеологический посыл, направленный против землевладельцев. Раз прибыль создается при использовании капитала, то значит, владельцы этого капитала пусть и косвенно, посредством эксплуатации наемных работников, способствуют приросту общественного благосостояния: «Абсолютный же, общественный излишек – прибыль на капитал...» (Зибер, 1870: 23).

В свою очередь, рента не имеет такого народнохозяйственного значения, а служит лишь инструментом перераспределения, а не прироста национального дохода. Зибер констатирует, что «рента для народного хозяйства в целом равняется нулю» (Зибер, 1870: 24). Французские историки экономической мысли Ш. Жид и Ш. Рист отмечали, что доктрина Рикардо показывает, что «...интересы землевладельца находятся в оппозиции не только с интересами других классов, участвующих в дележе социального дохода, антагонизм неизбежен между участниками дележа, но также с общими интересами общества» (Жид, Рист, 1995: 128). Возможно, и сам того не желая, Рикардо показал паразитический характер класса землевладельцев.

Критика теории ренты Рикардо

Теория ренты Рикардо со времени своего появления считалась прогрессивной, так как в ней обосновывалась идея о несправедливости земельной ренты, взимаемой английскими лендлордами, в силу того что последние не принимали никакого участия в процессе сельскохозяйственного производства. Однако в дальнейшем правящий класс увидел определенную опасность тезисов Рикардо, правда, уже в отношении капиталистов, присваивающих ренту, например, в силу своего монопольного положения. В результате эта теория вызвала идеологическое противодействие со стороны ряда уче-

ных, увидевших в ней теорию борьбы против господствующего класса капиталистов. Зибер по этому поводу отмечал, что «не трудно видеть, что противники эти не соглашались с Рикардо большей частью потому, что не умели или не желали принять в расчет поставленных им условий» (Зибер, 1870: 3).

Так, например, известный американский экономист XIX века Г. Кэри открыто утверждал, что теория ренты Рикардо – это теория классовой борьбы. В частности, он писал, что «сочинения его [Рикардо. – А.Д.] есть настольная книга для демагога, стремящегося к власти путем войны, грабежа и аграрных беспорядков» (Кэри, 1869: 526).

Помимо идеологических претензий по отношению к теории ренты Рикардо, Кэри предъявлял к ней и сущностные замечания. Так, он считал, что у Рикардо является ложным основной посыл его теории, согласно которому рента возникает при переходе к обработке относительно худших участков земли. По мнению Кэри, в действительности все было наоборот, сначала приступали к обработке беднейшей почвы, а «...с развитием богатства и народонаселения всегда брались за богатейшую...» (Кэри, 1869: 517). В силу ложного основания, как полагал Кэри, теория Рикардо «...должна подпасть заслуженному забвению» (Кэри, 1869: 517). Однако широкая популярность теории Рикардо или, как выражался Кэри, «господство над общественным мнением», вынуждала его уделять значительное внимание критике этой теории. Думается, что подобные упреки американского ученого в принципе имеют под собой основания, но не ставят под сомнение основное аналитическое содержание системы Рикардо. Это известный прием критиков: когда у них нет серьезных аргументов для критики по существу, то они начинают придирается к мелким, техническим и, по сути, несущественным деталям. Главное состоит в том, что рента возникает в силу разности издержек на разных по плодородию участках земли, а вопрос о том, как возникает эта разница, является второстепенным.

Кроме того, Кэри был не согласен с Рикардо в том, что рента представляет собой самостоятельную экономическую категорию, и считал ее не чем иным, как прибылью с затраченного в сельском хозяйстве капитала. Зибер обращал внимание на это утверждение американского экономиста: «Поземельная рента и прибыль с капитала суть, следовательно, по Кэри, одно и то же» (Зибер, 1870: 35). По мнению русского ученого В.А. Фукса, такой подход к пониманию ренты страдает однобоким взглядом на ее природу, так как, например, «...владелец участка естественного плодородия и лежащего вблизи от рынка сбыта, может получать высокую ренту, хотя бы он не затратил на этот участок ровно никакого капитала» (Фукс, 1871: 44). Поэтому нельзя сводить ренту только к формальному получению прибыли, забывая о том, что она возникает из-за разности в плодородии различных земельных участков.

В России также критиковали теорию ренты Рикардо, но это, если так можно выразиться, поддерживающая критика, а, по сути – несущественные замечания, которые делались ради объективности. Например, советский ученый-экономист Л. Любимов, занимавшийся изучением проблем рентных отношений, ставил в упрек Рикардо его формулировку ренты. Так, он утверждал, что «определение ренты Рикардо, к сожалению, не свободно от одного очень серьезного и крупного недостатка. Он утверждает, что рента платится за “пользование первоначальными неистощимыми свойствами почвы”» (Любимов, 1927: 44). Неправ, по мнению Любимова, Рикардо в том, что «...таких “неистощимых” свойств почвы вообще нет» (Любимов, 1927: 44). Скорее всего, Рикардо имел в виду естественное плодородие, свойственное земле, которое при должном бережливом подходе позволяло обрабатывать земельные участки столетиями и тысячами. Очевидно, такая «критика» была направлена более на популяризацию идей Рикардо, нежели на их ниспровержение.

Однако в русской экономической литературе была представлена и более серьезная критика Рикардо. Наиболее последовательная критика теории ренты Рикардо представлена у великого русского философа, экономиста и богослова С.Н. Булгакова.

Справедливости ради стоит отметить, что Булгаков позднее писал свои работы, но его критика была созвучна мыслям Зибера. Булгаков считал, что главный вопрос, возникающий относительно ренты, состоит в следующем: «...есть ли рента ценность и, eo ipso, прибавочная ценность?» (Булгаков, 1900: 91). Этот вопрос составлял, по мысли Булгакова, «болезненное место политической экономии». Проблема состоит в том, как определяется у Рикардо цена продуктов сельскохозяйственного производства. Как уже было отмечено, Рикардо полагал, что себестоимость продуктов земледелия определяется затратами на относительно худших земельных участках. Именно это обстоятельство больше всего противоречило трудовой теории стоимости. «Мы видели, как создается цена земледельческого продукта, – она всегда определяется наименее благоприятными условиями производства, здесь отрицается трудовая ценность в самой основе» (Булгаков, 1900: 92). Булгаков считает, что такое определение ренты Рикардо не может относиться к трудовой теории стоимости. Для соблюдения методологического единства рента не может возникать как разница в издержках производства на относительно лучших и худших участках. Рента должна возникать на основе общественно необходимых затрат, то есть нужно отталкиваться от средних издержек. Зибер также ставил в упрек Рикардо его нежелание обращаться к средним значениям в своих теоретических конструкциях. Так, он эмоционально восклицал: «...неужели ничего не значат средние числа, нейтрализующие все плюсы и минусы» (Зибер, 1870: 38).

Действительно, Рикардо в формулировании ренты вступал в противоречие с принципами теории трудовой стоимости; Булгаков и Зибер правы, обвиняя его в непоследовательности. Однако, как представляется, Рикардо исходил в своих научных изысканиях из практического применения своих научных гипотез. Из-за его попытки совместить процесс формирования средней нормы прибыли с трудовой теорией стоимости его теория стоимости была внутренне противоречивой. Поэтому американский экономист Дж. Стиглер справедливо утверждал, что трудовая теория стоимости Рикардо является таковой только на 93% (Stigler, 1958). Тем не менее выдающийся советский философ Э.В. Ильенков отмечал, что нельзя говорить, что данное противоречие является результатом ошибок, допущенных Рикардо в процессе теоретического выражения стоимости: «Это есть прямое и непосредственное выражение диалектики самих явлений» (Ильенков, 1960: 237). Вот эта диалектика проявилась у Рикардо и при формулировании теории ренты.

Только в случае ренты, если рассматривать экономическую практику, скорее прав Рикардо, чем Булгаков. Дело в том, что, говоря о земле или природных ресурсах, не стоит оперировать понятиями средних величин. Определить средние затраты здесь невозможно, так как все земельные участки или месторождения являются очень разнообразными по местоположению, плодородию, качеству полезных ископаемых и т.д. С этой проблемой сталкивались и советские экономисты, и современные российские при попытках определения ренты на нефтяных месторождениях. Невозможно было определить какое-то среднее месторождение нефти, они все были очень своеобразными.

Заключение

Теория ренты Рикардо представляет собой один из самых глубоко разработанных теоретических вопросов в классической политической экономии, что объясняет ее выбор Зибером в качестве объекта своего первого научного исследования. Несмотря на присущие этой теории Рикардо противоречия и недостатки, она сыграла заметную роль в развитии классической политической экономии. Маркс, по сути, взял теорию Рикардо в качестве основы для своей теории, при этом дополнил ее и обогатил, встроив в свою концепцию прибавочной стоимости. Благодаря Рикардо в политической экономии проблема ренты стала рассматриваться не как сугубо технический вопрос

распределения дохода между арендатором и землевладельцем, а как важнейший инструмент перераспределения общественного богатства. Главный вклад Рикардо в теорию ренты состоит не в том, что он объяснил природу ренты и ее происхождение, так как его объяснение ренты вторично, а в том, что ему удалось встроить эту категорию в свою аналитическую систему, объясняющую функционирование народного хозяйственного механизма. Главной категорией, объясняющей воспроизводство, у Рикардо является прибыль: именно благодаря ей происходит накопление капитала и, следовательно, поступательное экономическое развитие. Рента же является, по сути, изъятием из прибыли капиталистов, и поэтому ее рост тормозит накопление и, следовательно, экономический рост.

В своей статье Зибер отстаивает ту же позицию, опровергая критические замечания оппонентов, пытавшихся оспорить правоту Рикардо. Основной вывод состоит в том, что рента возникает на относительно более плодородных землях в результате того, что нехватка продовольствия вынуждает приступать к обработке относительно менее плодородных земель. Следовательно, цены на хлеб должны быть таковыми, чтобы компенсировать затраты на обработку наименее плодородных земель.

Литература

- Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд, 720 с.
- Вощинин, А. И. (1882). *Изложение и критический разбор важнейших экономических теорий ренты*. Харьков: Университетская типография, 238 с.
- Гордеев, Г. С. (1924). *Теория земельной ренты Рикардо. Введение в изучение теории земельной ренты Карла Маркса*. Ростов н/Д.; Краснодар: Буревестник.
- Дубянский, А. Н. (2011). Русские экономисты конца XIX – начала XX в. о влиянии Крестьянской реформы 1861 г. на развитие сельского хозяйства России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*, (2), 18–27.
- Дубянский, А. Н. (2016). Зибер и Воронцов о капиталистическом пути развития России // *Terra Economicus*, 14 (4), 107–118. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-107-118
- Жид, Ш., Рист, Ш. (1995). *История экономических учений*. М.: Экономика, 544 с.
- Зибер, Н. И. (1870). К учению о ренте // *Университетские Известия*, (5), 39 с.
- Зибер, Н. И. (1885). *Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования*. СПб.: Изд. Стасюлевича.
- Ильенков, Э. В. (1960). *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М.: Издательство АН СССР, 290 с.
- Кенэ, Ф. (2008). Анализ экономической таблицы, с. 350–366 / В кн.: Кенэ, Ф., Тюрго, А. Р. Ж., Дюпон де Немур, П. С. *Физиократы. Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо, 1200 с.
- Клюкин, П. Н. (2007). Ревизия неорикардianской теории ценности и распределения: новые свидетельства и новые горизонты // *Вопросы экономики*, (5), 117–137.
- Кулишер, И. М. (1904). Исторические основы учения Рикардо о ренте // *Русское богатство*, (7), 113–144.
- Кэри, Г. Ч. (1869). *Руководство к социальной науке*. СПб.: Изд. кн. Шаховской, 704 с.
- Любимов, Л. Я. (1927). *Учение о ренте*. М.; Л.: Госуд. изд-во, тип. «Красный пролетарий» 501 с.
- Мальтус, Т. (1908). Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах, ее регулирующих / В кн.: *Трактаты Мальтуса и Рикардо о ренте*. Юрьев: Типография К. Маттисена.
- Милль, Дж. С. (2007). *Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии*. М.: Эксмо, 1040 с.

- Расков, Д. Е. (2016). Н.И. Зибер как кабинетный экономист-антрополог // *Terra Economicus*, 14 (4), 92–106. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-92-106
- Расков, Д. Е. (2018). Кем был Н.И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии // *Вопросы экономики*, (4), 111–128.
- Рикардо, Д. (2008). *Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное*. М.: Эксмо, 960 с.
- Рикардо, Д. (1882). *Сочинения Давида Рикардо*. СПб.: Л.Ф. Пантелеев.
- Рикардо, Д. (1908). Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, показывающий нецелесообразность ограничений ввоза, а также замечания по поводу двух последних сочинений г-на Мальтуса: «Исследования о природе и развитии ренты» и «Основы взгляда на политику ограничения ввоза иностранного хлеба» / В кн.: *Трактаты Мальтуса и Рикардо о ренте*. Юрьев: Типография К. Маттисена.
- Роббинс, Л. (2013). *История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики*. М.: Изд. Института Гайдара, 496 с.
- Роджерс, Дж. (1899). *История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век*. СПб.: Тип. СПб. АО «Издатель», 476 с.
- Ронкалья, А. (2018). *Богатство идей: история экономической мысли*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 656 с.
- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 960 с.
- Тойнби, А. (1898). *Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии*. М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 331 с.
- Фукс, В. А. (1871). *Исследование теории поземельной ренты*. М.: Типография Грачёва и К°, 159 с.
- Широкоград, Л. Д. (2018). Н. Зибер и К. Маркс в истории дореволюционной российской экономической мысли // *Вопросы экономики*, (4), 95–110.
- Янсон, Ю. Э. (1864). *Значение теории ренты Рикардо в науке политической экономии: Рассуждение на степ. магистра полит. экономии и статистики адъюнкт-проф. Горыгорец. земледел. ин-та Ю. Янсона*. СПб.: Тип. М. Хана, 184 с.
- Яцкий, С. А. (2017). Теория ренты Д. Рикардо и современность // *Вестник Югорского государственного университета*, (2), 43–48.
- Anderson, J. (1777). *An Enquiry into the Nature of the Corn Laws, with a view to the new Corn Bill proposed for Scotland*. Edinburgh: Mundell.
- Fratini, S. M. (2012). A remark on intensive rent differential and the labour theory of value in Ricardo // *Bulletin of Political Economy*, (6), 133–147.
- Jones, R. (1831). *An essay on the distribution of wealth and on the sources of taxation*. Reprinted in New York: A.M. Kelley, 1967.
- Malthus, T. R. (1815a). *An inquiry into the nature and progress of rent and the principles by which it is regulated*. London: John Murray, 1815. Reprinted in The Works of Thomas Robert Malthus, o. c., vol. 7.
- Malthus, T. R. (1815b). *The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importations of Foreign Corn*. London: John Murray, 1815. Reprinted in The Works of Thomas Robert Malthus, o. c., vol. 7.
- Montani, G. (1972). La teoria ricardiana della rendita // *LiIndustria*, (3-4), 221–243.
- Stigler, G. (1958). Ricardo and the 93% labor theory of value // *The American Economic Review*, XLVIII (3).
- Torrens, R. (1815). *An essay on the external corn trade*. London: J. Hatchard. Reprinted in New York: A.M. Kelley, 1972.

- Pasinetti, L. L. (2014). Sur L'origine de la Théorie de la Rente en Économie, pp. 31–53 / In: D. Leeman, F. Tricou (eds.) *Economie, mathématique et histoire*. Nanterre: Presses Universitaires de Paris Ouest.
- Steedman, I. (1982). Joint production and the wage-rent frontier // *Economic Journal*, 92, 377–385.
- Vidonne, P. (1977). Une Présentation Critique de la Rente Ricardienne // *Revue Economique*, 28, 227–239.
- West, E. (1815). *Essay on the Application of Capital to Land with observations Shewing the Impolicy of any great Restrictions of the Importations of Corn and that the Bounty of 1688 did not Lower the Price of it*. London: T. Underwood. Reprinted in Baltimore: The Lord Baltimore Press, 1903. (<http://phare.univ-paris1.fr/>).

References

- Anderson, J. (1777). *An Enquiry into the Nature of the Corn Laws, with a view to the new Corn Bill proposed for Scotland*. Edinburgh: Mundell.
- Blaug, M. (1994). *Economic Theory*. Moscow: Delo Ltd Publ., 720 p.
- Carey, G. C. (1869). *Manual to Social Science*. Saint Petersburg: Kn. Shakhovskoi Publ., 704 p.
- Dubyanskiy, A. (2011). Russian economists of the late XIX – early XX century on the influence of the peasant reform of 1861 on the development of agriculture of Russia. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 5. Economy*, (2), 18–27. (In Russian.)
- Dubyansky, A. (2016). Sieber and Vorontsov on the capitalist path of development of Russia. *Terra Economicus*, 14 (4), 107–118. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-107-118. (In Russian.)
- Fratini, S. M. (2012). A remark on intensive rent differential and the labour theory of value in Ricardo. *Bulletin of Political Economy*, (6), 133–147.
- Fuchs, V. A. (1871). *The Study of the Theory of Land Rent*. Moscow: Printing House of Grachev and Co, 159 p. (In Russian.)
- Gordeev, G. S. (1924). *Ricardo's Theory of Land Rent. Introduction to the Study of Karl Marx's land rent theory*. Rostov-on-Don; Krasnodar: Burevestnik Publ. (In Russian.)
- Ilyenkov, E. V. (1960). *The Dialectics of the Abstract and the Concrete in «Capital» Marx*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 290 p. (In Russian.)
- Jones, R. (1831). *An essay on the distribution of wealth and on the sources of taxation*. Reprinted in New York: A.M. Kelley, 1967.
- Klyukin, P. N. (2007). Revision of the Neo-Ricardian theory of value and distribution: New evidence and new perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, (5), 117–137. (In Russian.)
- Kulisher, I. M. (1904). The Historic Basis of the Doctrine of Ricardo on Rent. *Russian Wealth*, (7), 113–144. (In Russian.)
- Lyubimov, L. (1925). *The Doctrine of Rent*. Moscow; Leningrad: State Publishing House, Printing House «Krasnyi Proletariat», 501 p. (In Russian.)
- Malthus, T. (1908). Research on the nature and development of rent, as well as on the principles of its regulation / In: *Treatises of Malthus and Ricardo on Rent*. Yuriev: Printing House of K. Mattisen. (In Russian.)
- Malthus, T. R. (1815a). *An inquiry into the nature and progress of rent and the principles by which it is regulated*. London: John Murray, 1815. Reprinted in The Works of Thomas Robert Malthus, o. c., Vol. 7.
- Malthus, T. R. (1815b). *The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importations of Foreign Corn*. London: John Murray, 1815. Reprinted in The Works of Thomas Robert Malthus, o. c., Vol. 7.

- Mill, J. S. (2007). *Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy*. Moscow: Eksmo Publ., 1040 p. (In Russian.)
- Montani, G. (1972). La teoria ricardiana della rendita. *LiIndustria*, (3-4), 221–243.
- Pasinetti, L. L. (2014). Sur l'origine de la Théorie de la Rente en Économie, pp. 31–53 / In: D. Leeman, F. Tricou (eds.) *Economie, mathématique et histoire*. Nanterre: Presses Universitaires de Paris Ouest.
- Quesnay, F. (2008). Analysis of the Economic Tables, pp. 350–366 / In: Quesnay, F., Turgot, A. R. J., DuPont de Nemours, P. S. *Physiocrats. Selected Writings on Economics*. Moscow: Eksmo Publ., 1200 p. (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2016). N.I. Sieber as an armchair economic anthropologist. *Terra Economicus*, 14(4), 92–106. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-92-106. (In Russian.)
- Raskov, D. E. (2018). Who was Nikolai Sieber? Contexts of intellectual biography. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 111–128. (In Russian.)
- Ricardo, D. (1882). *Works of David Ricardo*. Saint Petersburg: L.F. Panteleev Publ. (In Russian.)
- Ricardo, D. (1908). Experience on the impact of the low price of bread on capital gains, showing the inexpediency of import restrictions, as well as comments on Mr. Malthus' last two works: «Studies on the Nature and Development of Rent» and «Fundamentals of the View on the Policy of Restricting the Import of Foreign Bread» / In: *Treatises by Malthus and Ricardo on Rent*. Yuriev: Printing House of K. Mattisen. (In Russian.)
- Ricardo, D. (2008) *Principles of Political Economy and Taxation*. Selected Works. Moscow: Eksmo Publ., 960 p. (In Russian.)
- Robbins, L. (2013). *History of Economic Thought: Lectures at the London School of Economics*. Moscow: Gaidar Institute Press, 496 p. (In Russian.)
- Rogers, G. (1899). *History of Labor and Wages in England from XIII to XIX Century*. Saint Petersburg: Printing House of Saint Petersburg JSC «Izdatel», 476 p.
- Roncalia, A. (2018). *The Wealth of Ideas: A History of Economic Thought*. Moscow: HSE Publishing House, 656 p.
- Shirokorad, L. D. (2018). Nikolay Sieber in the history of prerevolutionary Russian economic thought. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 95–110. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1870). On the Doctrine of Rent. *Universitetskie Izvestiya*, (5), 39 p. (In Russian.)
- Sieber, N. I. (1885). *David Ricardo and Karl Marx and their Socio-Economic Research. Experience of Critical Economic Research*. Saint Petersburg: Stasulevich Publ. (In Russian.)
- Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: Eksmo Publ., 960 p. (In Russian.)
- Steedman, I. (1982). Joint production and the wage-rent frontier. *Economic Journal*, 92, 377–385.
- Stigler, G. (1958). Ricardo and the 93% labor theory of value. *The American Economic Review*, XLVIII (3).
- Torrens, R. (1815). *An essay on the external corn trade*. London: J. Hatchard. Reprinted in New York: A.M. Kelley, 1972.
- Toynbee, A. (1898). *Industrial Revolution of the 18th Century in England*. Moscow: Printing House of A.G. Kolchugin, 331 p. (In Russian.)
- Vidonne, P. (1977). Une Présentation Critique de la Rente Ricardienne. *Revue Economique*, 28, 227–239.
- Voschinin, I. (1882). *Presentation and Critical Analysis of the Most Important Economic Theories of Rent*. Kharkov: University Printing House, 238 p. (In Russian.)

-
- West, E. (1815). *Essay on the Application of Capital to Land with observations Shewing the Impolicy of any great Restrictions of the Importations of Corn and that the Bounty of 1688 did not Lower the Price of it*. London: T. Underwood. Reprinted in Baltimore: The Lord Baltimore Press, 1903. (<http://phare.univ-paris1.fr/>).
- Yanson, Yu. E. (1864). *The Role of Ricardo's Rent Theory in the Science of Political Economy: Reasoning for Submission of the Scientific Degree in Political Economy and Statistics by the adjunct professor Grygorets, Agricultural University of Yu. Yanson*. Saint Petersburg: Printing House of M. Khan, 184 p. (In Russian.)
- Yatsky, S. A. (2017). D. Ricardo's theory of rent and modernity. *Yugra State University Bulletin*, (2), 43–48. (In Russian.)
- Zhid, Sh., Rist, Sh. (1995). *History of Economic Doctrines*. Moscow: Ekonomika Publ., 544 p. (In Russian.)

Оценка устойчивости развития региональных экономик на основе расстояний Махаланобиса

Марина Юрьевна Малкина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: mmuri@yandex.ru

Цитирование: Малкина, М. Ю. (2020). Оценка устойчивости развития региональных экономик на основе расстояний Махаланобиса // *Terra Economicus*, 18(3), 140–159. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159

Цель настоящего исследования – оценка устойчивости развития регионов Российской Федерации с использованием методологии расстояний Махаланобиса. В исследовании тестируется ряд гипотез о связи устойчивости развития с его уровнем и темпом, а также степенью открытости и отраслевой диверсификации экономики. Исследование основано на данных Федеральной службы государственной статистики РФ по 83 российским регионам за 2000–2017 годы. В качестве частных показателей устойчивости развития использовались доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, фактическое конечное потребление домашних хозяйств, инвестиции в основной капитал, экспорт и импорт – в расчете на душу населения. Приведение частных показателей развития к композитному показателю осуществлено путем расчета расстояний Махаланобиса, демонстрирующих среднюю нормированную дистанцию региона до некоего центра. Построение для каждого региона временных регрессий расстояний Махаланобиса позволило отделить устойчивый тренд их развития от циклической компоненты. Абсолютный и относительный уровни неустойчивости экономики региона оценивались на основе СКО остатков этих регрессий и его отношения к среднему расстоянию Махаланобиса региона за весь период. Для проверки гипотез использовалось построение многофакторных регрессий на пространственных выборках регионов. В ходе исследования были получены оценки уровня и темпа развития, а также абсолютной и относительной устойчивости для пяти частных показателей и композитного показателя развития регионов Российской Федерации. Обнаружена положительная и достаточно высокая связь между уровнем развития регионов и его неустойчивостью. Выявлено, что наименее устойчивыми являются ряд динамично развивающихся добывающих регионов РФ: Тюменская и Сахалинская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, а также Калужская область с развитой обрабатывающей отраслью. Наиболее устойчивыми являются некоторые регионы европейской части России с достаточно диверсифицированной экономикой и невысоким уровнем развития (Чувашская Республика, Ульяновская, Пензенская и Кировская области). В ходе исследования были подтверждены гипотезы о положительной связи неустойчивости развития с его уровнем и темпом, а также степенью открытости экономики, и об отрицательной связи

неустойчивости развития с уровнем отраслевой диверсификации экономики. Полученные результаты и сделанные выводы могут быть полезными при управлении устойчивым развитием российских регионов.

Ключевые слова: регион; устойчивое развитие; нестабильность; регрессия; расстояние Махаланобиса

Благодарность: Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056.

Assessment of resilient development of the regional economies based on Mahalanobis distances

Marina Yu. Malkina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University
Nizhni Novgorod, Russia, e-mail: mmuri@yandex.ru

Citation: Malkina, M. Y. (2020). Assessment of resilient development of the regional economies based on Mahalanobis distances. *Terra Economicus*, 18(3), 140–159. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159

The purpose of this study is to assess the resilience of the development of the Russian regions using the Mahalanobis distance methodology. I test a number of hypotheses about the relationship between resilient development and its level, rate, and the degrees of economic openness and sectoral diversification of the economy. The study relies on the data provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation on 83 Russian regions from 2000 to 2017. The level of economic resilience was determined using five particular indicators per capita: the revenue of the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation, the actual final consumption of households, the investments of firms in fixed assets, exports and imports. Bringing partial indicators of development to a single indicator was carried out by calculating the Mahalanobis distances, demonstrating the average normalized distance of the region to a particular center. The construction of temporal regressions of the Mahalanobis distances for each region made it possible to separate the stable trend of their development from the cyclical component. To assess the absolute and relative levels of the instability of regional development, I used the standard deviation of the residuals of these regressions and its ratio to the time-average Mahalanobis distance of each region. To test the hypotheses, I constructed multivariate regressions based on spatial samples of regions. As a result of the study, I obtain assessments of the level and rate of development, as well as the levels of absolute and relative stability, both for 5 particular indicators and for a composite indicator in all Russian regions. A positive and rather high correlation was found between the level of regional development and its absolute instability. Among the least stable, I found a number of dynamically developing mining regions of the Russian Federation, such as the Tyumen and Sakhalin regions, the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrug, but also the Kaluga region with a developed manufacturing industry. Some of the less developed regions of the European part of

Russia with a fairly diversified economy (Chuvash Republic, Ulyanovsk, Penza and Kirov regions) turned out to be the most stable. The study confirmed the hypotheses about a positive relationship between the degree of development instability and its level and rate, as well as the degree of openness of the economy, and about the negative relationship between the instability and the level of sectoral diversification of the economy. The results of the study can be useful in managing the resilient development of Russian regions.

Keywords: *region; resilient development; instability; regression; Mahalanobis distance*

Acknowledgment: *The study was carried out within the framework of the basic part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 0729-2020-0056.*

JEL codes: *O11, R11*

Постановка проблемы и обзор исследований по теме

Оценка устойчивости развития региональных экономик, анализ факторов этого развития – важные теоретические и методологические проблемы, от решения которых зависит выполнение ряда практических задач, связанных с управлением долгосрочным экономическим развитием субъектов РФ. Ввиду разнообразия социально-экономических, ресурсно-географических и прочих условий развития российских регионов, для них, естественно, не может быть и единых рецептов экономической политики. Между тем сравнительный анализ паттернов развития регионов и факторов, их определяющих, позволяет выявить как общие, так и специфические проблемы развития российских регионов. При этом следует решить ряд вопросов теоретико-методологического плана.

Прежде всего, у ученых не сложилось единого мнения относительно *определения устойчивости экономического развития*. В литературе встречается по крайней мере два разных подхода к пониманию устойчивого развития страны или региона.

Согласно первому подходу, под устойчивым (sustainable), или инклюзивным (inclusive), понимается такое развитие, которое сопровождается минимизацией негативных внешних эффектов: загрязнения окружающей среды, истощения ресурсов, роста неравенства и бедности. Существует целый класс работ, где получены оценки уровня устойчивого развития в традиционном понимании по разным методикам для разных стран и регионов (Барина, Земцов, 2019; Rahma et al., 2019; Glazyrina, Lavlinskii, 2017).

Согласно второму подходу, под устойчивым (resilient) развитием понимается как сопротивляемость экономики внешним шокам (resistance), так и ее способность восстанавливать равновесие (recovery) (Martin, 2012). Один из основателей теории экономической устойчивости К. Фостер трактовал ее как способность региона предвидеть шоки, быть готовым к ним, реагировать и восстанавливаться после возмущения (Foster, 2007: 14). Другие исследователи (Hill et al., 2008: 4), стоявшие у истоков концепции, связывали устойчивость экономики с ее способностью выходить на новую траекторию роста и противостоять «сбрасыванию» с этой траектории. В работе современных исследователей (Modica, Reggiani, 2015) различается собственно устойчивость (resilience), измеряемая через скорость возвращения экономики к своему равновесию по-

сле шока, и уязвимость (*vulnerability*), которая характеризуется распространением шоков в сети.

Один из основателей современной теории устойчивости экономических систем Р. Мартин (Martin, 2012) предложил соединить ее с понятием гистерезиса в экономике (переходом экономики из одного устойчивого равновесия в другое) и связал устойчивость со способностью экономики адаптировать свою структуру (фирменную, отраслевую, технологическую и институциональную) к новому паттерну развития. Р. Мартин предложил четыре измерения региональной устойчивости: 1) сопротивляемость (*resistance*) – степень чувствительности или глубина реагирования региональной экономики на кризисный шок, оцениваемая масштабом спада производства, сокращения рабочих мест; 2) восстановление (*recovery*) – скорость и степень возобновления экономической активности после рецессии, степень возврата к прежней траектории роста; 3) переориентация (*re-orientation*) – степень адаптации экономики региона после шока путем изменения в отраслевой и технологической структурах, структуре рабочей силы, бизнес-моделях, рабочих процессах и т.д.; 4) обновление (*renewal*) – степень выхода экономики на прежний или новый гистерезисный путь роста.

Достаточно подробный анализ подходов разных авторов к устойчивости экономического развития можно найти в работе (Климанов и др., 2018). При этом важно отметить отсутствие у исследователей как теоретического, так и методологического единства в определении и способах оценки устойчивости развития экономики (Bailey, Turok, 2016). В частности, остается нерешенным вопрос, как отделить естественное развитие региона от его реакции на внешний шок (Van Bergeijk et al., 2017: 5).

В настоящей работе мы придерживаемся инструментального подхода к устойчивости, трактуя ее как способность экономики развиваться вблизи долгосрочного тренда. В то же время под неустойчивостью мы понимаем значительные колебания вокруг этого тренда (причем как выше, так и ниже его).

Важной методологической проблемой является *измерение уровня устойчивости* развития страны или региона. Ее решение порождает ряд частных вопросов. Прежде всего, необходимо выяснить, на основе каких показателей, собственно, следует оценивать устойчивость.

Достаточно большая группа исследователей предлагает измерять устойчивость на основе одного показателя, в наибольшей степени отражающего динамику экономических процессов. Обычно в качестве единого показателя устойчивости предлагается уровень занятости, реже – темп экономического роста, измеряемый на основе динамики реального ВВП или ВРП (Martin, 2012; Navarro-Espigares et al., 2012; Lagravinese, 2015; Giannakis, Bruggeman, 2020). Предпочтение уровня занятости объясняется разными причинами. Прежде всего, он доступен в поквартальном представлении (Duran, Fratesi, 2020: 215), тогда как ВРП часто имеет только годовое выражение. Кроме того, уровень занятости и ВВП изменяются синхронно, поэтому первый вполне может использоваться как заменитель второго. Другой аргумент представлен в работе (Fingleton et al., 2012): последние рецессии в развитых странах сопровождались более глубоким и длительным падением занятости, чем объемов производства. Однако этот аргумент уже в меньшей степени подходит для России.

В работах, где используется единый показатель занятости или темпов роста ВРП (Lagravinese, 2015; Giannakis, Bruggeman, 2020), оценка устойчивости осуществляется путем статистического расчета на его основе двух индексов: характеризующего сопротивляемость региона к внешнему шоку и демонстрирующего восстановление после кризиса. Рассчитываются показатели относительной глубины спада (при этом в качестве бенчмарка используются значения по стране или группе стран, например,

Евросоюза) и времени, необходимого для его преодоления. Заметим, что аналогичная методика расчета применялась в работе (Коробицын, 2016), посвященной анализу устойчивости субъектов Уральского ФО. При этом в качестве индикаторов кризисов автор использовал целый ряд экономических, ресурсно-экологических и медико-демографических показателей, что фактически означало соединение двух описанных выше подходов к устойчивости.

Привлекательность единого показателя измерения устойчивости объясняется главным образом возможностью избавления исследователя от проблемы последующего обоснованного агрегирования частных показателей в общий индекс устойчивости. Однако выбор конкретного индикатора устойчивости может серьезно влиять на результат исследования (Dubé, Polèse, 2016). Поэтому ряд ученых считает, что для полноценной оценки устойчивости экономики все-таки необходимо использовать целый комплекс показателей (Foster, 2007; Briguglio et al., 2009; Morkūnas et al., 2018).

Между тем выбор группы показателей порождает другую проблему – нахождения адекватного способа сведения частных показателей к единому композитному индексу устойчивости. При этом возникают по крайней мере четыре частных вопроса: о способе нормирования частных показателей, обосновании их весов, выборе метода агрегации и преодолении мультиколлинеарности. Учеными предлагаются различные способы построения композитного индекса устойчивого развития, в основе которых лежит расчет среднеарифметических, среднегеометрических индексов, а также показателей рассеяния (энтропии) (Rahma et al., 2019). Кроме того, используются методы эквивалентности дисперсий, агрегации портфеля и главных компонент (Гамбаров и др., 2017). У этих методов есть свои достоинства и недостатки. Так, портфельный подход возможен только при параметрическом моделировании и построении строго функциональных зависимостей (Малкина, 2018). Достоинством метода главных компонент является исключение мультиколлинеарности, однако он требует нормальности распределения частных показателей. Метод эквивалентности дисперсий (или Z-счета) позволяет нормировать показатели с учетом уровня их вариации.

Метод Z-счета использовался группой российских ученых (Климанов и др., 2019) для разработки интегрального индекса устойчивости российских регионов в 2007–2016 годах. В основу индекса был положен ряд частных показателей: ВРП на душу населения; уровень безработицы; численность населения с доходами ниже прожиточного минимума; среднемесячная номинальная заработная плата; общая площадь жилых помещений в расчете на одного жителя; наличие предметов длительного пользования на 100 домохозяйств. Однако в данном исследовании был применен не динамический, а статический подход, который скорее позволил выявить рейтинги благополучия регионов, а не оценить устойчивость их экономик во времени.

Среди способов построения агрегатных индексов называется и расчет расстояний Махаланобиса, хотя в исследованиях этот способ используется редко (Гамбаров и др., 2017). В статье (Stöckl, Hanke, 2014) изучаются различные свойства и связанные с ними сферы применения расстояний Махаланобиса. При этом авторы упоминают пригодность их для оценки риска, поскольку этот измеритель способен улавливать совместную волатильность нескольких активов. Именно это свойство данного индекса обуславливает его выбор в нашем исследовании устойчивости экономического развития российских регионов. Метод расстояний Махаланобиса позволяет выявить колебания экономической активности того или иного региона относительно некой центральной тенденции, которая служит своего рода бенчмарком. Последующее построение временных регрессий для расстояний Махала-

нобиса дает возможность отделить трендовую от циклической компоненты развития региона.

Динамический подход к оценке устойчивости в литературе реализуется с использованием и более продвинутых методов оценки системного риска. Например, в статье (Eraydin, 2016) с использованием SUR (seemingly unrelated regression) моделей с введением ряда бинарных переменных для периодов шоков и восстановления экономики выявлялись типы устойчивости экономики турецких регионов в 1978–2011 годах. В ряде работ для моделирования цикличности предлагалось построение эконометрических моделей условной волатильности и ARCH моделей. Так, в (Mai et al., 2019; Duran, Fratesi, 2020) использовался фильтр Ходрика – Прескотта (Hodrick-Prescott filtering) для отделения долгосрочного тренда или длинных волн от краткосрочных флуктуаций. В качестве альтернативы рассматривался фильтр Бакстера – Кинга (Baxter-King filtering). В другой работе (Modica, Reggiani, 2015) для выявления реакции экономических показателей на внешние шоки использовалось построение моделей векторной авторегрессии (VAR). В своем исследовании мы ограничимся созданием линейных регрессий для временных рядов расстояний Махаланобиса, что позволит описать индивидуальные траектории развития российских регионов.

Оценка устойчивости предполагает также выявление *детерминантов (или факторов) устойчивости* экономического развития. В работе (Duran, Fratesi, 2020) представлен наиболее широкий обзор гипотез устойчивости региональной экономики, в основу которых положен тот или иной определяющий фактор: 1) гипотеза запасов (Inventory hypothesis) – в регионах с большой долей товаров длительного пользования и большей долей инвестиций в ВВП волатильность должна быть выше; 2) демографические гипотезы (Demographic hypotheses) – в первую очередь речь идет о доле молодого населения, которая положительно влияет на экономические колебания; 3) гипотеза отраслевого разнообразия (Industrial diversity hypothesis) – регионы с более высоким уровнем отраслевой диверсификации более устойчивы; 4) гипотеза защищенных экономик и отраслевого состава (Sheltered economies and sectoral composition hypotheses) – некоторые отрасли и региональные экономики находятся под защитой или покровительством государства, поэтому они более устойчивы; 5) гипотеза открытости (Openness hypothesis) – открытость экономики может увеличивать ее волатильность из-за зависимости от внешних шоков, а также в силу большей специализации; 6) гипотеза структурных сдвигов (Structural change hypothesis) – в экономиках с более интенсивными структурными сдвигами волатильность выше; 7) гипотеза удачи (Good luck hypothesis); 8) монетарная гипотеза (Monetary hypothesis) – на волатильность оказывают влияние институты денежно-кредитной политики; так, регионы, в которых преобладают крупные фирмы, имеют больше возможностей для небанковского финансирования и поэтому менее чувствительны к процентным ставкам; 8) гипотеза рыночной доли (Market size hypothesis) – крупные регионы лучше поглощают шоки и демонстрируют меньшие флуктуации.

Проверка гипотез, как правило, осуществляется на основе построения эконометрических зависимостей, в которые, наряду с тестируемыми переменными, включается ряд контрольных переменных. Например, в статье, посвященной ресурсно-ориентированным провинциям Китая (Tan et al., 2017) исследовались 14 факторов устойчивости, объединенных в следующие группы: городское развитие, отраслевая структура экономики, условия труда, финансовое устройство и аспекты управления.

Среди рассмотренных выше гипотез устойчивости достаточно популярной у исследователей является гипотеза о влиянии степени диверсификации экономики на уровень ее устойчивости, которая между тем привела ученых к неоднозначным результатам. Например, в работе (Dissart, 2003) на основе портфельного подхода

показано, что сама по себе диверсификация не является гарантией устойчивости. Не менее важную роль играет взаимосвязь между отраслями. Положительные ко-вариации отраслевых показателей, на основе которых измеряется устойчивость (уровня занятости), приводят к увеличению индекса неустойчивости. Аналогичным образом неустойчивость специализированных экономик также связана с особенностью доминирующей отрасли. Заметим, что в нашем исследовании стабильности налоговой системы российских регионов мы пришли к аналогичным выводам (Malkina, 2017).

В ряде работ исследовалась чувствительность показателя устойчивости региональной экономики к его отраслевой или институциональной структуре. Например, в статье (Lagravinese, 2015) на материале итальянских провинций автор приходит к заключению, что большее присутствие в экономике региона публичного сектора и сферы услуг положительно влияет на устойчивость региональной экономики, тогда как преобладание промышленности оказывает негативное влияние. В другом исследовании (Mai et al., 2019) на данных китайской экономики показано, что наибольшее влияние на неустойчивость развития оказывают быстрорастущие отрасли, такие как строительство, сектор операций с недвижимостью и финансовый сектор, тогда как промышленности принадлежит стабилизирующая роль. Особый интерес у исследователей вызывает связь устойчивого развития с уровнем открытости экономики, степенью ее вовлечения в глобальные производственные и торговые сети (Van Bergeijk, Brakman, Van Marrewijk, 2017), а также с эффективностью региональных правительств (Rios, Gianmoena, 2020).

Основываясь на рассмотренных выше исследованиях, в нашей работе мы будем руководствоваться динамическим подходом к устойчивости регионального развития. Для создания единого показателя развития используем метод расстояний Махаланобиса, а для отделения его флуктуаций от устойчивого тренда – построение временных регрессий расстояний Махаланобиса. Также в работе протестируем четыре гипотезы: о связи устойчивости экономического развития региона с уровнем и темпом его развития, со степенью отраслевой диверсификации экономики и степенью ее открытости.

Данные и методы исследования

Информационной базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ по 83 субъектам РФ за 2000–2017 годы.

В качестве показателей, на основе которых оценивалась устойчивость развития региональных экономик, использовались следующие:

- 1) доходы консолидированного бюджета субъекта РФ (млн руб.);
- 2) фактическое конечное потребление домашних хозяйств на территории субъектов Российской Федерации (млн руб.);
- 3) инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах; млн руб.);
- 4) экспорт (в фактически действовавших ценах; млн руб.);
- 5) импорт (в фактически действовавших ценах; млн руб.).

Последние два показателя в статистике номинированы в долларах США, поэтому нами был использован среднегодовой валютный курс доллара к рублю для их конвертации в национальную валюту.

В качестве еще одного показателя изначально рассматривался показатель сальдированного финансового результата. Но в конечном счете мы вынуждены были от него отказаться, так как его значительные и плохо объяснимые колебания в отдельных регионах приводили к существенным изменениям показателей их устойчивости.

Выбор представленного выше пула показателей объясняется тем, что они отражают как структуру ВРП по расходам, так и состояние государственного и частного

секторов экономики. Для учета разного масштаба экономик регионов и приведения данных показателей в регионах к сопоставимому значению все показатели рассчитывались в расчете на душу населения (путем деления на среднегодовую численность населения региона). Далее будем применять их обозначения: *BR*, *CONS*, *IN*, *EX*, *IM* соответственно.

У каждого из этих показателей есть тренд и флуктуации, что позволяет разделить динамику показателя на две составляющие: устойчивый темп роста и риск, измеряемый волатильностью, или колебаниями показателя вокруг тренда (Malkina, 2020).

Для приведения частных показателей к композитному показателю нами рассчитываются расстояния Махаланобиса, представляющие собой среднее расстояние между многомерным вектором $x = (x_1, x_2, x_3, \dots, x_K)^T$ и вектором средних значений $\mu = (\mu_1, \mu_2, \mu_3, \dots, \mu_K)^T$ с учетом матрицы ковариаций S :

$$D_M(x) = \sqrt{(x - \mu)^T S^{-1} (x - \mu)} . \quad (1)$$

Для каждого i -того региона ($i = \overrightarrow{1, m}$) в каждом t -том году ($t = \overrightarrow{1, n}$) мы получаем нормированное среднее расстояние до центра тяжести по пяти показателям ($K = 5$), далее обозначаемое D_{Mit} . Причем $\sum_{i=1}^m D_{Mit}^2 = (m-1) \cdot N$ и одинаково для всех периодов исследования. Расстояние Махаланобиса показывает отклонение конкретной региональной экономики от среднего значения по стране и не учитывает изменение межрегиональной вариации.

Расстояние Махаланобиса для каждого конкретного региона может изменяться во времени. Его динамика за 18 исследуемых лет, очевидно, включает тренд и волатильность. Для их разделения воспользуемся построением линейных временных регрессий, оцениваемых обычным МНК:

$$D_{Mit} = \underbrace{\alpha_{0i} + \alpha_{1i} \cdot t}_{\hat{D}_{Mit}} + e_{it} , \quad (2)$$

где α_{0i} и α_{1i} – коэффициенты регрессии, e_{it} – остатки регрессии.

Далее мы выделяем четыре основных параметра региональной экономики:

1) *отклонение экономики региона от среднерегионального значения*:

$$D_{Mi} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n D_{Mit} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n \hat{D}_{Mit} . \quad (3)$$

Этот показатель позволяет оценить вклад каждого региона в общий уровень межрегиональных различий;

2) *устойчивый темп развития* региона: α_{1i} . Его положительное значение свидетельствует об увеличении отклонения региона от среднего значения и росте его вклада в межрегиональные различия (что может быть как результатом улучшения его показателей, так и ухудшения);

3) *абсолютный уровень неустойчивости развития региональной экономики* – рассчитывается на основе показателя среднего квадратического отклонения остатков регрессии:

$$\sigma_{ei} = \sqrt{\text{Var}(e_{it})} = \sqrt{\text{Var}(D_{Mit}) - \text{Var}(\hat{D}_{Mit})} . \quad (4)$$

Чем выше этот показатель, тем больше отклонения развития региона от собственного устойчивого тренда.

Поскольку этот уровень зависит от абсолютных значений показателей, более точное представление о неустойчивости дает:

4) *относительный уровень неустойчивости развития региональной экономики* – отношение абсолютного уровня неустойчивости к среднему значению расстояния Махаланобиса:

$$V_{ei} = \sigma_{ei} / D_{Mi}. \quad (5)$$

После получения необходимых оценок устойчивости нами тестируются четыре гипотезы. Первая – о связи неустойчивости развития (σ_{ei}) с уровнем развития, измеряемого ВРП на душу населения. Вторая – о связи неустойчивости развития с абсолютным темпом развития, $ABS(\alpha_i)$. Третья – о связи неустойчивости с открытостью экономики, которую мы измеряем отношением суммы экспорта и импорта к ВРП региона. Для этих трех гипотез мы ожидаем получение положительной корреляции.

В рамках четвертой гипотезы проверяется связь неустойчивости развития с уровнем отраслевой диверсификации экономики. Для измерения последнего существует множество методов. Но мы воспользуемся положительно зарекомендовавшим себя индексом схожести двух структур (SSI – two structures similarity index), ранее применявшимся в работе (Malkina, 2017):

$$SSI_i = 1 - \sqrt{\sum_{k=1}^K (s_{ki} - s_k)^2}, \quad (6)$$

где s_{ki} – доля k -той отрасли в суммарной валовой добавленной стоимости (ВДС) i -того региона, s_k – доля той же отрасли в НДС страны, $K = \overrightarrow{1, k}$ – количество отраслей. Для расчета будут использованы доли укрупненных видов экономической активности, согласно ОКВЭД-2014, за 2017 год.

Мы полагаем, что чем выше уровень диверсификации экономики, тем в среднем больше ее возможность гасить возмущения и меньше уровень неустойчивости. Иными словами, мы ожидаем получить отрицательную корреляцию при тестировании последней гипотезы.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате применения предложенной нами методики расчета расстояний Махаланобиса и построения регрессий были получены оценки неустойчивости 83 региональных экономик.

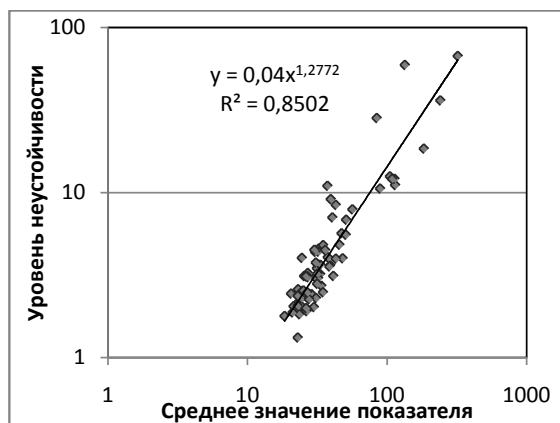
Для временных рядов пяти частных показателей, используемых в определении общего уровня неустойчивости экономики (BR , $CONS$, IN , EX , IM), рассчитаны регрессии (по формуле 2), на основе которых далее определялся абсолютный и относительный уровень неустойчивости (формулы 4 и 5). Полученные результаты отражены в обобщающем виде в табл. 1, где представлены среднерегionalные, максимальные и минимальные значения (с указанием регионов) как самих частных показателей, так и уровней их неустойчивости. Взаимосвязи между среднелучевыми показателями и степенью их неустойчивости показаны на рисунке 1 (а–д). Сначала проанализируем эти показатели по отдельности.

Показатели неустойчивости развития региональных экономик

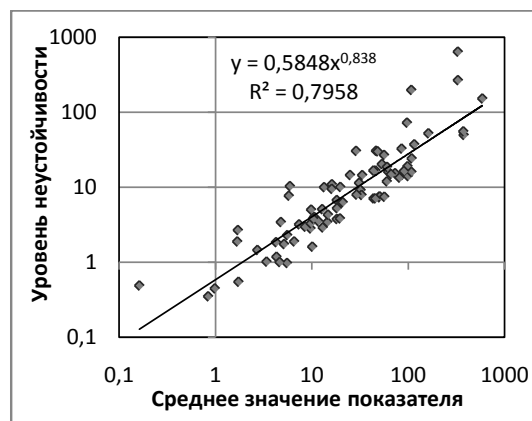
Таблица 1

Показатель	Среднегодовое значение показателя, тыс. руб.			Абсолютный уровень неустойчивости, тыс. руб.			Относительный уровень неустойчивости		
	Средне- гиональное значение	Максимум (регион)	Минимум (регион)	Средне- гиональное значение	Максимум (регион)	Минимум (регион)	Средне- гиональное значение	Максимум (регион)	Минимум (регион)
Доходы консоли- дированного бюд- жета к ВРП (<i>BR</i>)	44,88	321,07 (Чукотский АО)	18,45 (Республика Дагестан)	6,20	67,40 (Чукотский АО)	1,32 (Республика Марий Эл)	0,132	0,363 (Сахалинская область)	0,048 (Республика Марий Эл)
Фактическое ко- нечное потребле- ние домохозяйств к ВРП (<i>CONS</i>)	143,17	367,96 (г. Москва)	50,31 (Республика Ингушетия)	12,81	25,26 (Магадан- ская об- ласть)	3,46 (Республика Тыва)	0,086	0,204 (Чеченская Республика)	0,033 (Томская область)
Инвестиции в ос- новной капитал к ВРП (<i>IN</i>)	76,81	1220,25 (Ненецкий АО)	18,74 (Кабардино- Балкария)	19,09	446,78 (Ненецкий АО)	3,08 (Кабардино- Балкария)	0,212	0,506 (Приморский край)	0,062 (Ханты- Мансийский АО)
Экспорт к ВРП (<i>EX</i>)	57,43	585,46 (Сахалин- ская об- ласть)	0,16 (Чеченская Республика)	26,54	640,35 (Ненецкий АО)	0,35 (Кабардино- Балкария)	0,469	2,522 (Чеченская Республика)	0,098 (Свердлов- ская об- ласть)
Импорт к ВРП (<i>IM</i>)	25,22	249,50 (Калинин- градская область)	0,37 (Чеченская Республика)	8,29	149,14 (Ямало- Ненецкий АО)	0,36 (Чеченская Республика)	0,381	2,930 (Ямало- Ненецкий АО)	0,064 (Саратовская область)
Расстояние Маха- лановиса (дистан- ция)	1,493	7,816 (Чукотский АО)	0,457 (Новгород- ская область)	0,264	2,215 (Тюменская область)	0,029 (Ульяновская область)	0,174	0,645 (Тюменская область)	0,039 (Республика Чувашия)

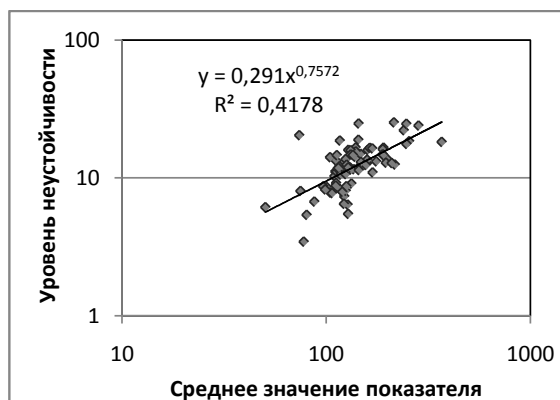
Источник: расчеты автора.

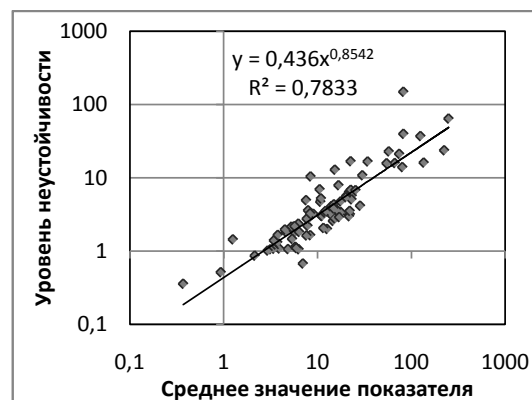
а) доходы консолидированного бюджета на душу населения

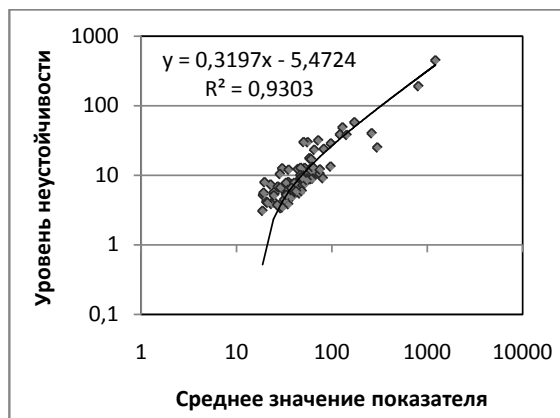
г) экспорт на душу населения

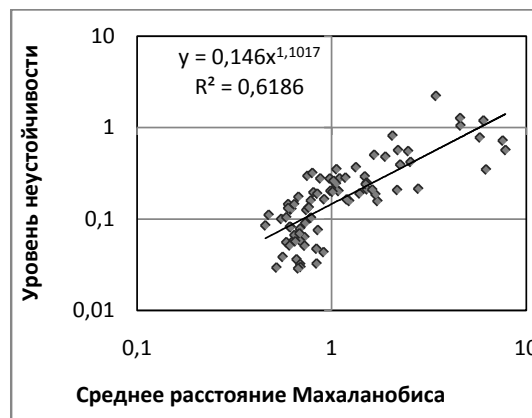
б) фактическое конечное потребление домохозяйств на душу населения

д) импорт на душу населения

в) инвестиции в основной капитал на душу населения

е) расстояние Махаланобиса

Рис. 1. Связь между уровнем показателей и неустойчивостью развития региональных экономик (логарифмическая шкала)

Источник: расчеты автора.

Доходы консолидированного бюджета субъекта РФ на душу населения продемонстрировали наиболее высокие значения в высокодоходных добывающих регионах: Чукотском, Ненецком и Ямало-Ненецком АО, а наименьшие значения – в остальных ре-

спубликах Дагестан и Кабардино-Балкария, а также Ставропольском крае. Наибольшая абсолютная неустойчивость данного показателя также характерна для Чукотского АО, Сахалинской области и Ненецкого АО, сильно зависящих от мировой конъюнктуры на рынках энергоносителей. А наиболее устойчивыми являются низкодходные республики Марий Эл, Дагестан и Владимирская область. По показателю относительной неустойчивости бюджетных доходов на душу населения лидируют Сахалинская область, Чеченская Республика и Чукотский АО, а лидерами стабильности являются Республика Марий Эл, Липецкая и Томская области.

Между бюджетными доходами на душу населения и степенью их абсолютной неустойчивости выявлена существенная положительная связь, отраженная на рис. 1а. Она вписывается в классическую зависимость между доходностью и риском и свидетельствует в пользу целесообразности расчета не только абсолютных, но и относительных уровней неустойчивости.

Для показателя потребления домохозяйств на душу населения картина несколько схожая с показателем среднедушевых бюджетных доходов. Лидерами по среднедушевому потреблению являются г. Москва, а также ряд добывающих регионов: Сахалинская область, Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский и Ненецкий АО. Для них же (а также для Магаданской области) характерны высокие уровни абсолютной нестабильности потребления, что отчасти объясняется интенсивными потоками трудовой миграции в этих регионах. Наименьшие показатели среднедушевого потребления наблюдаются в отсталых республиках Северного Кавказа: Ингушетии, Чечне, Карачаево-Черкесии, а также в республиках Тыва и Калмыкия. В этих республиках (за исключением Чечни) отмечается высокая абсолютная стабильность среднедушевого потребления. Между тем Чечня оказывается лидером по относительной неустойчивости показателя потребления. За ней с большим отрывом идут Воронежская область и Республика Адыгея. Наиболее стабильными по относительному уровню устойчивости потребления являются Томская область, Республика Тыва и г. Москва.

Для среднедушевого потребления, как и для бюджетных доходов на душу населения, отмечается положительная, хотя менее выраженная связь между общим уровнем показателя и его абсолютной неустойчивостью (рис. 1б).

Третий показатель (инвестиции на душу населения) максимален в малочисленном Ненецком АО, далее с большим отрывом следуют Ямало-Ненецкий АО (2/3 от уровня лидера) и Ханты-Мансийский АО (1/4 от уровня лидера). В первых двух также отмечаются экстремально высокие уровни абсолютной нестабильности инвестиций на душу населения. При этом по уровню относительной нестабильности инвестиций лидируют Приморский край и Еврейская АО, где повышенная абсолютная нестабильность среднедушевых инвестиций сопровождается также значениями показателя ниже среднего уровня. Ханты-Мансийский АО по среднедушевым инвестициям, напротив, оказывается относительно самым устойчивым регионом. На рис. 1в представлена положительная связь между уровнем среднедушевых инвестиций и показателем их нестабильности в регионах РФ.

По четвертому показателю, экспорту на душу населения, лидирует Сахалинская область, ей значительно уступают Ханты-Мансийский АО и г. Москва (64% от лидера). Также высокие показатели у Ненецкого АО и Тюменской области без округов. При этом Ненецкий АО является лидером по абсолютной нестабильности экспорта. По уровню относительной нестабильности первое место занимает Чеченская Республика, вторая позиция принадлежит Ненецкому АО (между тем уступающему лидеру 35%). Лидерами относительной стабильности среднедушевого экспорта являются Свердловская область, г. Москва и Липецкая область. Рисунок 1г демонстрирует положительную устойчивую связь между среднедушевым экспортом и уровнем его абсолютной нестабильности.

По импорту на душу населения (пятый показатель) лидерами являются Калининградская область и г. Москва. Экстремально высокие значения абсолютной и относи-

тельной нестабильности этого показателя наблюдаются у Ямало-Ненецкого АО. В то же время наиболее стабильна динамика среднедушевого импорта в Саратовской области, где невысокие значения показателя сочетаются с высоким уровнем его абсолютной устойчивости (третье место после республик Чечня и Тыва). Для импорта на душу населения снова отмечается устойчивая положительная связь между уровнем показателя и его абсолютной неустойчивостью (рис. 1д).

Поскольку позиции регионов по пяти частным показателям развития различаются, обобщающую картину мы получаем при расчете расстояний Махаланобиса. Для них дальше применялась та же процедура, что и для частных показателей. Полученные результаты представлены в обобщающем виде в последней строке табл. 1.

Уровни абсолютной нестабильности региональных экономик, рассчитанные на основе расстояний Махаланобиса, представлены на рис. 2 в виде карты субъектов РФ. Согласно полученным результатам, лидерами нестабильности являются региональные экономики Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, Сахалинской области, а также Калужской области. Все они являются добывающими регионами, за исключением Калужской области, где развито машиностроение. Эти регионы характеризуются активными инвестиционными процессами, высокой степенью открытости экономики, а также миграцией трудовых ресурсов, что сказывается на нестабильности потребления. Кроме того, они сильно зависят от конъюнктуры на мировых рынках, что также подрывает устойчивое развитие.

Абсолютным лидером относительной неустойчивости оказывается Тюменская область без округов. Вторую и третью позиции занимают Омская и Калужская области.

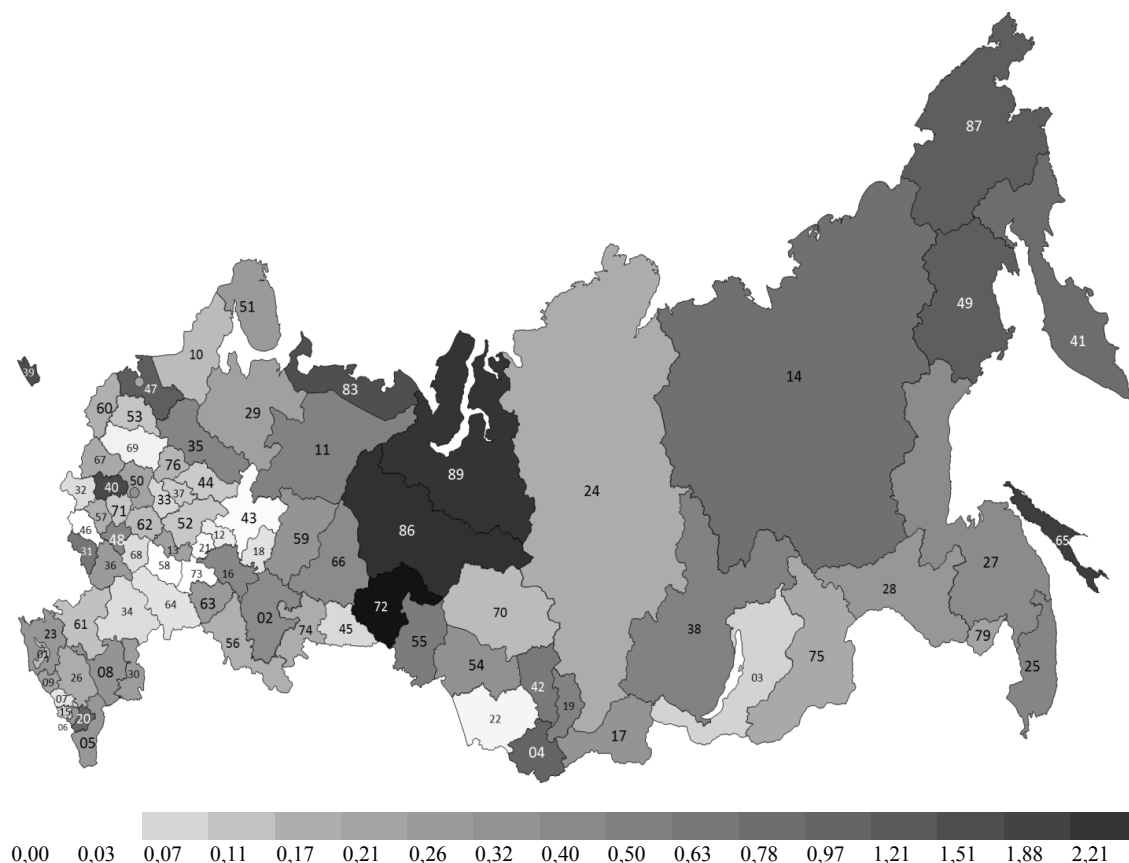

Рис. 2. Уровень абсолютной неустойчивости развития региональных экономик (на основе расстояний Махаланобиса), логарифмическая шкала

Примечание. Субъекты РФ обозначены согласно их административным кодам.

Источник: расчеты автора.

Лидерами общей стабильности оказались Ульяновская, Курская, Пензенская, Кировская области и Чувашская Республика. Последняя также является лидером по относительной стабильности, за ней следуют Ульяновская, Пензенская, Кировская области и Республика Марий Эл. Обращает на себя внимание, что это, главным образом, регионы центра европейской части России, характеризующиеся невысокими показателями развития, но достаточно диверсифицированными экономиками. Кроме того, отмечается их территориальная близость друг к другу, что намекает на наличие пространственных эффектов.

Наконец, для расстояний Махаланобиса обнаружена положительная связь между его средним значением в регионах и абсолютным уровнем нестабильности (рис. 1е).

Далее нами тестировались четыре гипотезы о связи полученных оценок неустойчивости региональных экономик с некоторыми показателями их развития. Прежде всего, на рис. 3 а–г представлены графические зависимости между уровнем неустойчивости развития и тестируемыми факторами. При этом мы исключили значения Тюменской области как выброса, существенно снижающего робастность оценок.

Первая гипотеза, о положительной связи нестабильности с общим уровнем развития, получила достаточно хорошее подтверждение. На рис. 3а видна прямая зависимость между средним уровнем нестабильности экономики и логарифмом ВРП на душу населения в 2017 году.

Вторая гипотеза – о том, что неустойчивыми являются наиболее динамично развивающиеся регионы. С точки зрения расстояний Махаланобиса это отражается либо их интенсивным приближением к центру, либо удалением от него. На рис. 3б представлена взаимосвязь темпа развития (коэффициента из регрессии – формула 2) и уровня неустойчивости, определенного на основе расстояний Махаланобиса. Она отчасти подтверждает гипотезу, что наиболее нестабильными являются экономики, для которых наблюдается интенсивное приближение или удаление от центра.

Третья гипотеза, о положительной связи нестабильности с уровнем открытости экономики, измеряемой общей долей экспорта и импорта в ВРП, графически также получила некоторое подтверждение, хотя наблюдается неустойчивость оценок (рис. 3в).

Наконец, мы подвергли проверке гипотезу о положительном влиянии степени отраслевой диверсификации экономики на устойчивость экономического развития региона. Напомним, что последняя измерялась на основе показателя схожести двух структур – SSI (формула 6). Наши расчеты за 2017 год подтвердили, что в России показатель диверсификации меняется от 0,323 (Ненецкий АО) до 0,914 (Тюменская область без округов). На рис. 3г видна обратная (хотя и неустойчивая) зависимость между степенью отраслевой диверсификации экономики и уровнем ее неустойчивости, что отчасти подтверждает четвертую тестируемую гипотезу.

С целью обобщения полученных результатов нами была построена и оценена методом наименьших квадратов многофакторная регрессия. Для достижения устойчивости оценок из наблюдений снова был исключен выброс (значения Тюменской области). В качестве зависимой переменной в регрессии использовался абсолютный уровень неустойчивости развития региона (σ_{ei}). Объясняющими переменными стали: логарифм среднедушевого дохода ($\ln(y)$), абсолютный темп развития ($ABS(\alpha_1)$), степень открытости экономики ($Open$) и степень отраслевой диверсификации экономики (Div). В модель также включена контрольная переменная – масштаб экономики региона, измеряемый его долей в общем ВРП всех регионов ($share$).

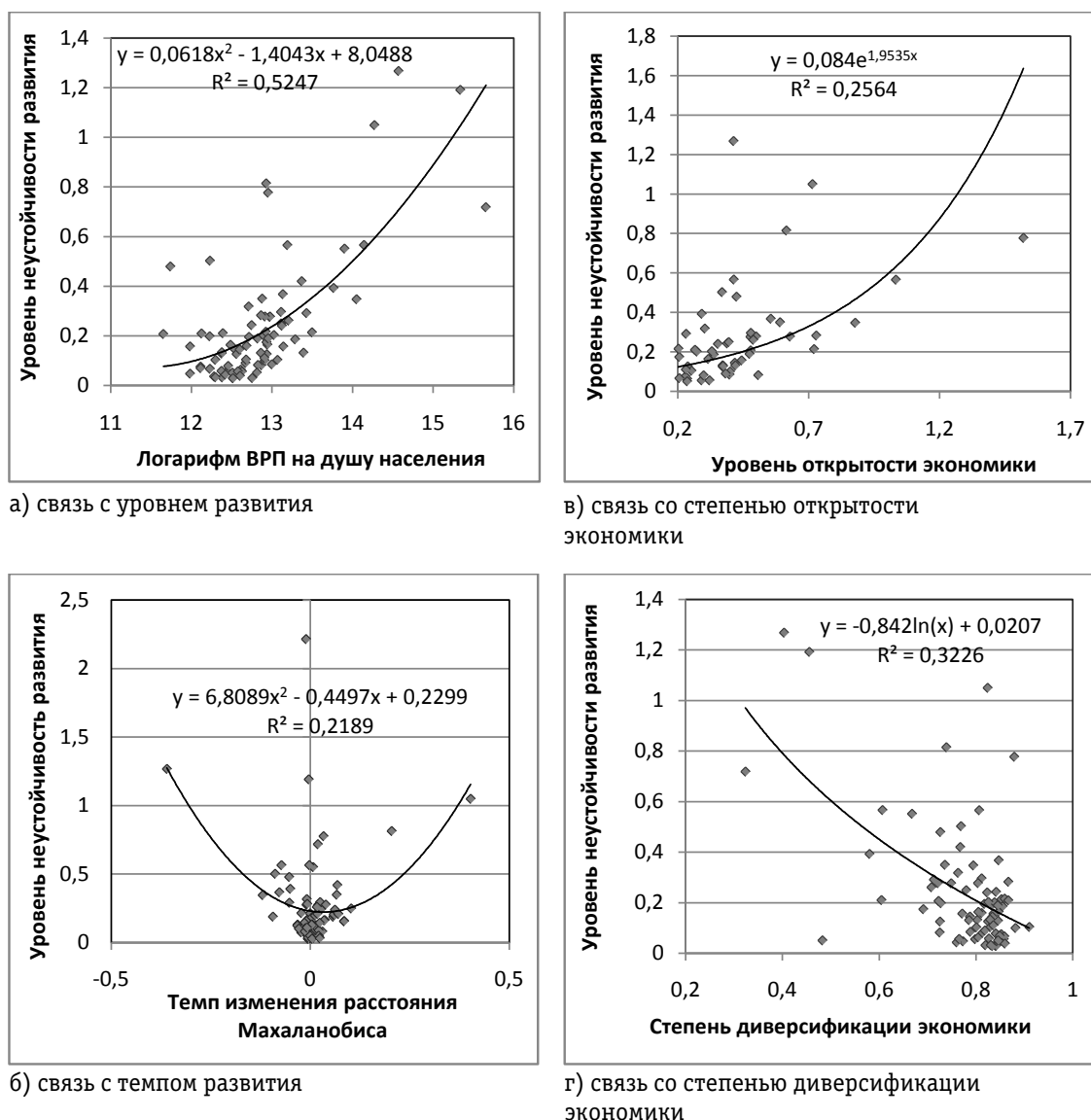

Рис. 3. Взаимосвязи между показателями региональных экономик и неустойчивостью их развития

Оцененная модель приобрела следующий вид:

$$\sigma_e = -1,208 + 0,154 \cdot \ln(y) + 0,871 \cdot ABS(\alpha_1) + 0,346 \cdot Open - 0,849 \cdot Div - 1,686 \cdot share + \varepsilon.$$

(0,527) (0,033) (0,276) (0,077) (0,199) (0,789)

В скобках под оценками коэффициентов указаны стандартные ошибки. Найденное уравнение регрессии значимо по критерию Фишера, а коэффициенты при всех объясняющих переменных значимы по критерию Стьюдента на уровне $p < 0,01$. Константа и коэффициент при контрольной переменной значимы на уровне $p < 0,05$. Множественный коэффициент детерминации равен $R^2 = 0,684$, т.е. вариация факторов объясняет вариацию зависимой переменной более чем на две трети.

Из данного уравнения следует, что увеличение среднедушевого ВРП на 1% способствует росту показателя неустойчивости развития в среднем на 0,15 процентного пункта (п.п.). Увеличение темпа сближения или удаления региона от центра на 1 п.п. вызывает рост нестабильности на 0,87 п.п., а степени открытости экономики – на 0,35 п.п. В то же время повышение степени диверсификации экономики на 1 пункт

(т.е. увеличение показателя на 0,01) приводит к снижению неустойчивости на 0,85 п.п. Также мы можем констатировать положительное влияние фактора масштаба экономики региона на его устойчивость.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает выдвинутые гипотезы о связи устойчивости развития с некоторыми показателями региональных экономик.

Заключение

В представленном выше исследовании предложены и апробированы новые подходы к оценке устойчивости региональных экономик. Они отличаются от ранее применявшихся подходов по нескольким позициям. Во-первых, для оценки устойчивости использована особая группа показателей, отражающих структуру ВРП по расходам в среднелюдском выражении. Во-вторых, предложен и апробирован новый способ сведения этих показателей к единому показателю через расчет расстояний Махаланобиса, характеризующих удаленность региона от некоего центра координат. Достоинством этого показателя является нормирование включаемых в него частных показателей с учетом их вариации, а также использование среднего региона как некоего бенчмарка, относительно которого меняются позиции других регионов. В-третьих, для каждого региона произведено отделение устойчивого тренда от циклической компоненты путем построения временных регрессий для расстояний Махаланобиса. Абсолютной мерой неустойчивости при этом выступает среднее квадратическое отклонение остатков оцененной регрессии, а относительной мерой неустойчивости – его соотношение со средним значением расстояния Махаланобиса. Использование предложенной методики позволило определить уровни неустойчивости развития регионов и объяснить их особенностями развития региональных экономик. В-четвертых, в ходе исследования с применением графического метода и на основе построения многофакторных регрессий на пространственных выборках были подтверждены четыре гипотезы: о положительной связи неустойчивости с уровнем и темпом экономического развития регионов, а также степенью открытости экономики и об отрицательной связи неустойчивости развития со степенью отраслевой диверсификации региональных экономик.

Развитие предложенных нами подходов в будущем видится как в уточнении системы показателей и метода построения их композитного индекса, так и способов отделения тренда этого индекса от флуктуаций. Также интересным представляется сравнение результатов построения обобщающего индикатора на основе расстояний Махаланобиса и на основе других методов, рассмотренных в теоретической части статьи. Наконец, автор видит возможность расширения представленного подхода в построении регрессий с большим количеством факторов неустойчивости для проверки других гипотез, анализ которых также дан в теоретической части работы.

Результаты исследования могут быть полезными при управлении устойчивым развитием российских регионов.

Литература

- Баринова, В. А., Земцов, С. П. (2019). Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // *Регион: экономика и социология*, (1), 23–46. DOI: 10.15372/REG20190102
- Гамбаров, Г. М., Мусаева, М. У., Крупкина, А. С. (2017). Индикатор рисков российского финансового рынка // *Деньги и кредит*, (6), 29–38.
- Климанов, В. В., Казакова, С. М., Михайлова, А. А. (2019). Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // *Вопросы экономики*, (5), 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64
- Климанов, В. В., Михайлова, А. А., Казакова, С. М. (2018). Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // *Экономическая политика*, 13(6), 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187

- Коробицын, Б. А. (2016). Устойчивость регионов УРФО к экономическим потрясениям и кризисам: медико-демографические и экологические аспекты // *Экономика региона*, 12(3), 790–801. DOI: 10.17059/2016-3-15
- Малкина, М. Ю. (2018). Вклад регионов и отраслей в финансовую нестабильность российской экономики // *Terra Economicus*, 16(3), 118–130. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-118-130
- Bailey, D., Turok, I. (2016). Editorial: Resilience revisited // *Regional Studies*, 50(4), 557–560. DOI: 10.1080/00343404.2016.1146478
- Briguglio, L., Cordina, G., Farrugia, N., Vella, S. (2009). Economic vulnerability and resilience: Concepts and measurements // *Oxford Development Studies*, 37(3), 229–247. DOI: 10.1080/13600810903089893
- Dissart, J. C. (2003). Regional economic diversity and regional economic stability: Research results and agenda // *International Regional Science Review*, 26(4), 423–446. DOI: 10.1177/0160017603259083
- Dubé, J., Polèse, M. (2016). Resilience revisited: Assessing the impact of the 2007–09 recession on 83 Canadian Regions with accompanying thoughts on an elusive concept // *Regional Studies*, 50(4), 615–628. DOI: 10.1080/00343404.2015.1020291
- Duran, H. E., Fratesi, U. (2020). Employment volatility in lagging and advanced regions: The Italian case // *Growth and Change: A Journal of Urban and Regional Policy*, 51(1), 207–233.
- Eraydin, A. (2016). Attributes and characteristics of regional resilience: Defining and measuring the resilience of Turkish regions // *Regional Studies*, 50(4), 600–614. DOI: 10.1080/00343404.2015.1034672
- Fingleton, B., Garretsen, H., Martin, R. (2012). Recessionary shocks and regional employment: evidence on the resilience of U.K. regions // *Journal of Regional Science*, 52 (1), 109–133. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x
- Foster, K. A. (2007). *A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience*. Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley.
- Giannakis, E., Bruggeman, A. (2020). Regional disparities in economic resilience in the European Union across the urban–rural divide // *Regional Studies*, 54(9), 1200–1213. DOI: 10.1080/00343404.2019.1698720
- Glazyrina, I. P., Lavlinskii, S. M. (2017). Economic and ecological models in Russia's mining sector // *Regional Research of Russia*, 7(2), 180–187. DOI: 10.1134/S2079970517020034
- Hill, E. W., Wial, H., Wolman, H. (2008). *Exploring Regional Economic Resilience*. Working Paper 2008-04. Institute of Urban and Regional Development, Berkeley.
- Lagravinese, R. (2015). Economic crisis and rising gaps North-South: evidence from the Italian regions // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(2), 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006
- Mai, X., Chan, R. C. K., Zhan, C. (2019). Which Sectors Really Matter for a Resilient Chinese Economy? A Structural Decomposition Analysis // *Sustainability*, 11, 6333. DOI: 10.3390/su11226333.
- Malkina, M. Yu. (2020). Assessment of the Sustainability of Budget Revenues in the Regions of the Russian Federation // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(4), 547–559. DOI: 10.17516/1997-1370-0588
- Malkina, M. Yu. (2017). Influence of the industrial structure of economy on the risk level of Russian regions' tax systems // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 65(6), 2025–2035. DOI: 10.11118/actaun201765062025
- Martin, R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // *Journal of Economic Geography*, 12(1), 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019

- Modica, M., Reggiani, A. (2015). Spatial Economic Resilience: Overview and Perspectives // *Networks and Spatial Economics*, 15, 211–233. DOI: 10.1007/s11067-014-9261-7
- Morkūnas, M., Volkov, A., Bilan, Y., Raišienė, A. G. (2018). The role of government in forming agricultural policy: economic resilience measuring index exploited // *Administratie si Management Public*, 31, 111–131. DOI: 10.24818/amp/2018.31-08
- Navarro-Espigares, J. L., Martín-Segura, J. A., Hernández-Torres, E. (2012). The role of the service sector in regional economic resilience // *The Service Industries Journal*, 32(4), 571–590. DOI: 10.1080/02642069.2011.596535
- Rahma, H., Fauzi, A., Juanda, B., Widjojanto, B. (2019). Development of a Composite Measure of Regional Sustainable Development in Indonesia // *Sustainability*, 11, 5861. DOI: 10.3390/su11205861
- Rios, V., Gianmoena, L. (2020). The link between quality of government and regional resilience in Europe // *Journal of Policy Modeling*. Article in Press. Available online 28 February 2020. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.02.005
- Stöckl, S., Hanke, M. (2014). Financial Applications of the Mahalanobis Distance // *Applied Economics and Finance*, 1(2), 78–84. DOI: 10.2139/ssrn.2312087
- Tan, J., Lo, K., Qiu, F., Liu, W., Li, J., Zhang, P. (2017). Regional Economic Resilience: Resistance and Recoverability of Resource-Based Cities during Economic Crises in Northeast China // *Sustainability*, 9, 2136. DOI: 10.3390/su9122136
- Van Bergeijk, P. A. G., Brakman, S., Van Marrewijk, C. (2017). Heterogeneous economic resilience and the great recession's world trade collapse // *Papers in Regional Science*, 96(1), 3–12. DOI: 10.1111/pirs.12279

References

- Bailey, D., Turok, I. (2016). Editorial: Resilience revisited. *Regional Studies*, 50(4), 557–560. DOI: 10.1080/00343404.2016.1146478
- Barinova, V. A., Zemtsov, S. P. (2020). Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Regional Research of Russia*, (10), 10–19. DOI: 10.1134/S2079970520010025.
- Briguglio, L., Cordina, G., Farrugia, N., Vella, S. (2009). Economic vulnerability and resilience: Concepts and measurements. *Oxford Development Studies*, 37(3), 229–247. DOI: 10.1080/13600810903089893
- Dissart, J. C. (2003). Regional economic diversity and regional economic stability: Research results and agenda. *International Regional Science Review*, 26(4), 423–446. DOI: 10.1177/0160017603259083
- Dubé, J., Polèse, M. (2016). Resilience revisited: Assessing the impact of the 2007–09 recession on 83 Canadian Regions with accompanying thoughts on an elusive concept. *Regional Studies*, 50(4), 615–628. DOI: 10.1080/00343404.2015.1020291
- Duran, H. E., Fratesi, U. (2020). Employment volatility in lagging and advanced regions: The Italian case. *Growth and Change: A Journal of Urban and Regional Policy*, 51(1), 207–233.
- Eraydin, A. (2016). Attributes and characteristics of regional resilience: Defining and measuring the resilience of Turkish regions. *Regional Studies*, 50(4), 600–614. DOI: 10.1080/00343404.2015.1034672
- Fingleton, B., Garretsen, H., Martin, R. (2012). Recessionary shocks and regional employment: evidence on the resilience of U.K. regions. *Journal of Regional Science*, 52 (1), 109–133. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x
- Foster, K. A. (2007). *A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience*. Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley.

- Gambarov, G., Musayeva, M., Krupkina, A. (2017). Russian financial market risk index. *Money and Credit*, (6), 29–38. (In Russian.)
- Giannakis, E., Bruggeman, A. (2020). Regional disparities in economic resilience in the European Union across the urban–rural divide. *Regional Studies*, 54(9), 1200–1213. DOI: 10.1080/00343404.2019.1698720
- Glazyrina, I. P., Lavlinskii, S. M. (2017). Economic and ecological models in Russia's mining sector. *Regional Research of Russia*, 7(2), 180–187. DOI: 10.1134/S2079970517020034
- Hill, E. W., Wial, H., Wolman, H. (2008). *Exploring Regional Economic Resilience*. Working Paper 2008-04. Institute of Urban and Regional Development, Berkeley.
- Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhaylova, A. A. (2018). Regional resilience: Theoretical basics of the question. *Economic Policy*, 13(6), 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187 (In Russian.)
- Klimanov, V. V., Kazakova, S. M., Mikhaylova, A. A. (2019). Retrospective analysis of the resilience of Russian regions as socio-economic systems. *Voprosy Ekonomiki*, (5), 46–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-46-64. (In Russian.)
- Korobitsyn, B. A. (2016). Regional resilience of the Ural Federal District in economic shocks and crises. Medico-demographic and environmental aspects. *Economy of Region*, 12(3), 790–801. DOI: 10.17059/2016-3-15 (In Russian.)
- Lagravinese, R. (2015). Economic crisis and rising gaps North-South: evidence from the Italian regions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(2), 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006
- Mai, X., Chan, R. C. K., Zhan, C. (2019). Which Sectors Really Matter for a Resilient Chinese Economy? A Structural Decomposition Analysis. *Sustainability*, 11, 6333. DOI: 10.3390/su11226333.
- Malkina, M. Yu. (2018). Contribution of regions and their sectors to the financial instability of the Russian economy. *Terra Economicus*, 16(3), 118–130. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-118-130 (In Russian.)
- Malkina, M. Yu. (2017). Influence of the industrial structure of economy on the risk level of Russian regions' tax systems. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 65(6), 2025–2035. DOI: 10.11118/actaun201765062025
- Malkina, M. Yu. (2020). Assessment of the Sustainability of Budget Revenues in the Regions of the Russian Federation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(4), 547–559. DOI: 10.17516/1997-1370-0588
- Martin, R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 12(1), 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019
- Modica, M., Reggiani, A. (2015). Spatial Economic Resilience: Overview and Perspectives. *Networks and Spatial Economics*, 15, 211–233. DOI: 10.1007/s11067-014-9261-7
- Morkūnas, M., Volkov, A., Bilan, Y., Raišienė, A. G. (2018). The role of government in forming agricultural policy: economic resilience measuring index exploited. *Administratie si Management Public*, 31, 111–131. DOI: 10.24818/amp/2018.31-08
- Navarro-Espigares, J. L., Martín-Segura, J. A., Hernández-Torres, E. (2012). The role of the service sector in regional economic resilience. *The Service Industries Journal*, 32(4), 571–590. DOI: 10.1080/02642069.2011.596535
- Rahma, H., Fauzi, A., Juanda, B., Widjojanto, B. (2019). Development of a Composite Measure of Regional Sustainable Development in Indonesia. *Sustainability*, 11, 5861. DOI: 10.3390/su11205861

-
- Rios, V., Gianmoena, L. (2020). The link between quality of government and regional resilience in Europe. *Journal of Policy Modeling*. Article in Press. Available online 28 February 2020. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.02.005
- Stöckl, S., Hanke, M. (2014). Financial Applications of the Mahalanobis Distance. *Applied Economics and Finance*, 1(2), 78–84. DOI: 10.2139/ssrn.2312087
- Tan, J., Lo, K., Qiu, F., Liu, W., Li, J., Zhang, P. (2017). Regional Economic Resilience: Resistance and Recoverability of Resource-Based Cities during Economic Crises in Northeast China. *Sustainability*, 9, 2136. DOI: 10.3390/su9122136
- Van Bergeijk, P. A. G., Brakman, S., Van Marrewijk, C. (2017). Heterogeneous economic resilience and the great recession's world trade collapse. *Papers in Regional Science*, 96(1), 3–12. DOI: 10.1111/pirs.12279

Удовлетворенность трудом в академической сфере

Елена Владимировна Михалкина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: evmihalkina@sfedu.ru

Людмила Сергеевна Скачкова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: lsskachkova@sfedu.ru

Сергей Александрович Дюзиков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Цитирование: Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С., Дюзиков, С. А. (2020). Удовлетворенность трудом в академической сфере // *Terra Economicus*, 18(3), 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181

В статье на материалах исследования социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета анализируется удовлетворенность трудом в академической сфере. Опираясь на концепцию субъективного благополучия, авторы обоснованно используют и наделяют новыми смыслами категории «удовлетворенность трудом», «удовлетворенность результатами труда», «субъективные метрики», «субъективная ценность». А именно теоретико-методологический конструкт исследования включает индикаторы общего уровня удовлетворенности трудом, удовлетворенности факторами, обеспечивающими рабочий процесс (*work-roleinputs*) и факторами, позволяющими характеризовать удовлетворенность результатами своего труда (*work-roleoutputs*). На основе эмпирических данных представлены результаты анализа удовлетворенности трудом в целом по федеральному университету, а также результаты сравнительного анализа данных, полученных в рамках авторского исследования, общероссийскими данными по удовлетворенности трудом в отрасли «Образования». В эмпирической части исследования на основе кейса Южного федерального университета предлагается адаптация и апробация методики кросс-национальных сравнений Альфонсо Соуза-Поза, Андреса Соуза-Поза уровня удовлетворенности трудом в целом и отдельно по входящим и исходящим факторам, определяющим ее (*work-roleinputs/work-roleoutputs*). На основе данной методики авторы также строят сравнительную матрицу удовлетворенности факторами, обеспечивающими рабочий процесс, и факторами, оценивающими удовлетворенность результатами труда. Данная матрица может стать теоретической основой для определения ориентиров в области совершенствования политики управления мотивацией сотрудников современных университетов.

Ключевые слова: субъективное благополучие; удовлетворенность трудом; академический рынок труда; организация труда; профессиональная идентичность; мотивация

Благодарность: Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-010-00591 «Выбор карьерных стратегий аспирантами».

Job satisfaction in the academic sphere

Elena V. Mikhalkina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: evmikhalkina@sfedu.ru

Lyudmila S. Skachkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: lsskachkova@sfedu.ru

Sergei A. Dyuzhikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Citation: Mikhalkina, E. V., Skachkova, L. S., Dyuzhikov, S. A. (2020). Job satisfaction in the academic sphere. *Terra Economicus*, 18(3), 160–181. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-160-181

The article analyzes job satisfaction among the academic staff in Russia. The materials on the social and professional well-being of the scientific and pedagogical personnel of the Southern Federal University provide empirical evidence for the study. The authors justify the new meanings for such concepts as «job satisfaction», «satisfaction with work results», «subjective metrics», «subjective value». The theoretical and methodological framework of the study includes indicators of the general level of job satisfaction, satisfaction with work-role inputs and factors that characterize work-role outputs. Based on empirical data, the results on job satisfaction for the Southern Federal University are compared with the data provided by the Russia Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE, for the Russian education system. The case of the Southern Federal University is suggested to test the method of cross-national comparisons authored by Alfonso Sousa-Poza and Andres Sousa-Poza, focused on the level of work satisfaction relying on work-role inputs and work-role outputs. This methodology allows the authors to build a comparative matrix of satisfaction with factors that ensure the work process and factors that assess satisfaction with work results. This matrix can serve as a theoretical basis for defining benchmarks for policies related to the academic personnel management through motivation.

Keywords: subjective well-being; job satisfaction; academic labor market; labor organization; professional identity; motivation

JEL codes: J24, J28

Acknowledgement: *The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 18-010-00591 «The choice of career strategies by post-graduate students»).*

Введение

Типичные академические будни научно-педагогических работников последних лет наряду с позитивными эффектами этой профессии продолжают демонстрировать и ряд негативных проявлений: сравнительно невысокий уровень финансового вознаграждения, рост отчетности и бумажной работы, высокий уровень психоэмоциональной напряженности, необходимость совмещения функций преподавателя, исследователя и администратора (многозадачность), ежегодный стресс от процедуры избрания на должности профессорско-преподавательского состава, повышение требований к развитию компетенций (работа с программными продуктами, преподавание на иностранном языке и др.) при отсутствии времени и ресурсов для их развития и др. Возможно, это одна из причин, по которой данная сфера не стимулирует молодых специалистов делать профессиональный выбор в этом направлении, а многие высокоэффективные и вовлеченные специалисты с опытом работы, напротив, покидают сферу высшего образования и не рассматривают ее в качестве своего карьерного роста. По данным общероссийского исследования «Индикаторы науки: 2018», только 32% респондентов были бы рады, если бы их дети захотели бы стать научными работниками или исследователями, а 31% – преподавателями университетов¹. Кроме того, специфичность академической сферы определяется еще одной интересной особенностью. Речь идет о своеобразной недоступности этой профессиональной сферы. Так, численность кадров высшей квалификации в течение последних 10 лет представлялась весьма стабильной. Например, в 2010 году кандидаты наук составляли 21,2% в общей численности трудовых ресурсов данной категории, а в 2017 году – 21,5%; доктора наук соответственно 7,3% и 7,2%. Иными словами, уровень текучести среди этой профессиональной группы остается достаточно низким (Михалкина, Скачкова, 2019: 153). Это может означать только то, что возникновение новых рабочих мест в этой профессиональной сфере идет достаточно медленными темпами, а научно-педагогические работники стараются удерживаться на своих рабочих местах изо всех сил, порождая типичное для российских вузов явление – инбридинг². Иными словами, **работа в академической сфере не всегда является привлекательной, однако те, кто принимает решение развиваться в этой профессиональной сфере, не стремятся ее покидать**. Эта профессиональная сфера привлекательна для немногих индивидов. Вышесказанное, в свою очередь, объективно формулирует исследовательскую повестку поиска факторов, характеристик этой профессиональной области, являющихся значимыми для научно-педагогических работников, которые позволяют, в свою очередь, получать **удовольствие и удовлетворенность от своего профессионального выбора**.

Обзор исследований и субъективные метрики измерения удовлетворенности

Концепция удовлетворенности трудом является одной из подмножеств концепций, объединенных в новое исследовательское направление – субъективное благополучие (subjectivewell-being), активно развивающееся в последние десятилетия в

¹ Городникова, Н. В., Гохберг, Л. М., Дитковский, К. А. и др. (2018). *Индикаторы науки: 2018: Статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ, 320 с., с. 264.

² Инбридинг – пожизненная работа в университетах, выпускниками которых являются научно-педагогические работники. (Прим. автора.)

работах многих зарубежных и отечественных исследователей (Alexandrova, 2017; Kahneman, Deaton, 2010; Diener, 1984; Bradburn, 1969; Easterlin, 1974; Inglehart, Welzel, 2010; Seligman, 2002; Хашченко, 2011; Cabelkova et al., 2015; Naros, 2018; Леонтьев, 2020; Соболева, 2020; Немировская, Соболева, 2020). В различных источниках под субъективным благополучием понимают «счастье», «субъективное экономическое благополучие», «удовлетворенность жизнью», «эмоциональное благополучие», «качество жизни», «психологическое благополучие» и др. (Kiseleva, Strielkowski, 2014; Скачкова, Щетинина, 2019). Э. Динер наряду с такими факторами субъективного благополучия, как доход, возраст, пол, образование, религия, брак, социальные связи (любовь, дружба), влияние типа личности и темперамента, высокая самооценка, высокий уровень интеллекта, указывает на значимость фактора *занятости* (Diener, Suh, 1999). В ряде работ западных ученых (Rath, Harter, 2010; Oswald et al., 2015; Warr, 2013; Strielkowski et al., 2016; Simionescu et al., 2017), а также в работах отечественных авторов (Березовская, 2016; Хвостикова, 2012; Шамионов, 2010) исследуются вопросы профессиональной компоненты субъективного благополучия среди таких профессиональных групп, чья работа связана с проблематикой эмоционального выгорания на рабочем месте (медицинские сестры, реанимационные работники, школьные учителя и педагоги в целом, инкассаторы и работники охраны, спортсмены и др.). Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза обращают внимание на существование двух подходов к исследованию субъективного благополучия: *Bottom-up theories* (восходящие теории) и *Top-down theories* (нисходящие теории). С точки зрения восходящих теорий под субъективным благополучием понимается удовлетворение от жизни, множество удовольствий, которые получают индивиды в данный момент времени, обусловленные основными человеческими потребностями (то, что лежит в основе), это сумма положительных и отрицательных воздействий в текущей ситуации (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000). В рамках этого подхода субъективное благополучие представляет собой сумму позитивных и негативных аффектов, которые в большей или меньшей степени вызываются различными обстоятельствами жизни, с которыми сталкиваются индивиды (Walter-Busch, 2000; Veenhoven, 1996; Kainulainen et al., 2018). А с точки зрения нисходящих теорий субъективное благополучие представляет собой суждение, самооценку индивидами реализации прошедших, настоящих и будущих аспектов своей жизни, восприятие в целом своей жизни («суждение о счастье») (Kainulainen et al., 2018). В этом последнем подходе личность человека играет центральную роль, в отличие от первого, где получение удовольствия от жизни в различных ее аспектах зависит во многом от внешних обстоятельств, случаев, условий, событий и т.д. (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000).

В исследованиях Института социологии РАН при оценке удовлетворенности жизнью помимо таких критериев, как материальное благополучие, социальные связи, положение (статус) в обществе, возможность получения необходимого образования и знаний, плодотворный досуг, рассматриваются дополнительные факторы, а именно: возможность реализовать себя в профессии и комфортные условия на рабочем месте (Латова, 2016; Горшков и др., 2018). Сотрудники с высоким уровнем субъективного благополучия – это высокопродуктивные сотрудники, которые в том числе реже увольняются с работы и имеют меньшее количество больничных (Oswald et al., 2015), «моральный дух сотрудников» (уровень удовлетворенности работой) снижает текучесть кадров, уровень абсентеизма, напрямую влияет на качественные и количественные показатели персональной производительности труда (Brayfield, Crickett, 1955; Vroom, 1964; Herzberg et al., 1957). Б. Георгополос, Дж. Махони и Н. Джоунс, а также Э. Лоулер и Л. Портер объясняли связь между удовлетворенностью трудом и текучестью кадров в организациях в зависимости от того, как работники оценивают вероятность связи этих действий с будущим вознаграждением. Когда работник говорит, что он удовлетворен своей работой, он фактически говорит, что удовлетворенность потребностей, которые он испытывает в данный момент времени, является результатом его усилий, прикладывае-

мых на рабочем месте. И, как следствие, такое целеполагание может обуславливать то, что высокая удовлетворенность приводит к низкому числу прогулов и увольнений, потому что удовлетворенные люди мотивированы ходить туда, где важные для них потребности удовлетворяются, т.е. на работу (Georgopoulos et al., 1957; Lawler, Porter, 1967).

Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза считают, что при оценке одной из ключевых составляющих субъективного благополучия индивидов – удовлетворенности трудом (jobsatisfaction) – большее развитие получили восходящие теории (Bottom-up theories), согласно которым удовлетворенность трудом формируется под воздействием факторов рабочей среды. Сторонники нисходящих теорий, напротив, полагали, что человек априори любит свою работу вне зависимости от воздействия факторов среды. Авторы предлагают в исследовании удовлетворенности работой использовать две группы индикаторов, играющих определенную роль при выполнении работы: work-roleinputs (входные индикаторы) и work-roleoutputs (исходящие индикаторы – результаты). В качестве входных индикаторов (work-roleinputs) Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза рассматривают продолжительность образования (количество лет обучения), продолжительность рабочего дня/рабочей недели, работу в условиях напряженности, соотношение физического и умственного труда и др. Иными словами, те факторы, которые формируют условия работы. А в качестве результирующих переменных удовлетворенности трудом (work-roleoutputs) исследователи предлагают использовать такие факторы, как высокий доход (уровень компенсаций), уровень безопасности на рабочем месте, дополнительные возможности, заинтересованность работой, независимость работы, помощь людей, польза для общества, отношения с менеджментом, отношения с коллегами. Альфонсо Соуза-Поза, Андрес Соуза-Поза обращают внимание на важность субъективных оценок вышеперечисленных входных и выходных индикаторов (например, это субъективное восприятие своего дохода, условий труда и т.д.). Удовлетворенность работой зависит от баланса между оценками входных и выходных индикаторов. Исследователи утверждают, что если значение исходящих индикаторов (work-roleoutputs) растёт по сравнению с входными (work-roleinputs), то удовлетворенность работой увеличивается (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000).

Именно субъективные метрики – это тот инструмент, который необходимо использовать при оценке удовлетворенности работой, несмотря на то, что большинство исследователей социально-экономических процессов и явлений не доверяют субъективным метрикам. Хотя в экономической науке этому разделу (теории субъективной ценности) придается весомое значение. В этом смысле обратим внимание на разницу понятий «субъективная ценность» и «объективная ценность». Так, субъективная ценность связана с благополучием субъекта, а ценность в объективном смысле – это способность вещи давать какой-нибудь объективный результат (Борисов, 2000: 72–73). Однако уже в 70-х годах Р. Истерлин обнаружил, что уровень благосостояния страны, измеряемый валовым внутренним доходом, не влиял на долю людей, которые считали себя счастливыми в долгосрочной перспективе. Основная идея Истерлина Р. заключалась в том, что уровень дохода не всегда соответствует уровню удовлетворения им. Предельная полезность дополнительной денежной единицы для каждого индивида имеет различную ценность в зависимости от его совокупного дохода (благосостояния). Эти идеи получили развитие в неоклассической методологии. Подобные исследования позволили закрепить идею об использовании не только рациональных подходов – объективных метрик – к измерению качества жизни, благополучия индивидов, но и субъективных метрик (Easterlin, 1974).

Достаточно интересны выводы исследований, проведенных Дж. Акерлофом, Р. Крэнтоном о формировании профессиональной самоидентификации и ее влиянии на мотивацию и результативность труда в организации. Исследователи утверждают, что при осознании работниками своей идентичности с профессиональной средой и организацией возможна ситуация повышения их продуктивности и в условиях слабых денежных стимулов (Akerlof, Kranton, 2005). По мнению авторов, в профессии преподавателя может быть достаточно ярко выражена, а точнее, сформирована профессиональная

идентичность, принадлежность к профессиональному «этносу», которая, безусловно, может являться одним из компонентов удовлетворенности работой, а следовательно, и опосредованно – детерминантой субъективного благополучия научно-педагогических работников (т.е. чем больше мы любим профессию, чем более мы привержены к этому виду деятельности, тем больше удовольствия мы можем получать от жизни). Л. Скачкова, Д. Щетинина, Ю. Филоненко, Е. Яковлева, изучая субъективное благополучие научно-педагогических работников федеральных университетов, включили в исследовательский конструкт – субъективные оценки благополучия в профессии. В процессе глубинных интервью представители академической профессии указали на значимость самого содержания работы, особенностей организации рабочего графика в высшей школе, возможность постоянного профессионального и личностного развития, возможности постоянной коммуникации с молодым поколением. Информанты также отмечали ряд факторов, которые существенным образом снижают удовлетворенность трудом, среди которых – бюрократия, недостатки и провалы политики в образовании (Скачкова, Щетинина, 2019; Филоненко, Яковлева, 2019). Н. Соболева на примере 38 российских регионов исследует и доказывает влияние удовлетворенности работой на общую удовлетворенность жизнью, автор обращает внимание, что удовлетворенность работой вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью у лиц с высшим образованием (Соболева, 2020). Таким образом, накопленная критическая масса авторских концепций и исследовательских подходов к изучению феномена удовлетворенности трудом в той или иной профессиональной сфере позволяет сформировать и собственный исследовательский конструкт, и методологию.

Методология и конструкт исследования удовлетворенности трудом в академической сфере

Методология и исследовательский конструкт удовлетворенности трудом в академической сфере были встроены в расширенную программу изучения социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета, реализованную в период с октября 2019 по февраль 2020 года³. В целом исследовательская программа по изучению социально-профессионального самочувствия в федеральном университете была направлена на диагностику факторов неэффективного рабочего поведения преподавателей федерального университета и на поиск новых институций их вовлеченности и мотивации.

При разработке частной методологии исследования удовлетворенности трудом в академической сфере авторы руководствовались следующими принципами и подходами: во-первых, удовлетворенность трудом может быть измерена только через субъективные оценки индивидуумов; во-вторых, авторы принимают подход Bottom-up theories (восходящих теорий), в соответствии с которым удовлетворенность трудом формируется под воздействием факторов: work-role inputs (факторы, обеспечивающие и/или характеризующие рабочий процесс) и work-role outputs (результаты) (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000); в-третьих, суждения относительно высокого или невысокого уровня удовлетворенности трудом могут строиться только на сравнительных оценках, так как, по мнению исследователей, достижение максимально возможного уровня удовлетворенности трудом не представляется возможным в силу постоянной изменчивости внешних и внутренних факторов, определяющих и влияющих на этот показатель мотивации (например, авторы считают абсолютно обоснованным сравнение микроданных Южного федерального университета с данными, полученными в рамках ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). С учетом указанных выше принципов и цели исследования авторами была разработана анкета для проведения онлайн-опроса. Эмпирические индикаторы, включенные в конструкт анкеты, представлены в табл. 1.

³ В данной публикации освещаются только результаты исследования удовлетворенности трудом сотрудников федерального университета. (Прим. авторов.)

Таблица 1

**Эмпирические индикаторы оценки удовлетворенности трудом
в академической сфере (фрагмент анкеты исследования
социально-профессионального самочувствия сотрудников ЮФУ)**

Уровни индикаторов	Индикаторы	Вопросы в анкете
Общие индикаторы удовлетворенности	Удовлетворенность своей профессиональной деятельностью	Удовлетворены ли вы своей профессиональной деятельностью?
	Удовлетворенность результатами своего труда	Довольны ли вы результатами своего труда?
Work-role inputs (входные индикаторы)	Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик
	Организация труда	Мне удобен мой рабочий график. Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи
	Условия и безопасность труда	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места. В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)
	Поддержка развития академического сообщества	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития
Work-role outputs (исходящие индикаторы – результаты)	Удовлетворенность заработной платой	Я получаю заработную плату, адекватную моим трудовым усилиям. Уровень дохода в ЮФУ заставляет меня искать дополнительный заработок на стороне. У меня есть возможность получать доплаты и надбавки за дополнительную работу в университете
	Оценка перспектив карьерного роста	Я вижу для себя перспективы карьерного роста в ЮФУ
	Оценка взаимоотношений с руководством	Я могу повлиять на управленческие решения, принимаемые в университете. На работе я имею возможность участвовать в решении сложных и нестандартных задач. Мои усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены руководителем. Я всегда могу рассчитывать на объективную обратную связь со стороны руководителя
	Оценка взаимоотношений с коллегами	Мои усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены моими коллегами. У меня с коллегами сложились отношения доверия и взаимной поддержки
	Оценка результатов своего профессионального развития	Мой личный профессиональный рост – это движение вперед для всего университета. Работа с иностранными студентами способствует развитию моих профессиональных навыков
	Польза для общества	Я чувствую, что занимаюсь чем-то важным и значимым для общества

Источник: составлено авторами

Обратим внимание, что в структуре анкетных вопросов, позволяющих выявлять субъективные оценки, использовались порядковые шкалы⁴. Роль информантов в исследовании выполняли сотрудники Южного федерального университета (профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, административно-управленческий персонал, учебно-вспомогательный персонал). На момент проведения исследования численность персонала университета составляла 4748 человек. При формировании выборки использовался метод неслучайной выборки – метод стихийного отбора, т.е. разработанная исследователями анкета была отправлена во все структурные подразделения университета, сотрудники которых по желанию могли заполнить ее. По итогам онлайн-опроса в исследовании приняли участие 1650 человек, что составляет 34,7% от числа всех сотрудников ЮФУ. Наиболее представительной оказалась группа профессорско-преподавательского состава (55,8%). Остальные категории сотрудников были представлены в меньшей степени: 25,6% – в категории учебно-вспомогательного персонала; 22,5% – в категории административно-управленческого персонала, 9,7% – в категории научных сотрудников. Обратим внимание на то, что авторы не ставили задачи распространения представленных ниже выводов эмпирического исследования на всю генеральную совокупность. В этой связи суждения и заключения, предложенные в данном исследовании, следует рассматривать как мнение достаточно многочисленной группы представителей академического сообщества. Кроме того, авторы предлагают обратить внимание на сравнительную методику оценки удовлетворенности трудом внутри университета по профессиональным группам, которая может быть полезна для принятия управленческих решений в области разработки и внедрения программы мотивации академического персонала.

Обзор результатов эмпирических исследований удовлетворенности трудом в академической сфере

Общие индикаторы удовлетворенности трудом в Южном федеральном университете по сравнению с общероссийскими данными оказались весьма высоки («Удовлетворены ли вы своей профессиональной деятельностью?»). Так, в целом по федеральному университету удовлетворены своей профессиональной деятельностью 83,3% опрошенных⁵ (рис. 1).

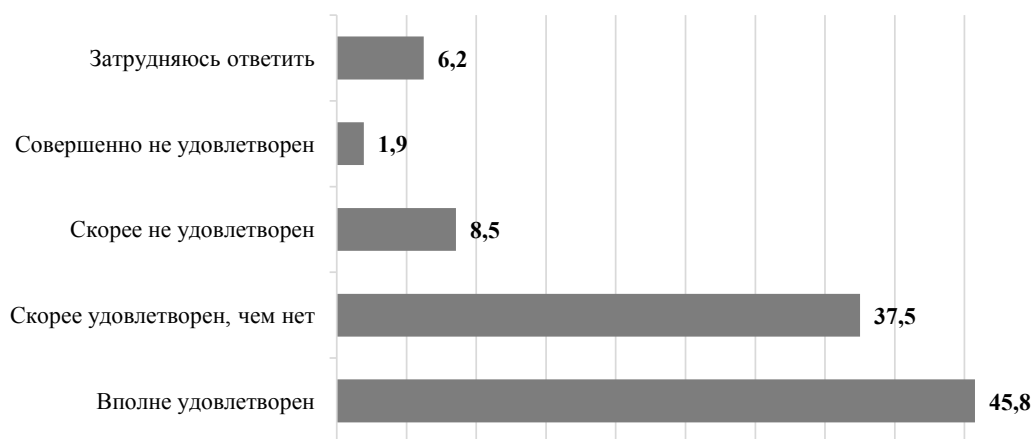

Рис. 1. Удовлетворенность профессиональной деятельностью сотрудников ЮФУ, %

Источник: расчеты авторов

⁴ Например, 1 – «вполне удовлетворен», 2 – «скорее удовлетворен», 3 – «скорее не удовлетворен», 4 – «совершенно не удовлетворен», 5 – «затрудняюсь ответить», либо 1 – «согласен», 2 – «скорее согласен», 3 – «скорее не согласен», 4 – «не согласен», 5 – «затрудняюсь ответить».

⁵ Прим. авторов. Здесь и далее при освещении эмпирических результатов исследования удовлетворенности трудом в ЮФУ и в целом по России (отрасль «Образование») суммируются положительные оценки, например, общий уровень профессиональной деятельностью в ЮФУ – 83,3% – составил сумму ответов респондентов: «вполне удовлетворен» – 45,8%, «скорее удовлетворен, чем нет» – 37,5%.

В свою очередь, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), уровень удовлетворенности работников в отрасли «Образование» за последние 14 лет изменялся в диапазоне от 62,1% до 75% (рис. 2).

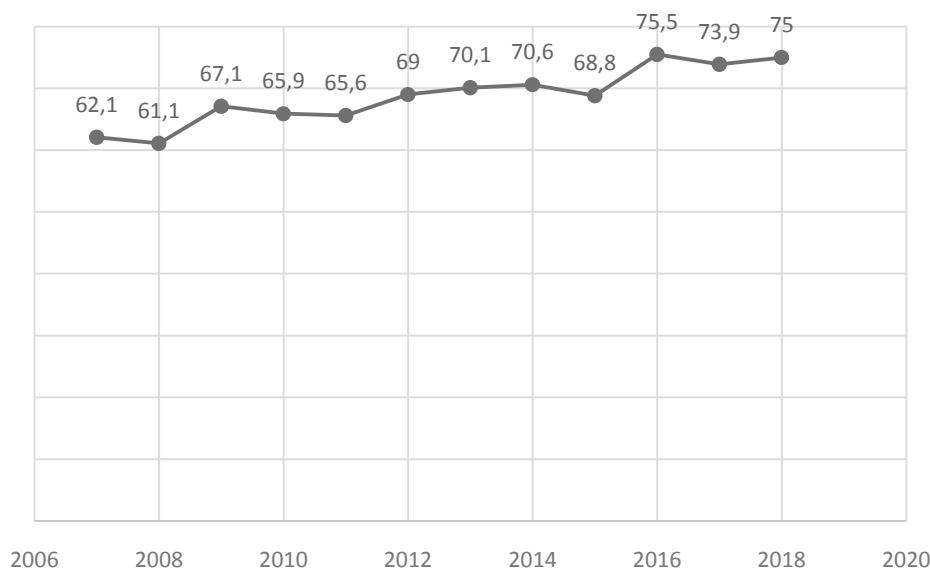

Рис. 2. Удовлетворенность работой в целом по РФ (отрасль «Образование»), %

Источник: составлено авторами по RLMS HSE

При этом максимальный уровень удовлетворенности в ЮФУ показали научно-педагогические работники (85,3%) и административно-управленческий персонал (83,9%), минимальный – научные сотрудники (71,4%) и учебно-вспомогательный персонал (77,2%) (рис. 3). Интересно, что удовлетворенность профессиональной деятельностью различается у представителей разных возрастных групп. Так, максимальную удовлетворенность демонстрируют представители старшей возрастной группы (группа «условно пенсионного возраста» старше 60 лет), где в целом удовлетворены своей профессиональной деятельностью 88,5% опрошенных. В группе молодых работников (младше 30 лет) удовлетворенность профессиональной деятельностью составила 83,4%, а в средней возрастной группе (основной состав сотрудников от 30 до 60 лет) – 82,1%.

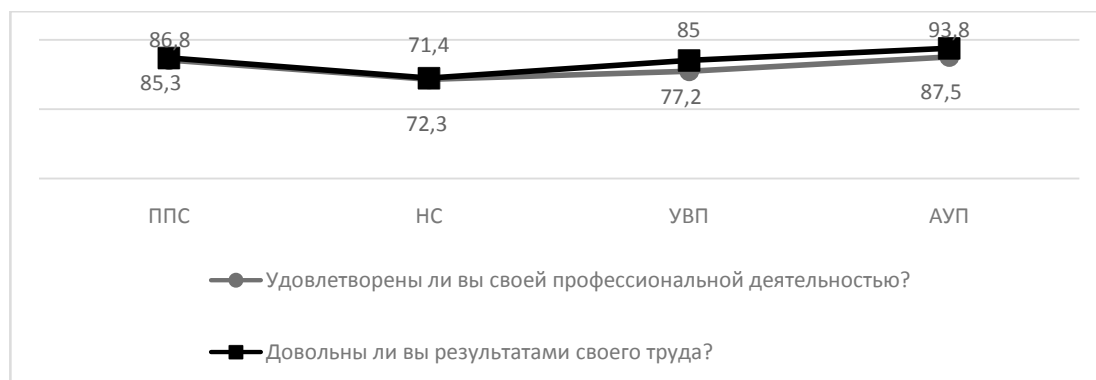

Рис. 3. Удовлетворенность трудом по профессиональным группам в ЮФУ, %

Источник: расчеты авторов

Обратим внимание еще раз на рис. 3, где также представлена статистика удовлетворенности *результатами труда*. Безусловно, эти показатели высоки, если их

сравнивать с общероссийским уровнем удовлетворенности, но они выше показателей удовлетворенности *профессиональной деятельностью* в данном федеральном университете. Означает ли это, что удовлетворенность результатами труда выше, чем удовлетворенность процессом (профессиональной деятельностью)? По мнению авторов, это может быть действительно так, но этот факт также доказывает необходимость использования подхода *work-roleinputs* (анализ факторов, которые обеспечивают рабочий процесс) и *work-roleoutputs* (факторы, определяющие результат рабочего процесса) при анализе удовлетворенности трудом в целом. Следуя этой логике, авторы предлагают последовательно проанализировать данные, полученные в рамках исследования социально-профессионального самочувствия сотрудников ЮФУ по факторам, обеспечивающим рабочий процесс или характеризующим его условия – *work-roleinputs*, и факторам-результатам – *work-roleoutputs* (см. классификацию этих факторов в табл. 1 настоящей статьи).

К факторам рабочего процесса (*work-roleinputs*) были отнесены: *напряженность труда, организация труда, условия и безопасность труда, условия поддержки академического сообщества*. Относительно чрезмерных трудовых нагрузок мнение сотрудников ЮФУ не было очень категоричным (самооценка напряженности труда). Почти 13% опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос, 45% отметили «согласны» и «скорее согласны» (табл. 2).

Таблица 2

**Общее распределение ответов сотрудников на вопрос
«Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик»**

Вариант ответа	Кол-во	%
Согласен	294	 17,8%
Скорее согласен	449	 27,2%
Скорее не согласен	441	 26,7%
Не согласен	258	 15,6%
Затрудняюсь ответить	208	 12,6%
Сумма ответов	1650	

Источник: расчеты авторов

Рабочий график сотрудников ЮФУ являлся, таким образом, чуть ли не самым благоприятным фактором труда. Абсолютное большинство (88,1%) опрошенных, в той или иной степени согласились с тем, что рабочий график им удобен. Каждый второй сотрудник (49%) согласен с тем, что руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи, треть (33%) – скорее согласны с этим утверждением, 12% – не согласны или скорее не согласны с этим утверждением. Условия и безопасность труда – очень важная часть профессионального самочувствия, но, как показали результаты онлайн-опроса, субъективная оценка этого фактора оказалась ниже, чем оценка этого же показателя по результатам анализа общероссийских данных мониторинга аналогичного фактора в отрасли «Образование» (см. рис. 4). Так, за последние 14 лет наблюдался рост удовлетворенности этим фактором по России (в 2006 году – 61,7%, а в 2018 году – 76,7%). При этом в федеральном университете в 2019 году только 51,7% сотрудников указали на удовлетворенность техническим оснащением рабочего места, а 58,8% – на удовлетворенность оснащенностью аудиторного фонда, санитарно-гигиеническим состоянием здания и т.д.

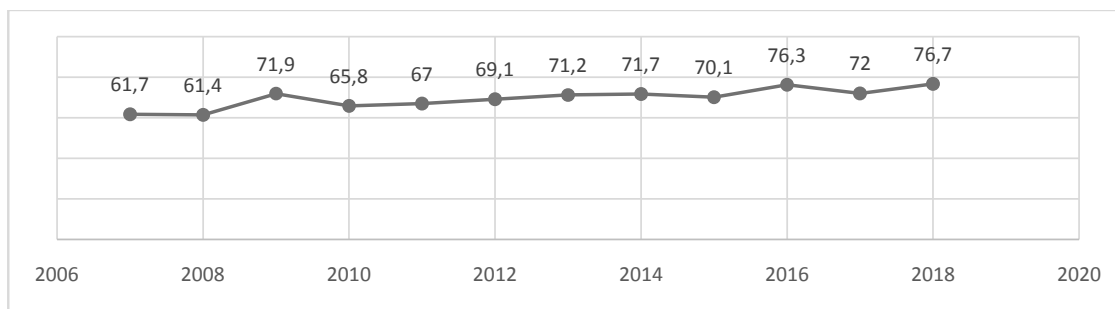

Рис. 4. Удовлетворенность условиями труда в целом по РФ (отрасль «Образование»), %

Источник: составлено авторами по RLMS HSE

Аналогичная ситуация среди респондентов зафиксирована и по оценке эффективности программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. По мнению только 46,3% респондентов, существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствовали их потребностям развития. В целом по РФ наблюдался рост этого показателя: с 42,1% в 2006 году до 53,4% в 2018 году (рис. 5). Но, обратим внимание, что несмотря на то, что показатели удовлетворенности условиями труда и потребностей в профессиональном развитии в федеральном университете оказались ниже, чем в среднем по России, в целом этот тренд невысокой самооценки данного сегмента факторов, обеспечивающих эффективную реализацию рабочих процессов в отрасли «Образование», все равно остается достаточно низким.

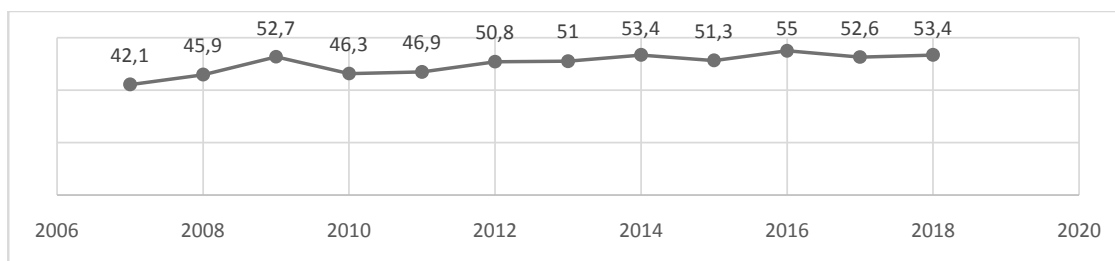

Рис. 5. Удовлетворенность возможностями профессионального роста в целом по РФ (отрасль «Образование»), %

Источник: составлено авторами по RLMS HSE

К факторам-результатам (*work-roleoutputs*) были отнесены: удовлетворенность заработной платой, оценка перспектив карьерного роста, оценка взаимоотношений с руководством, оценка взаимоотношений с коллегами, оценка результатов своего профессионального развития, а также самооценка значимости профессиональной сферы для общества (см. табл. 1). Только 34,7% респондентов федерального университета удовлетворены адекватностью заработной платы трудовым усилиям, а 43,1% отметили, что у них есть возможность получать доплаты и надбавки за дополнительную работу в университете. И этот показатель повторяет тенденцию невысокой субъективной оценки этого фактора в целом по РФ. По данным RLMS HSE, удовлетворенность оплатой труда в 2018 году отметили 35% работников отрасли «Образование», а в 2006 году этот показатель был рекордно низким (23%) (см. рис. 6). Изменение в оплате труда педагогических работников были зафиксированы еще в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», согласно которому в российских регионах к 2018 году необходимо было обеспечить повышение заработной платы преподавателей ву-

зов и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе.

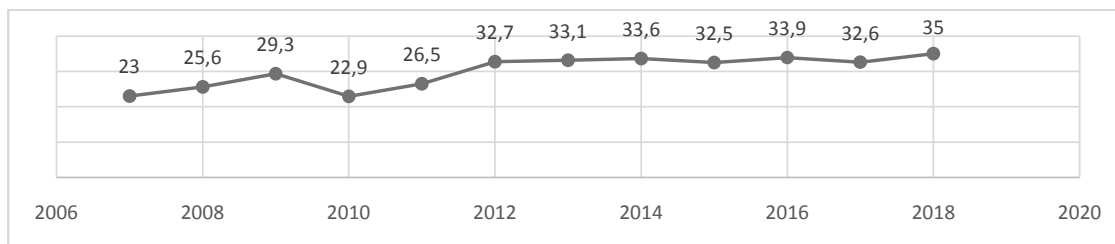

Рис. 6. Удовлетворенность оплатой труда в целом по РФ (отрасль «Образование»), %

Источник: составлено авторами по RLMS HSE

Говоря о перспективах карьерного роста, отметим, что только 42,5% сотрудников федерального университета видели для себя перспективы карьерного роста, при этом большая часть молодых сотрудников (до 30 лет) мыслили более позитивно о карьере в ЮФУ (59%). Наибольший процент несогласных с высказыванием «Я вижу для себя перспективы карьерного роста в ЮФУ» наблюдался в возрастной категории старше 60 лет (11,4%). Такие результаты, на наш взгляд, были связаны с тем, что старшее поколение, которое прошло весь свой профессиональный путь, уже практически не ожидает нового витка в этой области, что обратно пропорционально желаниям и стремлениям более молодого поколения.

Оценка взаимоотношений с руководством исследовалась через анализ субъективных оценок. В качестве субъективных метрик были отобраны следующие: 1) наличие возможности влияния сотрудников университета на управленческие решения в университете; 2) привлечение сотрудников университета к участию в решении сложных и нестандартных задач, например, через широкое представительство сотрудников в различных рабочих группах, комитетах и комиссиях; 3) оценка руководством университета усилий и профессиональных достижений сотрудников, например, через институт индивидуального рейтинга, различных поощрений, стимулирующих выплат; 4) наличие оценки объективной обратной связи со стороны руководства. Среди обозначенных факторов наиболее высокий уровень удовлетворенности был отмечен в отношении фактора «объективность обратной связи со стороны руководителя» (79,7%). Однако в отношении фактора «возможности влияния на управленческие решения в университете» были получены самые низкие оценки (18,2%). Вместе с тем профессорско-преподавательский состав и административные сотрудники университета оценили удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами как высокую. Скорее это связано с тем, что университет в отличие от любой другой корпоративной среды представляет собой определенную университетскую субкультуру, сформированную многолетними традициями, нормами поведения, элементами этики, пронизанной духом сотрудничества и академических свобод. Так, 76,9% респондентов считают, что усилия и профессиональные достижения по достоинству оценены коллегами, а 90,9% опрошенных полагают, что у них сложились отношения доверия и взаимной поддержки. Не все сотрудники понимают важность профессионального роста и его влияние на развитие университета, только 66,2% сотрудников ЮФУ выразили свое согласие относительно утверждения «Мой личный профессиональный рост – это движение вперед для всего университета». 80% сотрудников федерального университета ощущают, что занимаются чем-то важным и значимым для общества. Максимально значимой и важной свою работу оценивали в той или иной мере сотрудники старше 60 лет – их совокупный процент более 85%. В наименьшей степени – сотрудники возрастной группы до 30 лет (72%).

В рамках анализа удовлетворенности трудом в современных университетах обратим внимание на сравнительный анализ факторов рабочего процесса (work-roleinputs) и факторов-результатов (work-roleoutputs) по категориями академического персонала (про-

фессорско-преподавательский состав, научные сотрудники, административно-управленческий персонал, учебно-вспомогательный персонал). Авторами был проведен ряд преобразований, алгоритм которых продемонстрирован на примере группы факторов рабочего процесса (work-roleinputs). В табл. 3 представлены обобщенные ответы респондентов.

Таблица 3

**Удовлетворенность факторами рабочего процесса
(work-roleinputs), %⁶**

Фактор	Индикатор	ППС	НС	УВП	АУП
Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик ⁷	39	42	58,3	42
	Мне удобен мой рабочий график	87,3	87,5	92,9	86,6
Организация труда	Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи	81,2	78,6	83,5	84,8
	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места	46,7	55,4	64,2	72,3
Условия и безопасность труда	В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)	56,7	53,6	65,7	71,4
	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития	47,3	35,7	46,1	47,3

Источник: расчеты авторов

Для дальнейшего анализа были проведены преобразования в таблице в соответствии с формулой (1):

$$KS_{ij} = \frac{JS_{ij}}{JS_{jmax}}, \quad (1)$$

где KS_{ij} – коэффициент удовлетворенность работой по i -му фактору в j -й профессиональной группе, JS_j – уровень удовлетворенности i -м фактором в j -й профессиональной группе, JS_{jmax} – максимальный уровень удовлетворенности i -м фактором в j -й профессиональной группе. Например,

$$KS_{11} = \frac{39}{58,3} = 0,67, \quad (2)$$

Таким образом, табл. 3 была преобразована в табл. 4.

⁶ Далее сравнительный анализ проводится также по данным исследования удовлетворенности трудом сотрудников ЮФУ, реализованного в рамках более масштабного исследования «Социально-профессиональное самочувствие научно-педагогических работников ЮФУ» (2019–2020). (Прим. авторов.)

⁷ Чтобы привести в соответствие ответы респондентов на этот вопрос, здесь суммируются не ответы на вопросы «Согласен», «Скорее согласен», а ответы – «Скорее не согласен», «Не согласен». (Прим. авторов.)

Таблица 4

Коэффициенты удовлетворенности факторами рабочего процесса

Фактор	Индикатор	ППС	НС	УВП	АУП
Напряженность труда	Объем работы, которую мне приходится выполнять, чрезмерно велик	0,67	0,72	1,00	0,72
Организация труда	Мне удобен мой рабочий график	0,94	0,94	1,00	0,93
	Руководитель четко и своевременно формулирует текущие задачи	0,96	0,93	0,98	1,00
Условия и безопасность труда	Я удовлетворен техническим оснащением моего рабочего места	0,65	0,77	0,89	1,00
	В моем структурном подразделении созданы комфортные условия труда (оснащенность аудиторного фонда, санитарно-гигиеническое состояние зданий и т.д.)	0,79	0,75	0,92	1,00
Поддержка развития академического сообщества	Существующие в университете программы повышения квалификации/профессиональной переподготовки соответствуют моим потребностям профессионального развития	1,00	0,75	0,97	1,00

Источник: расчеты авторов

Следующая итерация с данными в табл. 4 сводится к суммированию полученных значений коэффициентов. Например, удовлетворенность по фактору «Организация труда» для группы ППС будет равна 1,9 (0,94 + 0,96). Таким образом, табл. 4 преобразуется в следующую – табл. 5.

Таблица 5

Обобщенная таблица коэффициентов удовлетворенности факторами рабочего процесса

Work-roleinputs	ППС	НС	УВП	АУП	Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы ⁸
Напряженность труда	0,67	0,72	1,00	0,72	1
Организация труда	1,9	1,87	1,98	1,93	2
Условия и безопасность труда	1,44	1,52	1,81	2	2
Поддержка развития академического сообщества	1,00	0,75	0,97	1,00	1
Общий коэффициент удовлетворенности по факторам рабочего процесса (work-roleinputs)	5,01	4,86	5,76	5,65	6
Относительные общие коэффициенты удовлетворенности от их максимального значения	0,84⁹	0,81	0,96	0,94	

Источник: расчеты авторов

⁸ Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы равно количеству индикаторов каждого фактора.

⁹ Например, $5,01 / 6 = 0,84$.

Обратим внимание, что инструментарий, представленный в таблицах 3, 4, 5, позволяет осуществлять сравнение только внутри профессиональной группы академических работников по разным категориям, но никоим образом уже не позволяет делать суждения относительно различных показателей удовлетворенности в целом по университету либо среднероссийских показателей. Иными словами, применяя данную методику, можно только понять, какая из профессиональных групп наименее или наиболее удовлетворена тем или иным фактором. Согласно данным, в целом наиболее удовлетворенными категориями сотрудников по факторам рабочего процесса (work-roleinputs) являются учебно-вспомогательный персонал (5,76) и административно-управленческий персонал (5,65), а наименее удовлетворенной – научные сотрудники (4,86). Если проводить детальный анализ, то по фактору «напряженность труда» наиболее удовлетворенными являются представители учебно-вспомогательного персонала (2), а наименее удовлетворенными – сотрудники категории профессорско-преподавательского состава (1,44). По фактору «организация труда» значительных расхождений не обнаружено, а по фактору «поддержка развития академического сообщества» неудовлетворены работники профессиональной группы «профессорско-преподавательский состав».

Преобразования, продемонстрированные в таблицах 3, 4, 5 были произведены также и по факторам-результатам (work-rolesoutputs), что отражено в табл. 6.

Таблица 6

Обобщенная таблица коэффициентов удовлетворенности факторами рабочего процесса

Work-roleoutputs	ППС	НС	УВП	АУП	Максимальное значение коэффициента для каждой профессиональной группы
Удовлетворенность заработной платой	2,8	2,63	2,54	2,55	3
Оценка перспектив карьерного роста	1	0,77	0,66	0,81	1
Оценка взаимоотношений с руководством	3,35	3,29	2,88	3,9	4
Оценка взаимоотношений с коллегами	1,91	2	1,9	1,95	2
Оценка результатов своего профессионального развития	2	1,67	1,58	1,82	2
Польза для общества	1	0,77	0,79	0,99	1
Общий коэффициент удовлетворенности по факторам рабочего процесса (work-roleinputs)	12,06	11,13	10,35	12,02	13
Относительные общие коэффициенты удовлетворенности от их максимального значения	0,93	0,86	0,8	0,92	

Источник: расчеты авторов

В целом наиболее удовлетворенным результатами своего труда оказался академический персонал, относящийся к категориям «профессорско-преподавательский состав» (12,06) и «административно-управленческий персонал» (12,02), а наименее удовлетворенным – учебно-вспомогательный персонал (10,35). Сравнивая удовлет-

воренность результатами труда по факторам, обратим внимание на то, что, профессорско-преподавательский состав более удовлетворен заработной платой по сравнению с другими категориями персонала. Недовольны перспективами карьерного роста (0,66), взаимоотношениями с руководителем (2,88) и оценкой результатов своего профессионального развития (1,58) сотрудники учебно-вспомогательной категории. Обратим внимание, что именно эта категория персонала в университете имеет очень высокий уровень текучести, но при этом его роль является достаточно значимой в обеспечении эффективной реализации образовательных и исследовательских проектов в современных университетах. И результаты сравнительного анализа позволяют обнаружить проблемные зоны в области мотивации этой категории персонала. Значительных отклонений в субъективных оценках взаимоотношений с коллегами между профессиональными группами не обнаружено. При проведении анализа обнаружены невысокий уровень удовлетворенности результатами своего профессионального развития и ощущение важности и значимости профессиональных достижений среди научных сотрудников по сравнению с другими категориями академического персонала.

Авторы предлагают завершить изложение методики и результатов сравнительного анализа построением схематичной матрицы, позволяющей классифицировать профессиональные группы по степени удовлетворенности факторами рабочего процесса и факторами результатов труда. На рис. 7 можно увидеть, что, во-первых, существует разница в оценке факторов между профессиональными группами, а во-вторых, внутри каждой группы существуют разные уровни удовлетворенности факторами рабочего процесса (*work-role inputs*) и факторами результатов труда (*work-role outputs*)¹⁰.

Рис. 7. Дифференциация уровней удовлетворенности трудом в профессиональных группах академической сферы (на основе кейса ЮФУ)

Источник: расчеты авторов

В результате ранжирования коэффициентов удовлетворенности по степени убывания в рассматриваемых группах академической сферы получена сравнительная матрица удовлетворенности трудом в академической сфере на данных федерального университета (табл. 7).

Таким образом, полученная матрица может, с одной стороны, выполнять функцию наглядного аналитического инструментария для сравнительной оценки удовлетворенности трудом в различных профессиональных группах, а с другой стороны, позволяет в некоторой степени получить ориентиры в области совершенствования политики управления мотивацией в конкретном университете. Например, согласно полученной матрице очевидно, что профессиональная группа научных сотрудников в целях вовлечения и включения в достижения результативности деятельности требует

¹⁰ Построен по данным таблиц 5 и 6.

первоочередных мер в области стимулирования труда и совершенствования факторов рабочего процесса, обеспечивающих качественную работу и более высокий уровень удовлетворенности результатами своего труда.

Таблица 7

Сравнительная матрица удовлетворенности трудом

		work-roleinputs		work-roleoutputs	
				высокий уровень (1, 2)	низкий уровень (3, 4)
ППС	0,84	3	0,93	1	
НС	0,81	4	0,86	3	
УВП	0,96	1	0,8	4	
АУП	0,94	2	0,92	2	

work-roleinputs			work-roleoutputs	
	высокий уровень (1, 2)	низкий уровень (3, 4)	АУП	УВП
высокий уровень (1, 2)				
низкий уровень (3, 4)			ППС	НС

Источник: расчеты авторов

Резюме

Подводя итог исследованию удовлетворенности трудом в академической сфере на основе методологии субъективных метрик, следует подчеркнуть значимость и актуальность обращения к этой проблеме в связи с необходимостью включенности современных университетов в достижение стратегических целей научно-технологического развития РФ. Реализация стратегических программ развития университета формирует ряд серьезных вызовов для академического сообщества, а именно: развитие кадрового академического потенциала, освоение и внедрение новых цифровых форматов, поиск и создание международных коллабораций в процессе генерации и передачи знаний, внедрение новых форм организации труда в сфере высшего образования (например, дистанционный или смешанный формат обучения) и т.д. Поэтому измерение удовлетворенности трудом научно-педагогических работников в условиях реализации современных академических стратегий представляется авторам весьма актуальным; оценка именно этих факторов позволяет создавать эффективные институции и инструменты для управления мотивацией работников в высшей школе. Определенным вкладом в решение этой задачи может являться научный поиск и разработка эффективных методов и методик проведения и анализа исследований удовлетворенности трудом, что и было предпринято авторами в рамках данной статьи. Данные об удовлетворенности трудом, полученные в рамках исследования социально-профессионального самочувствия научно-педагогических работников Южного федерального университета, а также анализ различных концепций и методологических подходов к изучению удовлетворенности трудом и субъективного благополучия позволили авторам адаптировать методику кросс-национальных сравнений Альфонсо Соуза-Поза, Андреса Соуза-Поза (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000) к анализу кросс-профессиональных сравнений уровня удовлетворенности трудом в целом и отдельно по входящим и исходящим факторам, определяющих ее (work-roleinputs/work-roleoutputs) в академической сфере (Sousa-Poza, Sousa-Poza, 2000). Авторы полагают, что достижение максимального уровня удовлетворенности не является достаточно реалистичной задачей в современных университетах в силу высокой изменчивости внутренней и внешней среды в современных университетах, поэтому понимать и делать суждения относительно величины существующего уровня удовлетворенности трудом можно только на

основе сравнительных методик (таких как сравнение с общероссийскими показателями в отрасли «Образование», сравнение внутри академической сферы по профессиональным группам), что, собственно, и было продемонстрировано в рамках данной статьи.

Литература

- Березовская, Р. А. (2016). Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // *Психологические исследования*, 9(45).
- Борисов, Е. Ф. (сост.) (2000). *Хрестоматия по экономической теории*. М.: Юристъ.
- Горшков, М. К., Петухов, В. В. (отв. ред.) (2018). *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа*. М.: Весь Мир.
- Латова, Н. В. (2016). Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (3), 16–37.
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (1), 14–37.
- Михалкина, Е. В., Скачкова, Л. С. (2019). О выборе карьерных стратегий аспирантами федеральных университетов // *Проблемы развития территории*, (6), 151–172. DOI:10.15838/ptd.2019.6.104.10
- Немировская, А. В., Соболева, Н. Э. (2020). Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива // *Вестник Института социологии*, 11(2), 54–81.
- «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlmsi><http://www.hse.ru/rlms>).
- Скачкова, Л. С., Щетинина, Д. П. (2019). Контур субъективного благополучия научно-педагогических работников // *Региональная экономика: теория и практика*, 17(11), 2026–2038.
- Соболева, Н. Э. (2020). Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (1), 368–390.
- Филоненко, Ю. В., Яковлева, Е. А. (2019). Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (3), 68–85. (<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.05>).
- Хашенко, В. А. (2011). Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // *Экспериментальная психология*, 4(1), 106–127.
- Хвостикова, В. А. (2012). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации // *Социальная психология и общество*, (1), 26–39.
- Шамионов, Р. М. (2010). О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // *Мир психологии*, (1), 237–249.

- Akerlof, G., Kranton, R. (2005). Identity and the economics of organizations // *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 9–32.
- Alexandrova, A. (2017). *A Philosophy for the Science of Well-Being*. Oxford: Oxford University Press.
- Bradburn, N. M. (1969). *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine.
- Diener, E. (1984). Subjective well-being // *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575.
- Cabelkova, I., Abraham, J., Strielkowski, W. (2015). Factors influencing job satisfaction in post-transition economies: the case of the Czech Republic // *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 21(4), 448–456. (<https://doi.org/10.1080/10803548.2015.1073007>).
- Diener, E., Suh, E.M. (1999). National differences in subjective well being, pp. 434–450 / In: D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.) *Well Being. The foundations of Hedonic Psychology*. N.Y.: Russell Sage.
- Easterlin, R. E. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence, pp. 89–125 / In: P.A. David, M.W. Reder (eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press.
- Georgopoulos, B., Mahoney, G., Jones, N. (1957). A Path-Goal Approach to Productivity // *Journal of Applied Psychology*, XLI, 345–353.
- Herzberg, F., Mausner, B., Peterson, R., Capwell, D. (1957). *Job Attitudes: Review of Research and Opinion*. Pittsburgh: Psychological Service.
- Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, values, and well-being: A human development model // *Social Indicators Research*, 97, 43–63.
- Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being // *PNAS*, 107(38), 16489–16493.
- Kainulainen, S., Saari, J., Veenhoven, R. (2018). Life-satisfaction is more a matter of feeling-well than having-what-you-want. Tests of Veenhoven's theory // *International Journal of Happiness and Development*, 4(3), 209–235.
- Kiseleva, L. S., Strielkowski, W. (2014). Economic analysis of happiness, wellbeing and health: a Tyumen region case study // *Actual Problems of Economics*, 161(11), 245–254.
- Lawler, E., Porter, L. (1967). Antecedent Attitudes of Effective Managerial Performance // *Organizational Behavior and Human Performance*, II, 122–143.
- Naros, M. S. (2018). Romanian economists and the labour market // *Czech Journal of Social Sciences Business and Economics*, 7(1), 6–15. (<https://doi.org/10.24984/cjssbe.2018.7.1.1>).
- Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity // *Journal of Labor Economics*, 33(4), 789–822.
- Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.
- Simionescu, M., Strielkowski, W., Kalyugina, S. (2017). The impact of Brexit on labour migration and labour markets in the United Kingdom and the EU // *Terra Economicus*, 15(1), 148–156. (<https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-1-148-156>).
- Seligman, M. E. P. (2002). *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: The Free Press.
- Sousa-Poza, A., Sousa-Poza, A. (2000). Well-being at work: A cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction // *Journal of Socio-Economics*, 29, 517–538.
- Strielkowski, W., Tumanyan, Y., Kalyugina, S. (2016). Labourmarket inclusion of international protection applicants and beneficiaries // *Economics and Sociology*, 9(2), 293–302. (<https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-2/20>).

- Veenhoven, R. (1996). Developments in satisfaction-research // *Social Indicators Research*, 37, 1–46.
- Vroom, V. (1964). *Work and Motivation*. New York: Wiley.
- Walter-Busch, E. (2000). Stability and change of regional quality of life in Switzerland, 1978–1996 // *Social Indicators Research*, 50, 1–49.
- Warr, P. (2013). How to think about and measure psychological well-being, pp. 76–90 / In: R.R. Sinclair, M. Wang, L.E. Tetrick (eds.) *Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis*. Routledge/Taylor & Francis Group.

References

- Akerlof, G., Kranton, R. (2005). Identity and the economics of organizations. *Journal of Economic Perspectives*, 19(1), 9–32.
- Alexandrova, A. (2017). *A Philosophy for the Science of Well-Being*. Oxford: Oxford University Press.
- Berezovskaya, R. A. (2016). Professional well-being: problems and prospects of psychological research. *Psychological Research*, 9(45). (In Russian.)
- Borisov, E. F. (Comp.) (2000). *Reader on Economic Theory*. Moscow: Yurist Publ. (In Russian.)
- Bradburn, N. M. (1969). *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine.
- Cabelkova, I., Abrahm, J., Strielkowski, W. (2015). Factors influencing job satisfaction in post-transition economies: the case of the Czech Republic. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*, 21(4), 448–456. (<https://doi.org/10.1080/10803548.2015.1073007>).
- Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575.
- Diener, E., Suh, E. M. (1999). National differences in subjective well being, pp. 434–450 / In: D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.) *Well Being. The foundations of Hedonic Psychology*. N.Y.: Russell Sage.
- Easterlin, R. E. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence, pp. 89–125 / In: P.A. David, M.W. Reder (eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press.
- Filonenko, Y. V., Yakovleva, E. A. (2019). Subjective well-being of scientific and pedagogical workers of modern universities in the framework of the concept of balance of life and work. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 68–85. (<https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.05>). (In Russian.)
- Georgopoulos, B., Mahoney, G., Jones, N. (1957). A Path-Goal Approach to Productivity. *Journal of Applied Psychology*, XLI, 345–353.
- Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. (eds.) (2018). Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis. Moscow: Ves Mir Publ. (In Russian.)
- Herzberg, F., Mausner, B., Peterson, R., Capwell, D. (1957). *Job Attitudes: Review of Research and Opinion*. Pittsburgh: Psychological Service.
- Inglehart, R. F., Welzel, C. (2010). Agency, values, and well-being: A human development model. *Social Indicators Research*, 97, 43–63.
- Kahneman, D., Deaton, A. (2010). High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *PNAS*, 107(38), 16489–16493.
- Kainulainen, S., Saari, J., Veenhoven, R. (2018). Life-satisfaction is more a matter of feeling-well than having-what-you-want. Tests of Veenhoven's theory. *International Journal of Happiness and Development*, 4(3), 209–235.

- Khoshchenko, V. A. (2011). Subjective economic well-being and its measurement: construction of a questionnaire and its validation. *Experimental Psychology*, 4(1), 106–127. (In Russian.)
- Khvostikova, V. A. (2012). Job satisfaction and subjective well-being of an employee as a factor in the effectiveness of an organization's activities. *Social Psychology and Society*, (1), 26–39. (In Russian.)
- Kiseleva, L. S., Strielkowski, W. (2014). Economic analysis of happiness, wellbeing and health: a Tyumen region case study. *Actual Problems of Economics*, 161(11), 245–254.
- Latova, N. V. (2016). Satisfaction of Russians with life during the crisis: 2015 – the year of bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 16–37. (In Russian.)
- Lawler, E., Porter, L. (1967). Antecedent Attitudes of Effective Managerial Performance. *Organizational Behavior and Human Performance*, II, 122–143.
- Leontiev, D. A. (2020). Happiness and subjective well-being: towards constructing a conceptual field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 14–37. (In Russian.)
- Mikhalkina, E. V., Skachkova, L. S. (2019). On the choice of career strategies by graduate students of federal universities. *Problems of territory development*, 6(104), 151–172. DOI: 10.15838 / ptd.2019.6.104.10. (In Russian.)
- Naros, M. S. (2018). Romanian economists and the labour market. *Czech Journal of Social Sciences Business and Economics*, 7(1), 6–15. (<https://doi.org/10.24984/cjssbe.2018.7.1.1>).
- Nemirovskaya, A. V., Soboleva, N. E. (2020). Determinants of subjective well-being in Russia: a regional perspective. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11(2), 54–81. (In Russian.)
- Oswald, A., Proto, E., Sgroi, D. (2015). Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*, 33(4), 789–822.
- Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.
- «Russia Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE», conducted by Higher School of Economics and ZAO «Demoscope» together with Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology RAS. (RLMS-HSE sites: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse>, <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>).
- Seligman, M. E. P. (2002). *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: The Free Press.
- Shamionov, R. M. (2010). On some transformations of the structure of subjective well-being of the individual in different conditions of professional socialization. *World of Psychology*, (1), 237–249. (In Russian.)
- Simionescu, M., Strielkowski, W., Kalyugina, S. (2017). The impact of Brexit on labour migration and labour markets in the United Kingdom and the EU. *Terra Economicus*, 15(1), 148–156. (<https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-1-148-156>).
- Skachkova, L. S., Shchetinina, D. P. (2019). The contours of the subjective well-being of scientific and pedagogical workers. *Regional Economy: Theory and Practice*, 17(11), 2026–2038. (In Russian.)
- Soboleva, N. E. (2020). Factors Affecting the Contribution of Job Satisfaction to Life Satisfaction in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 368–390. (In Russian.)
- Sousa-Poza, A., Sousa-Poza, A. (2000). Well-being at work: A cross-national analysis of the levels and determinants of job satisfaction. *Journal of Socio-Economics*, 29, 517–538.

-
- Strielkowski, W., Tumanyan, Y., Kalyugina, S. (2016). Labour market inclusion of international protection applicants and beneficiaries. *Economics and Sociology*, 9(2), 293–302. (<https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-2/20>).
- Veenhoven, R. (1996). Developments in satisfaction-research. *Social Indicators Research*, 37, 1–46.
- Vroom, V. (1964). *Work and Motivation*. New York: Wiley.
- Walter-Busch, E. (2000). Stability and change of regional quality of life in Switzerland, 1978–1996. *Social Indicators Research*, 50, 1–49.
- Warr, P. (2013). How to think about and measure psychological well-being, pp. 76–90 / In: R.R. Sinclair, M. Wang, L.E. Tetrick (eds.) *Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis*. Routledge/Taylor & Francis Group.

Economic impacts of innovations in tourism marketing

Dalia Streimikiene

Mykolas Romeris University, Faculty of Public Governance and Business, Vilnius, Lithuania

e-mail: dalia@mail.lei.lt

Elena Korneeva

Togliatti State University, Togliatti

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: korneeva1207@yandex.ru

Citation: Streimikiene, D., Korneeva, E. (2020). Economic impacts of innovations in tourism marketing. *Terra Economicus*, 18(3), 182–193. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-182-193

Our paper tackles the novel issues of the economic impacts and innovations in tourism marketing in the 21st century. The paper examines the economic impact of tourism and its influence on the economy and the tourism industry in general from the angle of innovations in the tourism marketing and the new challenges for the tourism industry brought about by the COVID-19 pandemic that disrupted international tourism and caused major economic losses to the industry. We analyse the changes that the coronavirus pandemic made to the tourism industry and focus on the novel trends in tourism marketing that embeds the new informational technologies such as virtual reality (VR), augmented reality (AR), online Zoom tours, and other novelties that emerged after the lockdowns and social distancing imposed in the first half of 2020 in order to prevent the spread of the coronavirus infection. Our results show that tourism marketing in the 21st century should be based on sustainable management and provide the right answers to questions about the impacts of tourism on the economy without sacrificing positive economic growth. We also show that information technologies might offer viable alternatives to massive international over-tourism and package tours ensuring both the safety of travel and deeper immersion into the travel experience before, during, and after the trip. Our outcomes might be useful for tourism scholars, policymakers, as well as stakeholders specializing in international tourism marketing.

Keywords: tourism economics; sustainability; tourism marketing; innovations; economic impacts

JEL codes: Q2, L83, M10, M31

Экономическое влияние инноваций на туристический маркетинг

Даля Стреймикиене

Университет Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва
e-mail: dalia@mail.lei.lt

Елена Корнеева

Тольяттинский государственный университет, Тольятти
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
e-mail: korneeva1207@yandex.ru

Цитирование: Streimikiene, D., Korneeva, E. (2020). Economic impacts of innovations in tourism marketing // *Terra Economicus*, 18(3), 182–193. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-182-193

В нашей статье рассматриваются новые вопросы экономического воздействия и инноваций в маркетинге туризма в XX в. В документе исследуется экономическое влияние туризма и его воздействие на экономику и туристическую отрасль в целом с точки зрения инноваций в маркетинге туризма и новых вызовов для индустрии туризма, вызванных пандемией COVID-19, которая нарушила международный туризм и нанесла отрасли большой экономический ущерб. Мы анализируем изменения, которые пандемия коронавируса внесла в индустрию туризма, и сосредотачиваемся на новых тенденциях в маркетинге туризма, которые включают новые информационные технологии, такие как виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR), онлайн-туры Zoom и другие новинки, которые возникли в результате изоляции и социального дистанцирования, введенных в первой половине 2020 года для предотвращения распространения коронавирусной инфекции. Наши результаты показывают, что маркетинг туризма в XX в. должен основываться на устойчивом управлении и давать правильные ответы на вопросы о влиянии туризма на экономику без ущерба для экономического роста. Мы также показываем, что информационные технологии могут предложить жизнеспособные альтернативы массовому международному туризму и пакетным турам, обеспечивая как безопасность путешествия, так и более глубокое погружение в путешествие до, во время и после поездки. Наши результаты могут быть полезны для ученых в области туризма, политиков, а также заинтересованных сторон, специализирующихся на международном туристическом маркетинге.

Ключевые слова: экономика туризма; устойчивость; туристический маркетинг; инновации; экономические последствия

Introduction

International tourism offers viable economic solutions that do not sacrifice positive economic growth, but address issues such as sustainable management and provide answers to questions about the economic impact of tourism and its impact on the economy,

without sacrificing any of these answers for positive economic growth (see Vasylchak, Halachenko, 2016; Radovic et al., 2017; Garau-Vadell et al., 2018; Lisin et al., 2018; Eslami et al., 2018; or Nasrollahi et al., 2020).

In the recent years, the number of tourists was growing steadily fuelled by the new visitors from China and India, in addition to the traditionally active tourists from the Western countries. One can see that tourism numbers and revenues are growing exponentially, as data from the World Tourism Organisation show (see Fig. 1 that follows).

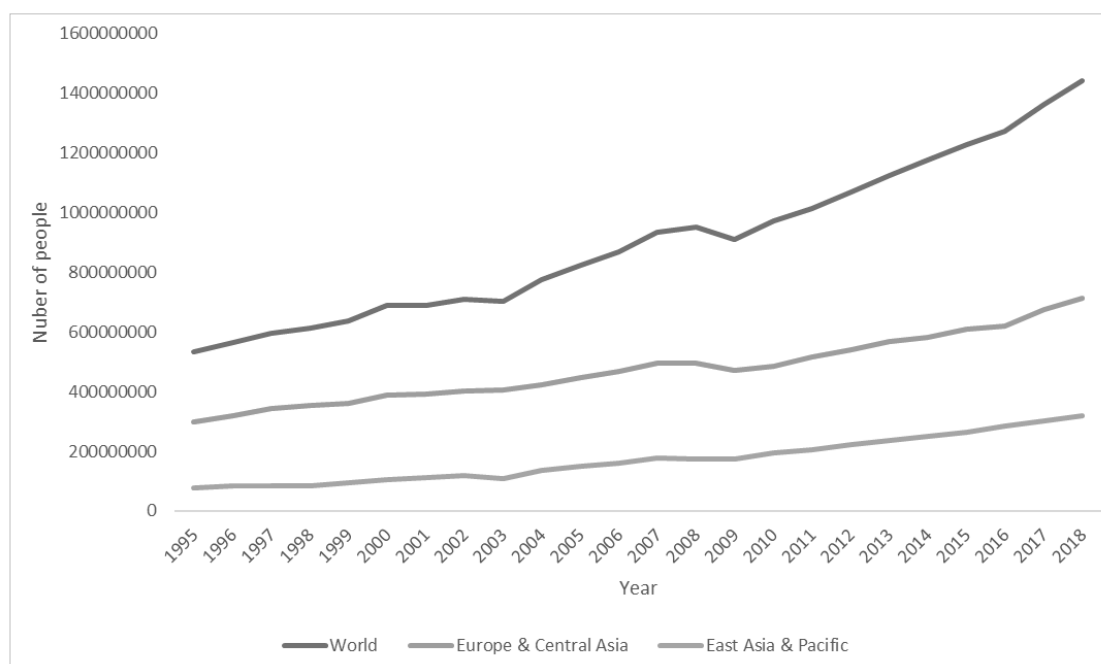

Fig. 1. International tourism, number of arrivals

Source: Own results based on World Bank (2020)

All of the above is happening due to the rising affordability of international travel for the wider masses, lifting border restrictions, and the increasing level of life in the emerging countries. However, another very important factor that boost international tourism and increases its economic gains is the rise of tourism marketing that embraces the novel technologies and innovations in the fields of information, psychology, sociology, and medicine, just to name a few, to promote tourism destinations and make more people to embark on a short or a long tourist trip either domestically or abroad (Divisekera, Nguyen, 2018).

Tourism has a wide range of economic effects, to which tourists contribute through sales, profits, tax revenues and much more (Tyslová et al., 2020). According to Li et al. (2018), tourism affects most economies and sectors through secondary effects, but according to Ahn and Back (2020), the most direct effects that occur in these sectors are in the tourism industry, such as hotels, restaurants, and resorts.

Many of the companies you encounter are multinational companies and internationally run organisations that contribute to economic losses, such as hotels, restaurants, hotels and resorts, airlines and hotels. While companies like Airbnb and Uber promote the growth of local communities, this is not always the case in the long term.

Many of the companies one can encounter in international tourism are multinational companies and internationally-run organisations, such as hotels, restaurants, hotels and resorts, airlines and hotels, that contribute to economic losses of the national economies. While companies like Airbnb and Uber promote the growth of local communities, this is not always the case in the long term. Most of the profits from the so-called «sharing econ-

omy» are generated by the large multinational corporations in the long run. Thence, the losses to the international tourism might not that great when the sharing economy in tourism stops working.

Generally, one of the best tools for quantifying the economic contribution of tourism is the Tourism Satellite Accounts (TSA). They measure when the significant increase in the number of tourists is happening and when a subsequent decline in tourism follows (Ragab, Meis, 2016). This is because import inflation and increased demand are pushing up prices, taxes are potentially rising, and the government needs to fund expensive tourist infrastructure. The TSA measures direct impacts, while indirect induced impacts are assessed using a modelling approach and indirect effects (e.g., the impact of tourism on tourist infrastructure). Foreign tourists pump money into the local economies when they spend their euros or dollars on services and souvenirs made by locals at tourist destinations. The economic contribution of tourism is also felt in the local economy, where direct economic effects are generated when goods such as hotels, restaurants, hotels and drinks are sold. Moreover, the indirect economic impact of tourism is reflected in investment and expenditure by private and state interests in the context of tourism. The economic position of tourism cannot be fully understood without playing an important role in the country's wealth. Tourism is an exceptional intermediary in the growth of an economy and is therefore an important component at macroeconomic level. Many countries have identified tourism as the most important way to boost their economies. The more economically developed countries (MECs) benefit from tourism in terms of produced wealth, even if the GDP that tourism generates is low. Lower developing countries (LEDCs) are volatile in their participation in tourism, but receive money from the majority of countries. Some economies have suffered from the economic crisis of recent years, particularly in the tourism sector. This leaves their local tourism industry vulnerable to anything that negatively affects it, with devastating effects on the overall economic climate.

Any society can benefit from tourism if it is sustainable for society. Tourism could make a considerable contribution to this, given the government's efforts to eradicate poverty and diversify the economy. However, the economic benefits of tourism depend on the appropriate and reasonable amenities the country offers.

Recent COVID-19 pandemic that happened in 2020, brought many new challenges and restrictions to the tourism industry causing harsh damages to its structure and mechanisms. There are many new issues tourism professionals around the world need to face. Due to that, tourism marketing in the post-pandemic world should adapt to these new challenges and introduce tools and techniques that would help the industry to recover and achieve positive economic growth.

This paper is structured as follows: Section 2 describes the current information technologies and the best practices of their use in tourism marketing. Section 3 analyses the impact of COVID-19 on international tourism and travel. Section 4 elaborates on the virtual and augmented reality in tourism. Section 5 describes the impact on coronavirus pandemic on the online resources used in tourism marketing. Finally, the Conclusions close this paper and offer some insights and perspectives of this research.

Information technologies and tourism marketing

Generally, sustainability is boosting tourism, and smart tourism is becoming a driver of social change (see, e.g., Khan et al., 2017; Dabeedooal et al., 2019). The challenges and opportunities for tourism services offered by small and medium-sized tourism companies, which are usually run by families, are many and varied. Data of this kind can benefit tourism authorities, businesses and the tourism sector in many ways. The fact that hotels often have more data on their guests than hotels in most countries, for example, shows that effective marketing of tourist resources is also essential to reduce resource waste. In short,

precise and accurate data (as well as tools for their processing and analysis) are crucial for planning and communication in tourism industry (Abbott et al., 2012; Huamin, Xuejing, 2019; Vitic Cetkovic et al., 2019,). This also opens the issue of the so-called “big data” and their usage. As more and more people are using digital technologies in the devices such as smartphones and digital trackers, the data from these devices can be aggregated and analysed quickly. However, the amount of information collected in such a way is enormous and requires special tools and skills. This also constitutes a challenge for tourism analytics who need to be able to work with such data.

Based on analysis of the international tourism and tourism marketing, it is obvious that information and communication technology is having an impact on the tourism industry (see e.g. Chiabai et al., 2014; Abrham, Wang, 2017; Stanujkic et al., 2019). These findings can be of great help to the decision-making process and improve its functioning. With more data - driven figures and more information available – tourism stakeholders can make informed decisions. For example, the Nepal Government can offer people in rural areas training on how to improve the use and effectiveness of information and communication technology. Nepal which is a popular tourism destination and boasts the highest mountains in the world and pristine and beautiful nature, has stressed that many people in tourist areas still follow the old business methods. When new technologies are part of the problem, and peer-to-peer apps and social media encourage people to visit destinations, exit strategies can be offered (Kharel, 2018). London is one of the first countries to develop a technological approach to the problem, and an example of this is a city app called Play London.

In the Czech Republic, the smartphone apps are used to promote the diverse historical heritage of the country. One of the apps called «Operation Anthropoid» features a smartphone quest-like online game that uses the geolocation coordinates (Strielkowski, 2016).

Recent trends in United States tourism show that there is a strong correlation between the incentive for business travellers and pleasure. It is particularly useful that this is one of the most important factors in attracting tourists, whether they are travelling for business or pleasure. Instead of making forecasts, this data can be used to determine the actual situation of key markets. The tourism 4.0 platform facilitates this by using key technologies that were available at the time. In this way, the platform reduces the information selection congestion that is currently a challenge for tourism companies in the United States, Europe, Asia, and the Middle East. In addition, the platform can be used by various tourism providers to exchange information about tourist products and services such as hotels, restaurants, hotels and resorts.

Tourism 4.0 uses new services and products developed to the satisfaction and experience of all stakeholders in the tourism ecosystem (Kurgun et al., 2018). The information technology used in the tourism industry and its impact on tourism are very important. Tourists use technology to support decisions – during their journey and at their destinations. There are numerous applications of information technology in sectors such as travel, tourism, hospitality, business, education, health and health care, and tourism management.

One of the challenges facing the industry is that the growth in tourism to destinations around the world is being felt more strongly by less populated areas. Although we account for more than one-third of all tourist arrivals in the United States, those with the greatest impact, measured by the intensity of tourism, face greater impacts. Tourism intensity is measured by visit arrival data in combination with data on the size of the resident population.

COVID-19 and international tourism

Right after its outbreak in March 2020, the World Travel and Tourism Council has warned that the COVID-19 pandemic could destroy millions of jobs in the travel and tourism sector, with the global decline in travel expected in 2020. Unfortunately, this was quite precise.

International tourism suffered immensely from the coronavirus-caused restrictions and in some places, it came to an ultimate halt.

COVID-19 is not an ordinary shock to global tourism, but there is no analogy in the history of the massive expansion of international tourism that began in 1950. As highlighted, UNWTO (2020) predicts that the impact of COVID 19 on the global travel and tourism sector (WTTC) would result in an annual loss of 1.5 to 2 billion dollars in tourism revenues in 2020. The estimate for the WTTC 2020 is much higher and expects to have an impact on tourism of \$3 to \$5 billion per year by 2020.

Figure 2 that follow below shows the abrupt change in the international tourist arrivals offering a comparison of 2019 and the first quarter of 2020.

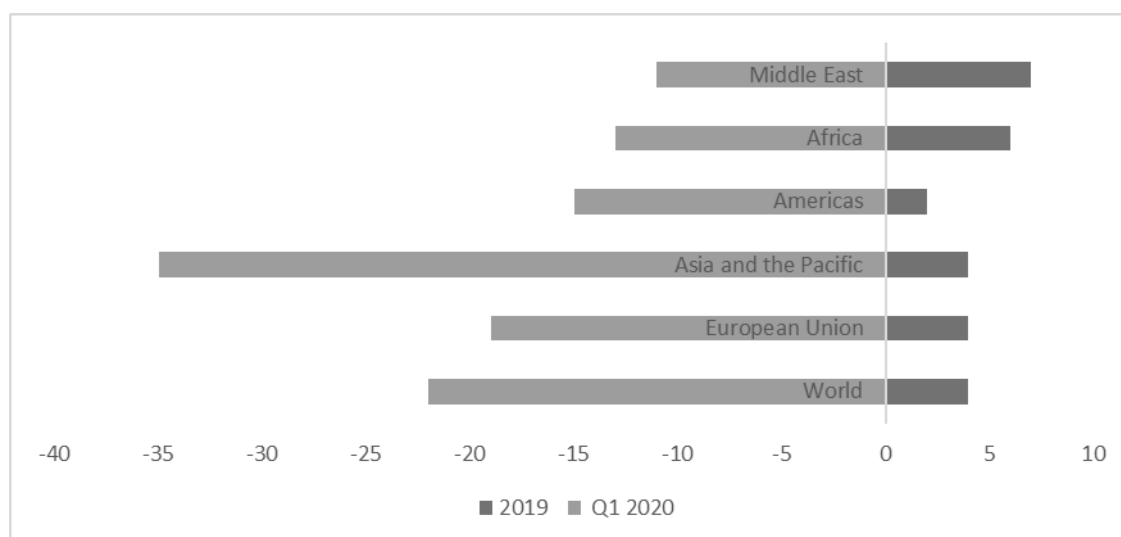

Fig. 2. International tourist arrivals, 2019 and Q1 2020 (in % change)

Source: own results based on UNWTO (2020)

A recent study by the World Health Organization (WHO) and UNICEF shows that a near-total ban imposed in response to pandemics has led to an increase in travel to countries with high food insecurity, especially compared to 2019. The COVID-19 pandemic suspended many practices of intangible cultural heritage and many World Heritage properties have been closed or closed because they are socially dissociated from communities living near the sites and have no access to them. Apart from that, the COVID-19 pandemic has brought travel to a standstill, and some 90% of the world's population lives in countries with travel restrictions. Given the widespread travel restrictions around the world, this suggests a significant impact on the global tourism industry as a whole. Although pandemics are well known to have affected many industries, they have also left a deep hole in the balance sheet of global tourism, which actually contributes more than 10% to global GDP. According to a statement released by the agency, this means that COVID-19 will lose five to seven years of growth, taking market trends into account. For its part, the government plans to resume travel from September 2020, rather than going into the fast lane. As in the world, the pandemic has also destroyed tourism, which contributes up to 8.2% to the economy in South Africa each year and employs one worker in over twenty. The background to this is a sharp decline in tourism spending in recent years, largely due to the economic downturn in China and India.

The travel industry has come to a sudden halt as travellers cancelled or rescheduled trips, and travel agents say the trip will be cancelled. According to the World Tourism Organization, the pandemic has resulted in a loss of \$1.5 billion in international tourism in

South Africa alone. This means a loss of \$320 billion in international tourism revenue and a loss of more than two million jobs in the United States alone (OECD, 2020).

COVID-19 was created at the height of the winter cruise ship season, cruise ships are turning away from the Caribbean as the virus spreads, and it is going to have a lasting impact on the travel industry for the next several months and perhaps years. It is highly likely that it might encourage a change in the way travellers' approach and plan their journeys, but will it have a lasting impact on tourism? Europe has already lost more than a third of its cruise ship and air travel capacity since January 2020, and airlines are suffering from a sharp decline in activity (European Commission, 2020). As a result, some airlines have already made contingency plans in case of possible bankruptcy and are flying empty-handed. We would not have thought so a year ago, but people are already embracing the concept of slow, sustainable tourism. This unprecedented pandemic also provides an opportunity to question the importance of globalised tourism and invites us to rethink the new beginning of the tourism industry.

The pandemics have temporarily prevented us from defining tourism as a level of visitor that negatively affects the local population. These negative effects can include overcrowding, over-tourism, lack of access to healthcare and poor quality of life. This dynamic is reflected in the negative impact of tourism on the health of local populations in different countries. To slow the spread of the virus, some countries have imposed travel restrictions, meaning that many people cannot buy flights for leisure or business trips.

To cut costs further, airlines must make layoffs and cut flights. For example, the Korea Association of Travel Agents is asking for government support to offset travel expenses for its members and other travel agencies (Pulsenews, 2020). Most holiday trips are made in the summer months, as gas prices are low and many people prefer to wait until the last minute to plan a trip due to uncertainty. Stays have become popular in the United States, where most people spend their holidays near where they live. The global immobility caused by the coronavirus pandemic crisis has seriously confused tourists, politicians and researchers. A recent report by the United States Department of Tourism stated that bookings and cancellations have increased and damaged the industry's image (Gössling et al., 2020). On the one hand, there is already growing speculation that the pandemic could trigger a permanent change in market behaviour that could radically change global travel patterns. This leads to the question of whether we are entering a new era of global tourism and tourism-centred economics. Indeed, evidence suggests that memories after a crisis or disaster tend to be shorter, and that things return to the status quo sooner rather than later.

This quick assessment gives an overview of the current state of global tourism-centred economy and discusses the impact of a pandemic on the global economy and travel behaviour in the coming years. Given the scale of the COVID 19 pandemic, it is worth rethinking the idea that we should not return to normal day-to-day business when and after a crisis. The pandemic also raises questions about vulnerability, as low-paying tourism jobs are disproportionately affected by crises, and early indications suggest that tourism will have a disproportionate and much larger impact in lower-income countries. COVID 19 offers us a powerful lesson on the effects of global change. Tourism plays an important role in the economic and social life of many of the world's poorest countries, from the Middle East to Africa. A response to tourism begins, leading to better planning and management to reduce its social and environmental impact. This has led to the creation of the concept of sustainable tourism, and interest in this concept has been increased by the slow implementation.

Virtual and augmented reality in tourism

In the last decade or so, the traditional computer mouse and touchscreen used for hotel and flight bookings have been replaced by virtual reality (VR) technology which can be found, for example, in VR headsets such as the Oculus Rift and HTC Vive or the cheap

Google Cardboard headsets one can assemble for a price of several dollars. In addition, there is also a steep rise in the popularity of the augmented reality (AR), when only a part of the virtual reality is depicted on the background on the real images, buildings, and sceneries.

By having potential tourists with a clearer and more real vision of the trip, tourism and travel marketing specialists can put them in a better position to discover the world, experience the destination chosen and get to know the inhabitants and possibilities of this place. In order to experience the impossible in virtual reality, one must understand the power and power of the medium and play with it in the right way.

The desire to travel there was greater after travelling in virtual reality, and the VR experience aroused a thirst for travel when the viewer imagined he was there. These emotions help people make decisions, and VR itself plays an important role in the decision-making process. Once one decided whether or not to travel, she or he can use VR to find their dream destination.

One can see how VR (and AR) is changing the way we do things today, changing our travel and tourism habits. Many tourism researchers believe that VR can be a powerful tool to create unforgettable experiences in tourism, not only for consumers but also for the travel industry. VR can also be used to provide location-specific activities, by creating custom spaces or using existing spaces to develop concepts for virtual reality experiences. VR can also be used to promote destinations, allowing potential visitors to immerse themselves in a destination experience and learn more about it even before the visit (not speaking about revising those destinations after the visit in online mode without leaving the comfort of their homes). Virtual reality in tourism is enhanced by the unforgettable experience design framework. The overview of augmented and virtual reality offers seemingly endless possibilities to engage guests before, during and after travel to holiday destinations and far-flung places. The use of this technology opens up new opportunities for the travel and tourism industry to market itself and connect with guests. Tourist destinations and businesses around the world have tightened conditions for closures, providing screens to millions of customers to show a world of landscapes, attractions, tourism and activities that could encourage visitors once the crisis subsides. Tourism marketing specialists can use the technology to engage the potential customers and create unforgettable experiences. Virtual reality-based technology used to watch 360-degree videos of tourist destinations via a VR headset, provides an immersive experience of distress that undoubtedly stimulates the urge to travel and make new experiences. In addition, immersive experiences of places enable the viewer to gain confidence in travel by exploring and interacting with the projected environment. Although limited to the house, this new technology now allows people locked in their homes due to the COVID-19 pandemic to enjoy virtual tourism to replace a real trip for a while and to dream and plan their next (post-coronavirus) vacation. As people choose to travel less or not at all, there is a growing demand for the VR and AR in tourism. Virtual reality offers a risk-free way to escape the destination and travel in a safe and comfortable way. Following the outbreak of the coronavirus, virtual reality offered an immersive technology that could help accelerate the comeback of the travel and tourism industry. After the pandemic will be over, it is likely to stay and remain popular. As tourists become more climate conscious, it could become a great way to experience something new without the carbon footprint of pollution and overcrowding. With countries like India and Thailand creating their own immersive travel experiences, it might be time for other developed countries to do the same. There are a few more sectors that will benefit from VR travel technology and tools it offers travel agents and travellers. Although VR is not (or ever will be) as good as the real thing, it provides hotels, airlines, resorts, and tour operators with a marketing tool that no other medium can match.

Coronavirus pandemic and online resources for tourism marketing

It is apparent that moving travel and related events to the Internet can reduce costs and carbon footprint, make participation more accessible to a wider audience, and reduce the cost to the potential guests. Companies and organizations stage virtual events through live tweets and live streaming on the Internet. Music festivals like Coachella in California opt out for YouTube livestreams due to the pandemic. Information technologies help people to enjoy music, art, courses, movies or other activities and to stay active and optimistic during the COVID-19 pandemic.

Table 1

SWOT analysis of post COVID-19 tourism marketing

Strengths	Weaknesses
- Established protocols on how to market tourist destinations in case of pandemics and disasters. - Using online tools for promoting tourist destinations (e.g., online Zoom tours, or applying VR and AR for familiarising people with potential destinations. - Acceptance and familiarity with online tourism marketing tools	- Abundance of online resources and promotion which creates a plethora of information that is hard to navigate at; - Lack of physical experience with the destinations and objects; - Issues with projecting the “genius loci” or the smells, sounds and other properties of popular tourist destinations
Opportunities	Threats
- Helping tourists to emerge into the destinations before the visit offering them virtual content. - Using big data in identifying new fields and areas for tourism marketing. - Further development of ICT in tourism, deepening of virtual tourism experience	- Uncertainty and fear of international travel due to future diseases and infections. - Demise of popular travel services such as Airbnb or Booking due to the low demand and recent shocks. - Occurrence of another unexpected event that would disrupt international tourism

Source: Own results

Table 1 above offers a SWOT analysis of post COVID-19 tourism marketing that is likely to be shaped by the pandemic and all its related experience such as social distancing, increased hygiene, lockdowns, and travel restrictions.

One can see from Table 1 that among the obvious strength for the post COVID-19 marketing are the acceptance and familiarity with the online resources in tourism and hospitality. However, there are also weaknesses related to the disappearance of the traditional «taste and smell» approach to some destinations. One simply cannot sample the street food from a local market online or smell the cooking on the street.

Among the new opportunities are the use of big data and the further investments into the ICT services for tourism. However, there are also some threats related to how the travellers in post-coronavirus world are going to react to the possibility of contracting a disease while travelling. The global hysteria around the COVID-19 pandemic is likely to brew many fears that would damage the image of the tourism industry.

The virtual reality tour offers not only access to familiar cultural offerings, but also to new ones. Even traditional players in tourism industry realized the potential of online services thanks to the social distancing and lockdowns caused by the coronavirus pandemic. For example, the Louvre, a world-renowned museum located in Paris and housing many historical masterpieces and great works of art enabled interactive tours and even helped to create a route for the time when one is actually planning a visit. Online resources allow to visit any country in real time and help to plan the visit or to create specific itineraries.

Online Zoom tours also provide a very choice for those visiting any country. They represent an interactive live experience that one can enjoy online from the comfort and security of her or his home or travel there in real time using an interactive map. The concept is that travellers travel in real time, while tracking the location of their destination, while providing them with personalised services. The online experience is very diverse and tries to address all aspects a traveller would gain from their trip. The special thing is that most tours do not take place in real time, but the host actually does the tour for you in real time. Sights around the world are published on their website to meet the travel needs. If one wants an interactive virtual journey, there are opportunities from Google Maps that feature photos and videos uploaded by the users to the professional guided tours (conducted either offline or in real time), as well as various interactive presentations created by the tourism boards and travel professionals. COVID-19 enriched the offer the tourism industry possessed and diversified the supply of online and offline services intended to support international tourism and hospitality industry while they are struggling with the outcomes of the pandemic and economic losses.

Conclusions and implications

Overall, it becomes apparent that COVID-19 pandemic disrupted international tourism and caused major economic losses to the industry. For the first time in many years people started to fear international travel and limit it to the minimum. Some even started to talk about the end of global tourism (or the end of globalisation). Business tourism and package tours alike suffered great economic losses and so did air carriers, hotels and restaurants. The blow to the tourism and hospitality industry caused by the coronavirus pandemic will continue to alter and to shape its further development in many years to come. Perhaps, most of the fears related to the demise of the tourism industry are never going to materialise but the pandemic will alter the rules of the game and the institutional setback of international tourism and travel worldwide. It is quite possible that global tourism would start putting more stress on sustainability and climate protection or embrace the sustainable development goals (SDG) to a greater extent than it ever did before.

However, from the ashes of the «old» tourism and travel industry, the new institutions of tourism are likely to emerge in accordance with the principles of the institutional design. These new institutions will be based on using more information and online communication technologies for promoting tourist destinations before, during, and after the visit. Moreover, some new players will emerge on the market offering novel solutions for booking accommodation, buying air and bus tickets online, and organizing experiences in various destinations. The «Blue Ocean strategy» will find its way into the post-pandemic tourism and travel and new economic niches will be formed on the newly recovered market.

All these changes should be tackled by the innovations in tourism marketing in the 21st century that should embed them and use new tools and approaches for helping to return tourism and hospitality industry to the pre-pandemic levels. Economic well-being of many countries and the quality of life of many people around the world would very much depend on it. All of this, together with other important issues such as the global climate change, should become the new agenda for the tourism marketing and create a pathway for innovations that would help international tourism worldwide.

References

- Abbott, A., De Vita, G., Altinay, L. (2012). Revisiting the convergence hypothesis for tourism markets: Evidence from Turkey using the pairwise approach. *Tourism Management*, 33(3), 537–544. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2011.06.003>

- Abrham, J., Wang, J. (2017). Novel trends on using ICTS in the modern tourism industry. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*, 6(1), 37–43. <https://doi.org/10.24984/cjssbe.2017.6.1.5>
- Ahn, J., Back, K. J. (2020). The structural effects of affective and cognitive elaboration in formation of customer-brand relationship. *The Service Industries Journal*, 40(3-4), 226–242. <https://doi.org/10.1080/02642069.2018.1460358>
- Chiabai, A., Platt, S., Strielkowski, W. (2014). Eliciting users' preferences for cultural heritage and tourism-related e-services: a tale of three European cities. *Tourism Economics*, 20(2), 263–277. <https://doi.org/10.5367/te.2013.0290>
- Dabeedooal, Y. J., Dindoyal, V., Allam, Z., Jones, D. S. (2019). Smart tourism as a pillar for sustainable urban development: An alternate smart city strategy from Mauritius. *Smart Cities*, 2(2), 153–162. <https://doi.org/10.3390/smartcities2020011>
- Divisekera, S., Nguyen, V. K. (2018). Determinants of innovation in tourism evidence from Australia. *Tourism Management*, 67, 157–167. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.01.010>
- Eslami, S., Khalifah, Z., Mardani, A., Streimikiene, D. (2018). Impact of noneconomic factors on residents' support for sustainable tourism development in Langkawi Island, Malaysia. *Economics and Sociology*, 11(4), 181–197. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2018/11-4/12>
- European Commission (2020). Tourism and transport package. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_870
- Garau-Vadell, J. B., Gutierrez-Taño, D., Diaz-Armas, R. (2018). Economic crisis and residents' perception of the impacts of tourism in mass tourism destinations. *Journal of Destination Marketing & Management*, 7, 68–75. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2016.08.008>
- Gössling, S., Scott, D., Hall, C. M. (2020). Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>
- Huamin, L., Xuejing, Z. (2019). A Study of Factors of Leisure Tourism Intention: Based on the Theory of Planned Behaviour. *Transformations in Business & Economics*, 18(1), 163–182.
- Khan, M. S., Woo, M., Nam, K., Chathoth, P. K. (2017). Smart city and smart tourism: A case of Dubai. *Sustainability*, 9(12), 2279. <https://doi.org/10.3390/su9122279>
- Kharel, S. (2018). Information and communication technology for the rural development in Nepal. *Tribhuvan University Journal*, 32(2), 177–190. <https://doi.org/10.3126/tuj.v32i2.24714>
- Kurgun, H., Kurgun, O. A., Aktaş, E. (2018). What does Web 4.0 Promise for Tourism Ecosystem? A Qualitative Research on Tourism Ecosystem Stakeholders' Awareness. *Journal of Tourism and Hospitality Management*, 6(1), 55–65. <https://doi.org/10.15640/jthm.v6n1a6>
- Li, K. X., Jin, M., Shi, W. (2018). Tourism as an important impetus to promoting economic growth: A critical review. *Tourism Management Perspectives*, 26, 135–142. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2017.10.002>
- Lisin, E., Shuvalova, D., Volkova, I., Strielkowski, W. (2018). Sustainable development of regional power systems and the consumption of electric energy. *Sustainability*, 10(4), 1111. <https://doi.org/10.3390/su10041111>
- Nasrollahi, Z., Hashemi, M. S., Bameri, S., Taghvaei, V. M. (2020). Environmental pollution, economic growth, population, industrialization, and technology in weak and strong sustainability: using STIRPAT model. *Environment, Development and Sustainability*, 22(2), 1105–1122. <https://doi.org/10.1007/s10668-018-0237-5>

- OECD (2020). Tourism Policy Responses to the coronavirus (COVID-19) (<https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/tourism-policy-responses-to-the-coronavirus-covid-19-6466aa20/>).
- Pulsenews (2020). Korean tour industry seeks gov't help to prevent chain bankruptcies. Available at: <https://pulsenews.co.kr/view.php?year=2020&no=140795>
- Radovic, D., Strielkowski, W., Wang, J., Cepel, M., Rausser, G. (2017) Economic analysis of sustainable tourism: a case study of Nottingham. *Transformations in Business & Economics*, 16(2B), 703–714.
- Ragab, A. M., Meis, S. (2016). Developing environmental performance measures for tourism using a Tourism Satellite Accounts approach: A pilot study of the accommodation industry in Egypt. *Journal of Sustainable Tourism*, 24(7), 1007–1023. <https://doi.org/10.1080/09669582.2015.1107078>
- Stanujkic, D., Karabasevic, D., Smarandache, F., Zavadskas, E. K., Maksimovic, M. (2019). An innovative approach to evaluation of the quality of websites in the tourism industry: A novel MCDM approach based on bipolar neutrosophic numbers and the hamming distance. *Transformations in Business & Economics*, 18(1), 149–162.
- Strielkowski, W. (2016). Innovations in tourism marketing: Operation Anthropoid in Prague. *Marketing and Management of Innovations*, (4), 106–112.
- Tyslová, I., Abrhám, J., Horváthová, Z., Rubáček, F. (2020). Economic benefits of tourism: Cultural identity and tourism destinations in the Czech Republic. *Terra Economicus*, 18(2), 139–154. <http://dx.doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-2-139-154>
- UNWTO (2020). International tourist numbers in 2020 (<https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020>).
- Vasylchak, S., Halachenko, A. (2016). Theoretical basis for the development of resort services: regional aspect. *International Economics Letters*, 5(2), 54–62. <https://doi.org/10.24984/iel.2016.5.2.3>
- Vitic Cetkovic, A., Bauk, S., Potocnik Topler, J. (2019). Assessing Caterers' Satisfaction with Cruise Tourists' Behaviour. *Transformations in Business & Economics*, 18(1), 183–198.
- World Bank (2020). International tourism indicators (<https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL>).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)

2020

Том 18

Номер 3

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218-40-00, 219-97-49 **e-mail:** info@sfedu.ru **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250-59-57 **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 15.09.2020. Подписано в печать: 20.09.2020

Выход в свет: 25.09.2020

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Serif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 22,55. Уч.-изд. л. 26,30.

Тираж 558 экз. Заказ № 185. С. 194

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен ООО «Наука-Спектр»

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140

Тел.: +7 (863) 269-09-71

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.